

ИСТОРИЯ HISTORY

Алепко Н. А.
N.A.Alepko

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЯПОНИИ В 60-е гг. XIX в.

BUILDING UP OF RUSSIA-JAPAN ECONOMIC RELATIONS IN 1860-IES

Алепко Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и международной деловой коммуникации Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Известковая, д. 33, кв. 119; 84212224994. E-mail: n_alepko@hotmail.ru.

Ms.Alepko Natalia – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and International Business Communication, Khabarovsk State Academy of Economics and Law. 6881042 City of Khabarovsk, 33 Izvestkovaya Street, office 119. + 74212224994. E-mail: n_alepko@hotmail.ru

Аннотация. На основании проведенных исследований установлены основные этапы формирования российско-японских торговых контактов и причины их неразвитости в 60-е гг. XIX в. Раскрыт уровень экономического развития Японии и степень хозяйственного освоения Дальневосточного региона России. Особое внимание уделено изучению роли служащих МИД России в установлении экономических контактов с Японией.

Summary: The paper outlines the key phases of the development of Russia-Japan trade relations and the reasons why they lacked in 1860-ies. The author pays attention to Japan's economic level, and to the development of the Russian Far East. A point of peculiar interest is the role of the personnel of the Russian Foreign Affairs Ministry in the development of trade relations with Japan.

Ключевые слова: договор, трактат, консул, торговля, порт, контракт, таможенный тариф, кредит, компания.

Key-words: agreement, treaty, contract, consul, credit, company, trade, port. customs duty.

УДК 902

Сегодня при усилении значения экономического фактора в международных отношениях особо востребованными становятся исследования исторических аспектов процесса формирования торгово-экономических отношений России с иностранными государствами, и в частности, с такой экономически развитой страной как Япония. Многие современные проблемы российско-японских отношений своими корнями уходят в историческое прошлое. Основы целого ряда существующих противоречий были заложены ещё на заре отношений двух стран. От выявления причин и механизмов формирования данных противоречий во многом зависит настоящее и будущее российско-японского диалога.

Все попытки России установить официальные отношения с Японией во второй половине XVIII – начале XIX в. не имели успеха, поскольку ещё с 1639 г. японское правительство перешло к политике самоизоляции. Первый российско-японский договор был подписан лишь в 1855 г. в г. Симода. В августе 1858 г. в г. Эдо (см. прим. 1) был заключен российско-японский договор о торговле и дружбе, который подтвердил положения договора 1855 г., но отменил объяснительные статьи и дополнительный трактат 1857 г. Было условлено, что он вступит в силу 19 июня (1 июля) 1859 г. Стороны договорились об обмене постоянных дипломатических представителей и генеральных консулов. Для России дополнительно открывались г. Канагава (вместо Симода) – с 1859 г., порт на западном побережье о. Хонсю

Алепко А. В.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИИ И ЯПОНИИ В 60-Е ГГ. XIX В.

(г. Ниигата) – с 1860 г., порт Хёго (Кобе) – с 1862 г. В открытых для русской торговли портах учреждались российские консульства [13, 366-367].

Эдоский трактат обеспечил благоприятные условия для российских предпринимателей в открытых гаванях Японии и действовал до 1895 г. Кроме того, трактат носил такой же неравноправный характер, как и договоры, навязанные Японии западными державами, поскольку лишил её таможенного суверенитета. К российско-японскому договору 1858 г. также прилагались правила торговли русских в Японии и таможенный тариф.

После подписания вышеупомянутого договора российские деловые круги стали поднимать в прессе вопрос о необходимости расширения сношений с Японией, а в некоторых случаях и требовать активных действий. Так, в январе 1859 г. в «Московских ведомостях» появилась статья, посвященная о-вам Рюкю. Отмечая их выгодное географическое положение, богатство природных ресурсов, искусство местных ремесленников, газета писала, что товары, производимые на островах, «могут найти сбыт в наших северо-западных американских колониях и по побережьям Амура» [9; 18, 85]. Она утверждала, что ни Российско-Американская компания, ни Амурская компания не понесли бы убытков, если бы основали на о-вах Рюкю несколько своих торговых контор. О необходимости развития торговли с Японией для поддержания освоения Дальнего Востока указывал и «Русский вестник» [12, 145; 4, 35-43].

С другой стороны, установление официальных отношений между двумя странами способствовало возникновению у японских предпринимателей попытки наладить торговые связи с российским Дальним Востоком. В 1861 г. японское правительство приняло решение направить официальную делегацию в г. Николаевск-на-Амуре на японской шхуне «Камито мару». В конце июня 1861 г. японская экспедиция прибыла в Николаевск. Японцы привезли образцы товаров, чтобы изучить возможный спрос на них в Приамурье [2, 62-63]. Эта экспедиция положила начало японской торговле на территории российского Дальнего Востока.

Однако, несмотря на активное развитие внешнеторговых связей Японии с западными странами, начавшееся с 60-х гг. XIX в., русские купцы практически не воспользовались привилегиями, которые получили по Эдоскому договору. Еще 25 октября 1857 г. Е.В. Путятин писал министру иностранных дел А.М. Горчакову (1798-1883): «Я опасаюсь, однако, что купечество наше, по недостатку предприимчивости и ложным понятиям приобретать мгновенно прибыль без усилий и жертвований, не извлечет для себя выгод чрез настоящее открытие нового рынка для русской промышленности, разве допущена будет свободная чайная торговля с Китаем, которая неизбежно привлечет большое количество русских купеческих судов в здешние моря» (см. прим. 2).

Ученый и путешественник М.И. Венюков (1832-1901), посетивший Японию в 1869 г. с целью изучения состояния её военных учреждений, флота и внешней торговли, отмечал, что ни в г. Иокогаме, ни в г. Эдо не было русской миссии, поэтому он был вынужден прибегнуть к посредничеству европейских купцов в Иокогаме. «Европейско-американские купцы теперь командовали рынком, несмотря даже на то, что работали каждый про себя...», – писал он [3, 83-85]. Согласно М.И. Венюкову, единственным русским предпринимателем в Японии в 1869-1870 гг. был владелец гостиницы «Россия» в г. Хакодате – отставной матрос П.А. Алексеев, который в конце 1863 г. открыл первую русскую гостиницу в Японии. П.А. Алексеев заведовал также комиссионерской конторой и занимался поставкой продовольствия на русские суда. С 1872 г. он переехал в г. Токио, где работал строительным подрядчиком первых русских зданий [19, 12; 17, 173-174].

Позже, в 1880-х гг., чиновник горного департамента, секретарь учрежденного «Общества для содействия русской промышленности и торговли» К.А. Скальковский (1843-1905) по поручению министерства финансов совершил ряд поездок по окраинам России и за границу с целью изучения торгово-промышленных вопросов. Во время командировки в Японию он отмечал, что слабее всех развились торговые обороты у Японии с Россией, несмотря на полученные ею льготы по Эдоскому договору 1858 г. и на близкое соседство русских тихоокеанских владений с Японским архипелагом. «Ничего похожего на сношения с Китаем

здесь нет, – отмечал К.А. Скальковский уже в 1883 г., – и речь может идти только о будущем» [13, 364-367].

Экономическая отсталость России в тот период, географическая удаленность Японии от основных промышленных центров России, трудности транспортировки товаров, путевые издержки, фрахт иностранных судов и т.д. приводили к удорожанию российских товаров. Слабая колонизация российских тихоокеанских владений препятствовала использованию их ресурсов для торговли с Японией. Сибирские товары – лес и меха – в тот момент не пользовались спросом в Японии. Доставка на японский рынок требуемых продуктов (шерсти, сукна, тканей, свинца, олова, стекла и т.д.) из центральных районов России обходилась слишком дорого. Поэтому русские купцы не рисковали вступать в конкуренцию с западными торговцами, которые, благодаря поддержке своих консульских представителей, лучше изучили потребности японского рынка, могли в большем количестве доставлять товары фабричного производства и имели опыт посредничества в торговле Японии с азиатскими странами (см. прим. 3).

Японист-историк Э.Я. Файнберг отмечала, что сами японцы не рисковали плавать на своих джонках до русских берегов, поскольку японское правительство чинило этому препятствия, к тому же японские купцы не успели убедиться в выгодности торговли с Россией. Администрация Приморской области и местные предприниматели опасались расходовать значительные средства на налаживание прочных экономических связей с Японией, раздираемой междоусобицей [16, 329-330].

Японский специалист по истории России Ц. Тогава, отмечал, в свою очередь, что уважение Е.В. Путятиным японских законов произвело благоприятное впечатление на правительство Японии и в период бакумацу (1854-1866 гг.) и оценка России была довольно высокая, ее называли «страной справедливости». Однако по мере изучения японскими политиками реального экономического положения в России и в связи с усилением в японском общественно-политическом сознании русофобии оценка России изменилась. А. Мори (Мори Аринори) (1847-1889), который впоследствии стал первым министром образования, во время своего пребывания в г. Санкт-Петербурге и г. Кронштадте в 1866 г. изучал положение русского предпринимательства и торговли. Используя английские материалы, он писал, что экспорт России составляет примерно половину её импорта, и пришел к выводу, что Россия некомпетентна в торговле с Японией [14, 110].

Позиция МИД России, считавшего более важным делом охрану политических интересов, и отсутствие у российского правительства ясного и продуманного внешнеэкономического курса в отношении Японии также во многом препятствовали развитию торговых контактов. Хотя инструкция министра иностранных дел России князя А.М. Горчакова (1798-1883) российскому консулу в г. Хакодате И.А. Гошкевичу, от 8(20) февраля 1858 г., гласила, что в результате заключения с Японией Симодского трактата Россия после полувековых усилий достигла важной цели: была открыта новая сфера для торговой деятельности. Успехи русских купцов представлялись А.М. Горчакову несомненными при их благоразумии и постоянстве (см. прим. 4).

По вышеупомянутым причинам торговый оборот России с Японией в период бакумацу был ничтожен. Доля России составляла 0,5 % японского экспорта и около 3 % японского импорта [10, 193]. Долгое время после открытия торговли с Японией главным предметом спроса из России были стеариновые свечи, позднее – керосин, но их доставка в нужном количестве была проблематична.

В последние годы существования сёгуната Токугава контакты с иностранцами в Японии ограничивались, в основном, сферой торговли и, отчасти, культуры. К тому же общественное настроение в Японии было антизападным. В российском «Сборнике сведений и материалов по ведомству министерства финансов» за 1865 г. отмечалось, что одним из главных препятствий развитию российско-японской торговли является японский феодализм, гнет которого гораздо тяжелее европейского, так как сегуны и даймё старались изолировать народ извне. «Торговля может подняться значительно лишь тогда, – заключал автор, – когда япон-

Алепко А. В.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИИ И ЯПОНИИ В 60-Е ГГ. XIX В.

ский народ освободится от своих притеснителей». Так, экспорт в Японию на русских судах в 1863 г. составил 9 тыс. 592 мексиканских долл. (тогда как на английских судах – 2 млн. 542 тыс. 926 мексиканских долл.) [15, 163-164].

Более того, в «Сборнике» отмечалось, что европейские купцы после продолжительного пребывания в Японии смогли узнать крайне мало о торговых отношениях, производстве и потребностях страны. «Японские торговцы, – писал автор, – стоят так низко и так мало образованы, что не в состоянии судить о больших торговых операциях, не говоря уже о том, что им строго запрещено знакомить иностранцев с внутренними отношениями страны». Иностранному торговцу было чрезвычайно трудно угадать потребности японцев. Когда им предлагали новые образцы товаров, они находили их очень хорошими и предлагали приемлемые цены. Но когда привозили товар, японцы начинали резко критиковать его и уже предлагали полцены». «Вместе с тем японец чрезвычайно редко позволяет связывать себя контрактом, – продолжал автор, – а в случае нарушения его с величайшим трудом можно найти защиту у японских властей» [15, 165-166; 3, 83].

Японист А.Н. Мещеряков также отмечал, что партнерами европейских торговых авантюристов часто выступали далеко не лучшие представители японского народа. Таможня Японии была коррумпирована: целые партии вина можно было записать в графу «для личного употребления» и избежать пошлины. Европейским купцам приходилось внимательно следить за качеством приобретаемого товара. Несоблюдение условий контракта было в порядке вещей [8, 105].

Несмотря на это, современники Е.В. Путятин считали, что русско-японская торговля имеет большие перспективы, и предлагали вывозить из Японии рис, патоку, сахар, леденцы, чай, соль, рыбий жир, селитру, серу, растительное масло, а также использовать японскую дешевую рабочую силу для строительных работ в Приморском крае [16, 530].

Касаясь дальневосточной торговли России, министр иностранных дел в инструкции 1865 г. новому консулу в г. Хакодате Е.К. Бюцову (1837-1904) выражал сожаление, что она слабо развита и что единственные попытки для её развития предпринимались Амурской торговой компанией. Тем не менее, чиновники МИДа отмечали благоприятные условия для оживления торговли Восточносибирского генерал-губернаторства с Японией. По их мнению, в японских портах могли найти верный и выгодный сбыт лес из Приамурья, сибирские продукты (кожа, сало, меха и др.), сахалинский каменный уголь. Огромное значение имел ввоз из Японии риса, соли и других предметов первой необходимости ввиду их исключительной дороговизны в г. Николаевске и других портовых городах Приморской области [16, 461-462].

Указывая на застои в российско-японской торговле, руководство МИДа предлагало Е.К. Бюцову изучить его причины в Японии и собрать все полезные сведения в данной области. В то же время, ссылаясь на запросы контр-адмирала И.А. Ендогурова (1812-1871) и представителей морского министерства относительно затруднений, испытываемых русскими моряками при обмене иностранной валюты на японскую монету, МИД поручало Е.К. Бюцову обратить особое внимание на разрешение данного вопроса. А.М. Горчаков также предупредил, что консульство по-прежнему должно уклоняться от вмешательства в непрерывные столкновения между японским правительством и иностранными представителями, «поскольку это бесполезно для России, и вообще не следует слишком строго осуждать подчас двусмысленную внешнюю политику сёгуната ввиду повсеместного брожения в стране и наличия двоевластия» (см. прим. 5).

В качестве дополнения к договору о торговле и дружбе, заключенного в 1858 г. в г. Эдо, 11(23) декабря 1867 г. в г. Хакодате была подписана отменившая почти все ограничения в русско-японской торговле конвенция, к которой был приложен новый таможенный тариф. Теперь японские купцы всех категорий могли торговать с русскими без вмешательства государственных чиновников не только в открытых портах Японии, но и в России, после получения необходимого разрешения на выезд из страны. Японцы при совершении торговых сделок с русскими облагались такими же налогами, как и при сделках между собой. Япон-

ские подданные могли отправлять свои товары из открытых японских гаваней или русских портов на судах, принадлежавших японцам или русским. Им разрешалось выезжать в Россию для научных или торговых целей, согласно декларации правительства от 11 мая 1866 г., и наниматься на русские суда [6, 495].

Отменялись взносы за выдаваемые таможенными разрешения на погрузку и выгрузку товаров. Японское правительство обязывалось устроить в каждом из открытых портов склады для иностранных товаров, взимая лишь плату за их хранение. Но в случае продажи этих товаров в Японии, купцы уплачивали за них установленные по тарифу пошлины. Для ввоза в Японию был запрещен опиум, а для вывоза из Японии – рис, пшеница, мука и селитра. Это было выгодное соглашение, но Россия не в полной мере использовала новые возможности. К 1869 г. она занимала лишь 5-е место среди иностранных держав по посещению торговыми судами японских портов [7, 76; 6, 495]. Однако с этого времени началось экономическое проникновение японских подданных в её главные дальневосточные города (Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Хабаровск).

С 1867 г. основатель дальневосточного китобойного промысла О.В. Линдгольм (1832-1914) открыл во Владивостоке торговлю привозными товарами из Японии и США. Кроме того, он закупал в Хакодате и Нагасаки необходимое оборудование и нанимал японских матросов для своего предприятия [1, 12-13; 5, 164].

В 1867-1869 гг. российским консульским агентом в г. Нагасаки, петропавловским купцом 1-й гильдии А.Ф. Филиппеусом и коллежским ассессором, чиновником особых поручений С.С. Абазой была образована отечественная транспортная компания «Филиппеус А.Ф. и К°». Получив кредит у американской фирмы в Японии «Бр.Уольш», компания начала свою деятельность по доставке иностранных товаров, в частности вин и чая, морем через Аян в Якутск. В 1872 г. А.Ф. Филиппеус заключил контракт с российским правительством на 10 лет о содержании регулярного пароходного сообщения по линии: порты Японии – Владивосток – Петропавловск с заходом во все населенные пункты побережья Охотского моря. Выданная ему правительственная субсидия составляла 30 тыс. руб. за каждый выполненный рейс (см. прим. 6). В 1876 г. контракт был дополнен условием об обязательном снабжении населения побережья Охотского моря продовольствием [11, 518]. К.А. Скальковский отмечал, что зимой при истощении запаса товаров, сделанного в Гамбурге и Шанхае, пароход компании А.Ф. Филиппеуса забирал незначительное число товаров в японском порту Кобе и отправлялся в г. Владивосток [13, 367].

В 1868 г. А.Ф. Филиппеус, оценивая итоги русской торговли с Японией за 5 лет, писал: «Развитие каких бы то ни было торговых сношений между Россией и Японией трудно предвидеть в ближайшем будущем» (см. прим. 7). По данным А.Ф. Филиппеуса, в 1870 г. порт Нагасаки посетило три русских купеческих судна, тогда как английских судов туда пришло 116 (см. прим. 8). Согласно М.И. Венюкову, в 1869 г. в открытых японских портах побывало всего лишь 34 русских корабля (см. прим. 9).

В целом процесс формирования торговых отношений России с Японией развивался медленно. Взаимные торговые операции были редкими и носили в большей степени случайный характер. Это было связано с большой удаленностью экономически развитой европейской части России от Японии, слабым развитием транспортных систем двух стран, крайней малочисленностью российского населения на побережье Японского и Охотского морей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровская, Л. В. Он заслужил благодарность потомков / Л. В. Александровская // Записки Общества изучения Амурского края. – Т. XXXV. – Владивосток, 2001. – С. 12-19.
2. Анисимов, А. Л. Первая официальная японская экспедиция в столицу Приморской области Николаевск-на-Амуре (1861 г.) / А. Л. Анисимов // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения : материалы вторых Гродековских чтений. – Хабаровск : Изд. дом «Частная коллекция», 1999. – С. 62-64.

Алепко А. В.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИИ И ЯПОНИИ В 60-Е ГГ. XIX В.

3. Из воспоминаний М.И. Венюкова. – Кн. 2. – Амстердам, 1896. – 287 с.
4. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856-1861 гг. / под ред. Н.А.Троицкой. – Владивосток : РГИА ДВ, 2002. – 236 с.
5. Горчаков, А. А. О.В. Линдгольм: жизнь во Владивостоке / А. А. Горчаков // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. – Т. V. – Владивосток : Приморская краевая организация Добровольного общества любителей книги, 2000. – С. 164-169.
6. Дипломатический словарь / гл. ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1985. – Т. II. – 504 с.
7. Кожевников, В. В. Российско-японские отношения в XVIII-XIX вв. / В.В. Кожевников. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 112 с.
8. Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония / А. Н. Мещеряков. – М. : Наталис: Рипол Классик, 2006. – 736 с.
9. Московские ведомости. – 1859. – 15 янв. (№13).
10. Накамура, С. Японцы и русские: из истории контактов / Накамура Синтаро. – М. : Прогресс, 1983. – 304 с. (пер. с яп.).
11. Приморский край : краткий энциклопедический справочник / гл. ред. Э. В. Ермакова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – 596 с.
12. Русский вестник. – 1859. – № 6.
13. Скальковский, К. А. Русская торговля на Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Кореи, Китае, Японии и Калифорнии / К. А. Скальковский. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1883. – 515 с.
14. Тогава, Ц. Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи / Ц. Тогава // Россия и АТР. – Владивосток. – 1993. – № 1. – С. 108-116.
15. Торговля с Японией // Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. – Т.1. – № 4. – СПб., 1865. – 481 с.
16. Файнберг, Э. Я. Русско-японские отношения (1792-1875) : дис. ...д-ра ист. наук / Э. Я. Файнберг. – М., 1948. – 744 л.
17. Хисамутдинов, А. А. Русские в Хакодате и на Хоккайдо, или Заметки на полях / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 461 с.
18. Штейнгауз, А. И. Япония и японцы глазами русских (вторая половина XIX в.) / А. И. Штейнгауз // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. – Кн. 2. – Москва-Иркутск-Тэгу, 1997. – С.82-85.
19. Кузнецов, С. И. Хоккайдо но росиадзин / С. И. Кузнецов, Т. Морианага // Хоппо дзинбун кэнкю. – Саппоро, 2008. – С. 1-18.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эдо – название г. Токио до 1867 г. – Авт.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив I-9, оп. 8, 1857 г., д.16, лл. 205.
3. Английские, французские и американские иностранные фирмы открыли свои филиалы в Японии: “Jardine”, “Matheson”, “Dent”, “Fletcher”, “Barnet”, “Aspindwall”, “Cornes”, “Macpherson”, “Marshall”, “Walsh”, “Glover” и др. – Авт.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1152, оп. 7, д. 185, л. 37.
5. АВПРИ, ф. СПб., Главный архив I-1, оп. 15, 1865 г., д.175, лл. 17-25.
6. По данным чиновника П.Г.Слуковского, в 1880 г. А.Ф.Филлипеус привез на Камчатку партию японских рыбаков, которая под руководством американского предпринимателя занималась рыбной ловлей в Тарьинской губе и заготовила 20 тыс. шт. красной рыбы (См.: Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. – Т.III. – Вып. 1. – Иркутск: Тип. Н.П.Синицына, 1882. – С. 56).
7. АВПРИ, ф. 268, оп. 559, д. 2, л. 12.
8. АВПРИ, ф. 268, оп. 559, д. 7, л. 97.
9. В 1869 г. японские порты посетило всего 814 английских кораблей, из которых 71 – заходили в Хакодате (против 7 русских кораблей) (См.: Кузнецов С.И., Морианага Т. Хоккайдо но росиадзин // Хоппо дзинбун кэнкю. – Саппоро, 2008. – С. 12).

Валеев А. М.
A. M. Valeev

РАЗВИТИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1945 – 1975 гг.

PHYSICAL TRAINING AND SPORTS IN THE USSR'S FAR EAST: 1945-1975

Валеев Андрей Мусагитович – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания и спорта Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; (4217)54-76-03. E-mail: amw2003@list.ru.
Mr. Andrei M. Valeev – PhD in Education, Senior Lecturer at the Department of Physical Training and Sports, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russia, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr., tel.: + 7 (4217) 54-76-03, E-mail: amw2003@list.ru.

Аннотация. В статье рассматривается развитие массового физкультурного и спортивного движения в Дальневосточном регионе в 1945-1975 гг. Проанализирована политика государства по решению задач в области физической культуры и спорта, охарактеризована деятельность органов и ведомств управления физической культурой и спортом по реализации государственной политики на Дальнем Востоке.

Summary: The paper deals with the development of mass athletics and sports movement in the Far Eastern region in 1945-1975. We discuss the state policy on physical training and sports, and describe the work of state authorities and governmental bodies/agencies in charge of physical culture and sports aimed at implementation of these policies in the Far East region of the USSR.

Ключевые слова: история физической культуры и спорта, развитие массовой физической культуры и спорта, Дальний Восток.

Key-words: history of physical culture and sports, development of mass athletics and sports, the Far East of USSR.

УДК 930:796(571.6)

В целях активизации действий, направленных на развитие человеческого потенциала России, представляется актуальным изучение вопросов истории становления и развития физической культуры и спорта. Несомненный интерес представляет изучение истории развития массовой физической культуры и спорта в годы советской власти на восточной окраине страны, где накоплен опыт претворения в жизнь государственной политики в сфере физической культуры и спорта с учетом дальневосточной специфики.

После окончания Великой Отечественной войны, в которой Советское государство понесло большие людские и материальные потери, началось общегосударственное восстановление физкультурно-массовой и спортивной работы во всех регионах страны, в том числе и на Дальнем Востоке. Переход физкультурных организаций Дальневосточного региона к мирным формам работы был связан с преодолением больших трудностей. Хотя Дальний Восток не подвергся оккупации, но за годы войны многие спортивные сооружения краев и областей региона пришли в упадок и нуждались в капитальном ремонте. Например, на весь Приморский край функционировало всего шесть стадионов, два спортивных зала, две водные станции [4, 71].

Серьезным препятствием на пути развития физкультурно-спортивного движения стало отсутствие кадров. Многие организаторы и активисты физкультурной и спортивной рабо-

ты не вернулись с фронтов войны. Значительная часть специалистов по физической культуре и спорту с окончанием войны выехали за пределы региона. Переаттестация преподавателей физического воспитания в школах Приморского края показала, что 25 % преподавателей не соответствуют своему назначению. Из 24 председателей районных комитетов по делам физкультуры и спорта Приморского края 13 не справлялось с обязанностями ввиду слабых знаний, недостаточной организационной и практической подготовки [4, 71]. Из имеющихся работников физкультурных организаций Хабаровского края более 35 % не имели физкультурного образования [1, 72], а в школах края работало 125 преподавателей физической культуры, из которых один имел высшее и шесть – среднее специальное образование [1, 99].

Таким образом, в первые послевоенные годы физкультурная и спортивная работа в регионе находилась в неудовлетворительном состоянии. Слабость материальной спортивной базы и неуккомплектованность кадров отрицательно сказались на уровне массовой физкультурной и спортивной работы.

Основываясь на постановлении Совета народных Комиссаров СССР «Об оказании помощи комитетам по делам физической культуры и спорта и улучшению их работы», принятом 28 сентября 1945 г., в Хабаровском крае была развернута сеть краткосрочных курсов и семинаров по подготовке и повышению квалификации преподавателей физического воспитания школ и организаторов массовой физкультурной и спортивной работы в коллективах физической культуры городов и сел. По линии Краевого отдела народного образования в 1946 г. были организованы месячные курсы учителей физического воспитания в Хабаровске, Благовещенске, Биробиджане и других городах. Комитетами по делам физической культуры и спорта для физкультурных работников была организована командирская учеба. Для обеспечения квалифицированными специалистами физкультурно-спортивных организаций Дальневосточного региона в 1947 г. при Хабаровском педагогическом институте был открыт факультет физического воспитания и спорта.

Для улучшения материально-технической базы и организации физкультурной и спортивной работы в регионе краевыми и областными структурами государственной власти были приняты меры. Так, в целях устранения недостатков в организации физкультурной и спортивной работы Хабаровского края Бюро крайкома ВКП(б) в специальном постановлении «О состоянии работы в физкультурных организациях края», принятом в январе 1947 г., в первую очередь, обязало областные, городские и районные комитеты ВКП(б), исполкомы Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий и учреждений организовать ремонт существующих и строительство новых спортивных сооружений. Областными, городскими и районными комитетами по делам физической культуры и спорта были приняты меры по организационному укреплению коллективов физической культуры (см. прим. 1).

Придавая большое значение развитию массового спорта среди молодежи, большую помощь в организации физкультурной и спортивной работы в регионе оказывали комсомольские комитеты. Выполняя постановление ЦК ВЛКСМ от 10 октября 1946 г. «О мерах по улучшению массовой физкультурной и спортивной работы комсомольских организаций среди молодежи», комсомольские организации совместно с комитетами по делам физической культуры и спорта усилили работу коллективов физической культуры и добровольных спортивных обществ по массовому развитию физической культуры и спорта.

Большую роль в деле привлечения молодежи к занятиям физической культурой и спортом играли постановления Бюро Крайкомов ВЛКСМ региона о проведении профсоюзно-комсомольских лыжных и легкоатлетических кроссов. Только в 1947 г. в профсоюзно-комсомольском кроссе Приморья участвовало 65 400 человек, а в лыжном кроссе участвовали 61 026 физкультурников [2, 4]. В краевом лыжном профсоюзно-комсомольском кроссе

Хабаровского края приняло участие около 90 тыс. человек (см. прим. 2). В Хабаровском крае в октябре 1947 г. на краевом комсомольско-физкультурном активе было отмечено, что «физкультурное движение в городах и селах края за лето 1947 г. не только расширилось, но и дало неплохие спортивно-технические результаты. За первое полугодие в городах и селах края проведено свыше 500 соревнований, в которых приняло участие 115 тыс. физкультурников и спортсменов» (см. прим. 3).

Для организации массовой физической и спортивной работы в регионе деятельность физкультурных организаций была направлена, в первую очередь, на работу по комплексу «Готов к труду и обороне СССР». В этих целях была развернута агитационная и пропагандистская работа по комплексу ГТО. Прием норм комплекса начал осуществляться в условиях массовых соревнований, в том числе и по многоборью ГТО. На базе комплекса «Готов к труду и обороне СССР» были построены программы работы спортивных секций. В регионе начали проводиться комплексные спартакиады заводов и фабрик, зимние и летние спартакиады спортивных обществ сельской молодежи и учащихся. Итогом всех соревнований являлись краевые спартакиады, которым предшествовали соревнования в городах и районах. В 1948 г. успешно стартовала I летняя комплексная Спартакиада в Приморском и Хабаровском краях. В программу Спартакиады входили соревнования по легкой атлетике, плаванию, волейболу, баскетболу, стрельбе, шахматам и шашкам, на которых были достигнуты неплохие результаты. Например, на Спартакиаде Хабаровского края в 1948 г. было установлено 14 рекордов, а из 520 участников соревнований 167 выполнили разрядные нормативы спортивной классификации (см. прим. 4). В Спартакиаде 1950 г. Приморского края было побито 16 рекордов по плаванию, установлено 13 краевых рекордов по легкой атлетике [4, 73].

После постановления ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 г. «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов», где в качестве главных задач в области физкультурной работы ЦК ВКП(б) обозначил развертывание массового физкультурного движения в стране, повышение уровня спортивного мастерства и на этой основе завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта [5] в регионе прошли собрания физкультурных, комсомольских и партийных активов. Состояние работы по физической культуре и спорту в Хабаровском крае было всесторонне рассмотрено на бюро Хабаровского Краевого комитета ВКП(б) в феврале 1949 г. 11 марта 1949 г. вопрос о состоянии физкультурно-спортивной работы и мерах по ее дальнейшему улучшению заслушало бюро Приморского крайкома партии. На заседании крайисполкома были заслушаны соответствующие отчеты председателей Анучинского и Спасского райисполкомов. В мае на бюро крайкома ВКП(б) был заслушан отчет Уссурийского городского комитета партии. В июне Приморский краевой комитет партии провел совещание руководителей предприятий, учебных заведений совместно с руководителями профсоюзных и партийных организаций, представителями городских и районных комитетов по делам физической культуры и спорта и добровольных спортивных обществ. На всех собраниях и совещаниях, было указано на слабую материально-техническую базу, что сказывалось на состоянии массового физкультурного движения (см. прим. 5).

В 1949 г. в Хабаровском крае развернулось интенсивное строительство спортивных сооружений. Было восстановлено и отремонтировано пять стадионов, четыре спортивных зала и шесть лыжных станций, оборудовано более 300 новых спортивных площадок. Кроме того, в Хабаровске вошли в строй новый стадион добровольного спортивного общества

Валеев А. М.

РАЗВИТИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1945-1975 ГОДЫ

«Водник», лыжная и водная база профсоюзов, в Комсомольске-на-Амуре – стадион ДСО «Металлург Востока» и водная станция «Динамо», в Петропавловске-Камчатском – стадион ДСО «Пищевик» и спортивный зал. В 1950 г. во Владивостоке была достроена водная станция «Водник», отремонтированы стадион «Динамо», стадион «Авангард», восстановлены стадионы в городах Уссурийск и Партизанск. Во многих средних школах региона были построены спортивные залы.

После постановления Совета Министров РСФСР «Об организации в 1948-1949 гг. Всероссийского социалистического соревнования между краями, областями, автономными республиками и городами республиканского подчинения РСФСР на лучшую постановку работы по физической культуре и спорту среди населения» Приморский и Хабаровский края включились в соревнование на лучшую постановку физкультурной работы в коллективах физической культуры и спортивных обществах, что сыграло большую роль в повышении массовости спортивных мероприятий и мастерства спортсменов Дальневосточного региона (см. прим. 6). По массовому развитию физической культуры Хабаровская краевая физкультурная организация в 1949 г. была лучшей на Дальнем Востоке. Она значительно опережала в этом отношении Приморский край, Амурскую и Сахалинскую области, [1, 92]. В 1951 г. Приморский край опередил Хабаровский по показателям подготовки значкистов ГТО и достижениям спортсменов, которые успешно выступили на первенстве РСФСР и в зональных соревнованиях, где в 6 из 10 видов спорта они заняли первые места (см. прим. 7).

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 15 декабря 1950 г. «О создании ДСО "Колхозник"» в регионе была развернута работа по созданию сельского добровольного спортивного общества и были приняты меры по усилению массовой физкультурной и спортивной работы в сельских районах региона. Основные усилия были направлены на организационное укрепление существующих и создание новых коллективов физической культуры (см. прим. 8). Так, в Хабаровском крае в весенне-летний период 1950 г. были созданы коллективы физической культуры в 70 колхозах (см. прим. 9). В 1951 г. Хабаровская краевая организация ДСО «Колхозник», состоящая из 167 коллективов физической культуры, объединяла свыше 5 тыс. физкультурников. Более 100 колхозов края состояло юридическими членами общества «Колхозник» [1, 96]. К 1952 г. в Приморском крае было создано 258 колхозных коллективов физической культуры, объединяющих 7864 человека. Юридическими членами общества «Колхозник» являлись 173 колхоза (см. прим. 10).

В годы второй послевоенной пятилетки в Дальневосточном регионе было продолжено широкое строительство спортивных сооружений. В апреле 1950 г. в Краснофлотском районе г. Хабаровска вступил в строй закрытый плавательный бассейн. Кроме того в крае были построены четыре водные станции и оборудовано семь естественных плавательных бассейнов. За 1952-1953 гг. было построено большое количество спортивных площадок. Два футбольных поля построено в Верхне-Буреинском районе; построен стадион с трибунами на 6 тыс. мест в г. Магадане, стрелковый тир в Хабаровске, стадионы в Ленинском и им. Лазо районах. В 1953 г. в Нижне-Амурской области вошли в строй 150 волейбольных, 10 баскетбольных площадок, 18 футбольных полей и 15 лыжных баз (см. прим. 11).

В 1955 г. после опубликования в печати постановления Совета Министров СССР «О подготовке и проведении Спартакиады народов СССР» деятельность физкультурных организаций региона была подчинена задачам подготовки к первым Спартакиадам народов РСФСР и СССР. Комитетами партии и исполнительными комитетами краев и областей региона было принято решение о проведении летней комплексной Спартакиады между сборными командами городов и районов (см. прим. 12).

Летняя комплексная Спартакиада, проводимая в краях и областях Дальневосточного региона, способствовала дальнейшему массовому развитию физической культуры и спорта в регионе. Спартакиаде предшествовали массовые соревнования в коллективах физической культуры, а также городские и районные спартакиады, спартакиады школьников, добровольных спортивных обществ профсоюзов и другие. Например, в Приморском крае в Спартакиаде приняло участие более 72 тысяч спортсменов, было установлено и обновлено 58 рекордов края (см. прим. 13).

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 9 января 1959 г. «О руководстве физической культурой и спортом в стране» [7, 5] был образован Союз спортивных обществ и организаций СССР. В свою очередь, комитетами партии и исполнительными комитетами на местах Дальневосточного региона принято решение о создании Союза спортивных обществ и организаций, где предусматривалось упразднение в 1959 г. краевых, областных, городских и районных комитетов по физической культуре и спорту при исполкомах Советов депутатов трудящихся и передача их штатов, ассигнований, фондов, а также материально-имущественных ценностей, оборудования, транспортных средств и спортивных сооружений соответственно краевым, областным, городским и районным советам Союза спортивных обществ и организации (см. прим. 14).

Предполагалось, что деятельность Союза спортивных обществ и организаций как общественного органа руководства физкультурным движением давала большие возможности физкультурным организациям на местах. Однако созданный в 1959 г. Союз спортивных обществ и организаций СССР как общественная организация не имел достаточных прав для того, чтобы успешно решать задачи в области физической культуры и спорта [5, 153]. В целом по стране, в том числе и в Дальневосточном регионе, уровень развития физической культуры и спорта не отвечал возросшим требованиям. Это было отмечено на Активе Приморского края 16 сентября 1966 г., где говорилось, что не в полной мере разрабатываются мероприятия по привлечению молодежи к занятиям различными видами спорта. В постановлении Хабаровского крайисполкома от 12 октября 1966 г. обращено внимание на слабое развитие массового спорта по месту жительства, в постановлении Камчатского облисполкома от 31 августа 1966 г. – на низкий уровень занимающихся спортом. В Сахалинской области отмечено, что 82 средние школы не имеют спортивных залов и т.п. [3, 4].

Признавая необходимость улучшить руководство физкультурным движением, Совет Министров СССР принял постановление от 11 августа 1966 г. «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» [6, 187]. В 1968 г. решением Советского правительства от 17 октября «О создании союзно-республиканского Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР и его местных органов» был создан Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Соответствующими постановлениями в 1968 г. были образованы краевые, областные, городские и районные Комитеты по физической культуре и спорту в Дальневосточном регионе. Как государственные органы управления они были наделены всеми необходимыми правами для успешного руководства физкультурной и спортивной работой на местах.

В результате принятых мер физкультурные организации региона добились улучшения массовой физкультурной и спортивной работы. В 1975 г. численность физкультурников на Дальнем Востоке составляла 1128 тыс. человек [3, 5]. Если в 1965 г. подготовлено значков ГТО 205 тыс. человек, то в 1970 г. их было 254 тыс., а в 1975 г. – 441 тыс. человек [3, 9]. На основе массовости физкультурного движения стало возможным достижение высокого уровня роста подготовки массовых разрядов спортсменов-дальневосточников. Так, в 1965 г.

Валеев А. М.

РАЗВИТИЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1945-1975 ГОДЫ

насчитывалось 208 тыс. спортсменов массовых разрядов, в 1970 – 249 тыс., а в 1975 г. – 367 тыс. спортсменов [3, 9].

Таким образом, в развертывании массовой физкультурной и спортивной работы в Дальневосточном регионе были достигнуты некоторые успехи. Уровень развития физической культуры и спорта непрерывно возрастал. С каждым годом увеличивалось число физкультурников, спортсменов-разрядников и общественных физкультурных кадров. Значительно выросла материально-техническая база. В коллективах физической культуры предприятий, учреждений, учебных заведений, совхозов и колхозов, оживилась работа многих спортивных секций. Вся деятельность комитетов по делам физической культуры и спорта, добровольных спортивных обществ и коллективов физической культуры Дальневосточного региона была направлена на развитие массовости физкультурно-спортивного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гутиев, Р. Г. Развитие физической культуры и спорта в Хабаровском крае (1938-1967 гг.) : дисс. ... канд. пед. наук / Р. Г. Гутиев. – М. : ГЦИФК, 1969. – 263 с.
2. Летний профсоюзно-комсомольский кросс. – Владивосток : Прим. кр. изд-во, 1948. – 16 с.
3. Орлов, М. Е. Развитие физической культуры и спорта на Дальнем Востоке в 1960-80 годы / М. Е. Орлов. – Хабаровск : Изд-во ДВГАФК, 2004. – 58 с.
4. Саланин, И. В. Сегодня и вчера / И. В. Саланин. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1974. – 120 с.
5. Столбов, В. В. История и организация физической культуры и спорта / В. В. Столбов. – М. : Просвещение, 1982. – 287 с.
6. Столбов, В. В. История физической культуры / В. В. Столбов. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
7. Физическая культура, спорт и туризм : сборник руководящих материалов. – М. : Профиздат, 1963. – 132 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Хабаровского края, ф.35, оп.17, ед.хр.20, л.27
2. Государственный архив Хабаровского края, ф.617, оп.2, ед.хр.4, л.113
3. Государственный архив Хабаровского края, ф.617, оп.2, ед.хр.114, л.5
4. Государственный архив Хабаровского края, ф.617, оп.2, ед.хр.5, л.76
5. Государственный архив Хабаровского края, ф.35, оп.22, ед.хр.158, л.118
6. Государственный архив Хабаровского края, ф.137, оп.14, ед.хр.80, л.33
7. Государственный архив Приморского края, ф.68, оп.30, ед.хр.130, л.49
8. Государственный архив Хабаровского края, ф.35, оп.22, ед.хр.158, л.120
9. Государственный архив Хабаровского края, ф.617, оп.5, ед.хр.30, л.319
10. Государственный архив Приморского края, ф.68, оп.30, ед.хр.84, л.52
11. Государственный архив Хабаровского края, ф.617, оп.6, ед.хр.51, л.285
12. Государственный архив Хабаровского края, ф.137, оп.14, ед.хр.513, л.196
13. Государственный архив Приморского края, ф.462, оп.1, ед.хр.189, л.104
14. Государственный архив Хабаровского края, ф.137, оп.14, ед.хр.818, лл. 42-47

Гальперин М. С.
M. S. Galperin

БЮРОКРАТИЯ И ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» В КИТАЕ (1862 – 1894 гг.)

BUREAUCRACY AND “SELF-STRENGTHENING” POLICY IN CHINA (1862 – 1864)

Гальперин Михаил Самойлович – кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Первостроителей, д. 20, кв. 269; (84217) 537-727. E-mail: Mgalperin@list.ru

Mr. Mikhail S. Galperin – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-culture Communications, Komsomolsk-on-Amure State Technical University, (Komsomolsk-na-Amure, Russia), 681021, Komsomolsk-na-Amure, 20 Pervostroiteley Pr., Apt. 269, phone: + 7 (84217) 537-727. E-mail: Mgalperin@list.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается период в истории Китая, связанный с попыткой проведения преобразований, направленных на преодоление экономической и военной отсталости некогда могучей цинской империи. Цель – возродить сильный Китай, способный противостоять развернувшейся экспансии западных держав, которая грозила неизбежным разрушением традиционных государственных устоев и превращением Китая в колониальные владения ведущих европейских держав. Этот период вошел в историю Китая как политика «самоусиления». В центре внимания – позиция видных представителей феодально-бюрократического аппарата по вопросу о характере, средствах и методах модернизации страны в период между «опиумными» войнами и японо-китайской войной, поражение Китая в которой свидетельствовало о провале политики «самоусиления».

Summary: The paper considers the period of China history, when attempts were made to overcome the economic and military backwardness of the formerly mighty Qing Empire. The main goal of it was to revive the strong China capable of resisting the ever increasing expansion of Western powers that threatened the traditional foundations of Chinese state with inevitable destruction as well as the with transformation of China into a colonial possession of leading European countries. This period went down into China's history as the so-called "self-strengthening" policy. The foundation of the policy was the position of prominent feudal-bureaucratic actors concerning the nature, goals and methods of modernization of the country during the period between "opium wars" and the Japanese-Chinese War, China's defeat in which became the evidence of the failure of the "self-strengthening" policy.

Ключевые слова: «опиумные» войны, модернизация, «самоусиление», феодально-бюрократический аппарат, региональные группировки, Ли Хунчжан, политические реформы.

Key-words: Opium wars, modernization, "self-strengthening", feudal-bureaucratic apparatus, regional groupings, Li Hongzhan, political reforms.

УДК 94(510).08

В отличие от проектов построения нового общества, которые выдвигали руководители восстания тайпинов и которые остались только в мечтах и на бумаге, цинская правительственная программа модернизации на базе синтеза «своего» и «чужого» обрела в дальнейшем реальность в политике и практике «самоусиления» (*цзыцян*) и «усвоения заморских дел» (*янгу*) (1862 – 1894).

В политике «самоусиления», которая охватывает период от начала 60-х гг. XIX в. до японо-китайской войны 1894 – 1895 гг., прослеживаются, в целом, три крупных периода:

Гальперин М. С.

БЮРОКРАТИЯ И ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» В КИТАЕ (1862 – 1894 ГГ.)

1860 – 1870 гг., когда основное внимание правящих кругов империи было направлено на быстрое подавление крестьянских войн тайпинов и няньцзюней и восстаний неханьских народов империи; 1870 – 1885 гг., когда развернулась борьба за влияние на цинское правительство между хуайской и сянской китайскими феодально-помещичьими кликами, начавшими заниматься предпринимательской деятельностью, и 1885 – 1894 гг., когда после поражения в войне с Францией усилилась группировка Ли Хунчжана. Впоследствии, как известно, катастрофическое поражение китайских войск и флота в войне с молодой, активно наращивающей темпы модернизации Японией привело к полному провалу политики «самоусиления», а Ли Хунчжан был отстранен от занимаемых им постов.

Из опыта двух «опиумных войн» (1840 – 1842 и 1856 – 1864 гг.), также совместных с английскими и французскими войсками военных действий против тайпинов правящие круги цинской империи вынесли твердое убеждение в превосходстве военной техники Запада над отсталым, средневековым вооружением маньчжуро-китайских войск. Они также пришли к выводу, что в условиях происходившей в стране гражданской войны союз с западными державами – Англией, Францией и США – благоприятствует их основной задаче – подавлению восставшего народа. Поэтому одним из последствий второй «опиумной войны» было усиление в цинском правительстве сторонников усвоения «варварских», или «заморских», дел («иу» или «янью»). Их в первую очередь интересовала технология производства западного стрелкового оружия и артиллерии, паровых судов, боеприпасов, т. е. того, что, по их мнению, обеспечило в свое время Англии и Франции победу над Китаем в «опиумных войнах». Ради достижения этой цели они готовы были пойти на некоторое изменение традиционной политики глухой изоляции Китая от внешнего мира, на установление дипломатических сношений с иностранными государствами, а также внести известные изменения и в систему государственно-административного управления империей, вызванные необходимостью поддержания контактов с представителями иностранных держав и контроля над иностранной торговлей.

Доктрина «янью» – о необходимости для цинского Китая заимствовать и усвоить военно-технические достижения заморских стран – стала своеобразной *идеологической платформой* политики «самоусиления» правящих кругов цинской империи. На основе этой доктрины проводились определенные, хотя и не всегда доводимые до конца, реформы в области административного управления, организации и вооружения армии и флота, просвещения, финансов, транспорта и связи. При этом на первый план выдвигались соображения об укреплении цинского режима в целях борьбы с народными выступлениями. Кроме того, проведение тех или иных реформ было тесно связано – это также является традиционным для Китая – с борьбой отдельных региональных группировок китайских феодалов за влияние в правительстве. После подписания Пекинских конвенций 1860 г. среди наиболее видных представителей группы цинских сановников при дворе, придерживавшихся доктрины усвоения «заморских» дел, были великий князь Гун, его тесть – член императорского секретариата маньчжур Гуй Лян, член военного совета маньчжур Вэнь Сян. Из видных китайских сановников в провинциях эти взгляды разделяли императорский наместник Цзэн Гофань, фактический главнокомандующий операциями против тайпинов в бассейне Янцзы, руководитель анхойской (хуайской) группировки Ли Хунчжан, видный представитель хунаньской клики Цзо Цзунтан и др.

В целом, нужно отметить, что доктрина о необходимости усвоения правящими кругами цинской империи «заморских» дел встречала, однако, сильное сопротивление ультраконсервативных кругов, ярых противников любых заимствований из-за границы, видевших даже в технических новшествах Запада угрозу патриархальным порядкам, «измену» заветам пред-

ков, угрозу маньчжурскому господству в Китае. Суммируя позицию представителей различных сил, китайские историки, занимающиеся проблемами политики «самоусиления», выделяют несколько групп в правящем лагере по их отношению к самой идее серьезных преобразований. «Все принимавшие в обсуждении (вопроса о строительстве береговой обороны – М. Г.) бюрократы выражали одобрение выдвинутому Цзунли ямэнем [лозунгу] “энергично добиваться самоусиления”. Конкретизация того, каким образом [добиваться] самоусиления сразу же вызвала разногласия» [5, 67]. Позиция двора и ведущих сановников проявилась в подходах к стратегии преобразований, провозглашаемых представителями трех основных группировок.

Позиция первой группы была предельно ясна. «Одни по-прежнему придерживались традиционных представлений ... т.е. выступать против изменения любого старого и выступать против обучения любому новому Западу, и все цеплялись за старое». Они признавали – особенно, после двух опиумных войн, – что необходимы серьезные изменения, но все же «делали акцент на соблюдении строя предков и самоусиления *“с помощью старых (/древних – М. Г.) законов”*» (здесь и далее курсив наш – М. Г.) [5, 67].

Взгляды представителей второй и третьей фракции, при наличии некоторых расхождений, в общем совпадали. «Другие всемерно противились изменению любого старого, а выступали только за закупку оборудования для производства вооружений, строительство предприятий по производству текстильного оборудования, разработку железорудных и угольных копей, осуществление паровозного, телеграфного и железнодорожного сообщения, за немедленное развитие современных гражданских (т. е. для народа – М. Г.) предприятий». Представители этой группы составляли большинство. «Третьи, в этом случае, выступали как раз за систему закупок западных судов и пушек и были согласны, в ограниченной степени, на ввоз западных машин, на создание современных гражданских предприятий». Эта часть чиновников, в основном, принадлежала к группировке «усвоения заморских дел» (*янью*). Взгляды второй и третьей группы объединялись «на основе сохранения в целостности старого, и их позицию можно назвать *“самоусиление заимствуя законы”*» [5, 67 – 68].

Одним из видных защитников доктрины о необходимости заимствования западных технических и военных новшеств выступал также крупный шэньши из Сучжоу Фэн Гуйфэн (1809 – 1874 гг.), активный участник борьбы с тайпинами, советник и доверенное лицо Ли Хунчжана. При этом он считал неотложно необходимым укрепить идеологическое воздействие класса феодалов на народ, активизировать пропаганду конфуцианских порядков, а из западных наук перенимать лишь те прикладные дисциплины, которые, по его мнению, увеличивали силу и могущество стран Запада. Укрепление конфуцианской идеологии, по мнению Фэн Гуйфэня, должно было основываться на выдвижении талантливых людей на государственную службу, пресечении бездеятельности и коррупции чиновничества. Он также предлагал упорядочить систему государственных экзаменов на право занятия чиновничьих и офицерских должностей, ввести в школах преподавание иностранных языков и математики. В то же время Фэн Гуйфэн подчеркивал морально-этическое превосходство китайцев над иностранцами, с позиций феодального шовинизма рассматривал все прочие народы как «варваров». «Китайская наука составляет основу, а западная носит лишь сугубо прикладной характер», – указывал Фэн Гуйфэн и призывал опираться «на собственные силы». Фэн Гуйфэн выступал идеологом китайских феодально-милитаристских клик, стремившихся наряду с подавлением восставшего крестьянства к достижению известной степени независимости от маньчжурского правительства [3, 209].

Таким образом, можно сказать, что предпосылками проведения политики «самоусиления» являлись как внешние причины – т.е. перевооружение армии на западный манер с целью защитить Китай от внешней угрозы, так и внутренние – необходимость борьбы с

внутренними мятежниками в целях укрепления позиций правящей верхушки. Следует также отметить при этом, что основной представляется вторая причина.

В результате поражения Китая во второй «опиумной войне» Англия и Франция навязали цинскому правительству обязательства, обеспечивавшие иностранному капиталу крайне выгодные условия для проникновения в страну. В то же время прекращение военных действий против иностранных интервентов позволило цинскому правительству перебросить все наличные войска на подавление крестьянских и национальных восстаний. Заинтересованность капиталистических держав в скорейшей стабилизации внутривосточного положения в Китае после того, как они вырвали у Цинов столь большие уступки, привела фактически к установлению военного союза маньчжуро-китайских феодалов с англо-французскими капиталистами против восставшего китайского народа.

В меморандуме, одобренном императором Сяньфэном 13 января 1861 г., великий князь Гун, Гун Лян и Вэнь Сян предложили создать в столице «Канцелярию по общему управлению делами различных стран» («Цзунли гэгэ шиу ямэнь», или сокращенно «Цзунли ямэнь»). По традиции меморандум был полон высокомерных высказываний по поводу иностранных государств, которых авторы иначе, как «варварскими» и «дикими», не называли, но в нем, в то же время, признавалось, что в данной ситуации цинскому правительству не оставалось ничего иного, как следовать древнему китайскому изречению: «Прибегай к миру и дружбе, когда обстоятельства вынуждают к этому, но считай войну и оборону своей основной политикой».

Хотя в тексте указанного меморандума еще не встречается столь популярное впоследствии слово «цзыцян» – «самоусиление», аналогичная мысль была выражена в нем словами: «самим планировать свое возрождение» («цзы ту чжэнь син»). В меморандуме о подготовке войск, который вскоре после этого был составлен великим князем Гуном, Гуй Ляном и Вэнь Сяном, прямо говорилось: «*фундаментальной политикой должно быть самоусиление; искусство же самоусиления в первую очередь заключается в подготовке войск*» (разрядка наша – М. Г.) [3, 213]. Авторы меморандума заявляли, что во имя «стремления к своему возрождению» следует приступить к быстрейшему подавлению восстаний тайпинов и няней, обучив армию современным приемам боя с применением иностранного оружия. «Если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет»,— утверждали они. Аналогичная трактовка политики «самоусиления» как средства для ликвидации внутреннего мятежа встречается и в других документах того периода [3, 155].

После ликвидации главной угрозы цинскому режиму – крестьянской войны тайпинов – в трактовке конкретного содержания политики «самоусиления» начинают появляться и некоторые новые нюансы (помимо общей направленности всей политики «самоусиления», в целом, на укрепление контроля цинского правительства над внутривосточным положением империи). Так, в 1865 г. Ли Хунчжан писал: «Сегодня производство машин является главным средством для обороны от врагов, основой самоусиления». Цзэн Гофань утверждал, что «путь к самоусилению страны заключается в строительстве современных судов». Цзо Цзунтан также считал судостроение «поворотным моментом для Китая, на основе которого можно бедную и слабую страну превратить в богатую и сильную», но вместе с тем, настаивал на том, что конфуцианское учение неизмеримо более важно для Китая, нежели техническое умение Запада [3, 214-215].

Одним из существенных компонентов политики «самоусиления» было строительство в Китае современных (по западным стандартам того времени) предприятий военной промышленности: арсеналов, судостроительных, пороховых и патронных заводов и т. д., призванных

снабжать китайские феодально-помещичьи армии пушками, ружьями и военными судами, необходимыми для подавления тайпинского и других антиправительственных восстаний. Так, в 1861 г. Цзэн Гофань создал первый современный военный арсенал в г. Аньцине, только что отбитом у тайпинов. В 1862 г. Ли Хунчжан основал в Шанхае арсенал, где изготавливались патроны и порох.

Цзо Цзунтан в 1864 г. основал судостроительную верфь в Ханчжоу. В 1866 г. он перевел ее в Мавэй, близ Фучжоу, где создал Управление по судостроению, руководившее при участии французских специалистов самой крупной по тем временам судостроительной верфью в Китае. Вслед за этим один за другим стали строиться арсеналы и механические заводы в Тяньцзине, Сиане, Гуанчжоу, Гирине, Ланьчжоу и Чэнду. Инициаторами их строительства и основными потребителями их продукции были руководители китайских региональных военно-феодальных группировок. Оружие, произведенное на этих предприятиях, а также закупленное за границей, сыграло немаловажную роль в подавлении крестьянских войн и антицинских выступлений неханьских народов империи. Кстати, забегая вперед, следует отметить, что арсеналы, созданные в свое время Ли Хунчжаном и Цзо Цзунтаном в Шанхае, Тяньцзине и Маньчжурии, продолжали и в XX в. служить главными центрами снабжения китайских вооруженных сил [2, 178-179].

Наряду с военными мерами, проводники политики «самоусиления» активно прибегали и к традиционным административным методам. Так, еще в ходе подавления тайпинского восстания они стали восстанавливать традиционную систему полицейского контроля над жителями умиротворенных районов – «бао цзя» (система круговой поруки).

Одновременно с созданием Цзунли ямыня в Пекине была открыта Школа иностранных языков – Тунвэньгуань, чтобы готовить в ней кадры чиновников для сношений с внешним миром. В школу принимались лишь юноши из семей, приписанных к «восьми знаменам». Учащиеся изучали английский, французский и русский языки под руководством преподавателей-иностранцев. 11 марта 1863 г. Ли Хунчжан составил меморандум с предложением об открытии в Шанхае и Гуанчжоу школ для изучения иностранных языков по образцу столичного Тунвэньгуаня.

Следующим новым шагом в области просвещения, который предприняли сторонники «самоусиления», стала посылка в 1872 – 1875 гг. 120 китайских юношей в США для обучения в американских учебных заведениях. В 1881 г. они, однако, были внезапно отозваны в Китай из-за опасений, что подпадут под полное влияние иностранной культуры и станут сомневаться в превосходстве китайской культуры над всеми прочими.

В 1880 г. в Гуанчжоу открылась школа западных наук. Учебные заведения нового типа, создававшиеся в Китае в 60–90-х гг. XIX в., готовили кадры для новых административных учреждений и предприятий, возникавших в рамках политики «самоусиления»: переводчиков и специалистов по иностранным делам и внешней торговле, судостроителей, штурманов, военных моряков, офицеров армии, телеграфистов, механиков, горных мастеров и медицинский персонал, обслуживавший армию и флот. Наряду с современными западными науками в этих школах одновременно преподавались и конфуцианские каноны. Социальный состав учащихся учебных заведений нового типа, вопреки стремлению цинского правительства ограничить подготовку нового вида кадров представителями преданной ему «восьмизнаменной» прослойки населения, по мере роста числа учебных заведений становился все более «разночинным» – в новые учебные заведения пошли учиться дети купцов, состоятельных ремесленников. Этот процесс привел к формированию в цинском Китае социальной прослойки научно-технической интеллигенции, распространению научных и отчасти политических теорий буржуазных стран Запада.

Одним из последствий второй «опиумной войны» был рост иностранной миссионерской деятельности в Китае. К 1860 г. в открытых портах Китая действовало около 200 миссионеров из 17 протестантских миссионерских организаций. За период с 1860 по 1867 гг. в Китае было создано 48 новых протестантских миссий. К 1866 г. в Китае находилось 233 католических миссионера. При учреждении своих церквей в китайских городах иностранные миссионеры прибегали к разного рода незаконным действиям, захватывая для своих нужд общественные здания и храмы. Такого рода деятельность миссионеров вызывала возмущение народных масс. Так, массовые выступления китайского населения против иностранных миссионеров происходили в 1862 г. в провинциях Цзянси и Хунань и были направлены против протестантских и католических миссий. Аналогичные антимиссионерские волнения произошли в те же годы на Тайване. В 1869 г. мощные антимиссионерские выступления состоялись также в других крупных провинциях страны. Как правило, в этих выступлениях активное участие принимали, наряду с трудящимися городов и сельским населением, шэньши, видевшие в распространении христианства непосредственную угрозу своему идеологическому контролю над населением, подрыв устоев конфуцианства. В основе антимиссионерских выступлений, однако, лежали отнюдь не религиозные причины: эти выступления отражали растущий протест китайского народа против всех видов агрессии западных держав по отношению к Китаю. Наиболее крупным антимиссионерским выступлением были события июня-июля 1870 г. в Тяньцзине. [3, 227-228]. Но эти антимиссионерские выступления не повлияли существенным образом на приток в Китай последующих поколений священнослужителей различного толка. Как отмечает в этой связи Р. Крюгер, «...Франция ... создавала в Китае католические миссии, и к концу столетия в них насчитывалось девятьсот священников». Кроме того, в это же время «...в Китае работали более трех тысяч протестантских миссионеров, девяносто процентов которых были американцами и англичанами...» [1, 404].

Тем не менее, проводники политики «самоусиления» видели в лице западных держав и их представителей в Китае своих союзников по борьбе с широкими китайскими народными массами. Этот союз, сложившийся еще в период совместного подавления тайпинского восстания маньчжуро-китайскими феодалами, не ослабевал в течение всех лет, пока у власти находились сторонники политики «самоусиления». При возникновении в Китае любого конфликта с иностранцами защитники политики «самоусиления» действовали вопреки национальным интересам Китая, стремясь сохранить их расположение, но при этом не отказываясь, однако, от традиционной доктрины «использования одних варваров для подчинения себе других» – «и и чжи и». Эта старая формула китайской дипломатической практики оставалась на вооружении правящих кругов для поддержания и разжигания противоречий между державами. Однако внешняя политика цинского правительства в период проведения им политики «самоусиления» являлась политикой уступок и компромиссов с западными державами.

Главная же причина поражения политики «самоусиления» заключалась в том, что она преследовала реакционную цель *искусственной консервации в неизменном виде общественных отношений в стране*. Эта политика не сопровождалась серьезными преобразованиями, которые могли бы получить поддержку со стороны народа, и, в конечном счете, подготовила последующий раздел страны на сферы влияния и зоны интересов иностранных держав. К тому же она столкнулась одновременно и с внутренними проблемами, с подъемом борьбы угнетенных национальных меньшинств, и с агрессивными действиями западных держав. Эта ситуация побудила наиболее дальновидных представителей феодальных правящих кругов совершать попытки проведения *отдельных верхушечных реформ*.

В этой связи представляет интерес личность самого Ли Хунчжана. Его деятельность и, особенно, убеждения обратили вновь на себя пристальное внимание китайских исследовате-

лей в конце 80-х гг., когда появился ряд публикаций, посвященных проблемам революции и реформы в истории Китая. Среди них следует упомянуть статью «Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы», к которой мы уже обращались выше, касаясь отношения ведущих представителей Цинской бюрократии к политике «самоусиления». Автор, Чжан Минцзю, высказывает ряд суждений, позволяющих, по его мнению, относиться к Ли Хунчжану, не только как к предприимчивому коммерсанту и беспринципному интригану при дворе, но и как к серьезному государственному деятелю, сыгравшему определенную роль в попытке проведения реформ не только в социально-экономической, но и в политической сфере. Обосновывая свой подход, он отмечает: «...Ранее исследования о Ли Хунчжане в большинстве своем оказывали предпочтение его практической деятельности в «усвоении заморских дел», но оставалось без внимания исследование его идеологической деятельности». Поэтому, считает автор, «нужно не только тщательно исследовать его практическую деятельность, но и следует ... выявить его идейные и практические расхождения, научно объяснить объективные и субъективные причины, породившие эти расхождения» [5, 65]. С этой точки зрения, фигура Ли Хунчжана приобретает некие зримые реформаторские черты, поскольку «у Ли Хунчжана, при сравнении с остальными бюрократами группировки «усвоения заморских дел», есть одна важная особенность, которая состоит в том, что его идеи реформы сформировались еще в 60-е гг. XIX в., и при обсуждении вопроса о строительстве береговой обороны им была выдвинута точка зрения в пользу реформ» [5, 65].

Ранее уже упоминались различия взглядов в лагере бюрократии по вопросу о методах осуществления политики «самоусиления», которые привели к оформлению их в три группы сторонников и противников. Чжан Минцзю, оценивая позицию «объединенной» группы сторонников, выделяет далее ряд чиновников с еще более прогрессивными, по его мнению, установками, группировавшихся вокруг Ли Хунчжана. «Среди чиновников, участвовавших в обсуждении... только четыре человека – Ли Хунчжан, Го Хаодао, Дин Жичан, Чэнь Баочжэн – одновременно с выступлением за ввоз западных кораблей и пушек, машин и механизмов, современных научных технологий, требовали неких реформ в отношении старого режима, и точку зрения этих четверых можно назвать «самоусиление изменяя законы» (курсив наш – М.Г.) [5, 66] Во главе этой группы стоял Ли Хунчжан, который, как уже было сказано, осмысливал идею реформ еще в 60-е гг. В качестве примера, подтверждающего это утверждение, китайский историк ссылается на следующие факты. Весной 1864 г. Ли Хунчжан выдвинул идею обращения к опыту реформы (*bianfa*) в Японии [5, 66]. Само представление о реформе, уже точно сформулированное Ли Хунчжаном, относится к 1870 г. «В августе этого года в письме к Дин Жичану он говорит: “В политике самоусиления следует заблаговременно изменить законы”» (курсив наш – М.Г.) [5, 68]. Если основываться на семантической многозначности китайской иероглифики, понятие «изменение закона» (*bianfa*) является, в определенной степени, синонимом другого понятия «изменение режима» (*bianzhi*). Поскольку же «самоусиление изменяя законы» не только предполагало расширение связей с Западом, но и проведение соответствующих изменений самого режима, постольку «“изменение закона”, выдвинутое Ли Хунчжаном, Дин Жичаном и другими, как раз и содержит слабую идею «изменения режима» [5, 68]. Но «изменение закона» неразрывно связано с понятием «изменение режима» или – что, в общем, одно и то же – «изменение системы». Последнее же предполагает необходимость реформы, причем не просто преобразований в какой-то конкретной сфере, а достаточно радикальной *политической реформы*.

В такой трактовке автора Ли Хунчжан предстает уже не просто как наиболее предприимчивый и прагматичный государственный деятель в ряду дворцовой бюрократии, а как

политик-реформатор. «...Лишь в докладных записках Ли Хунчжана официально выдвигается представление об “изменении закона” (т.е. политической реформы – *М.Г.*), и его кругозор не только далеко возвысился над косными бюрократами, но также является ... наиболее передовым, наиболее радикальным» [5, 68]. Но это, разумеется, субъективная точка зрения автора, основанная, вероятно, больше на личном восприятии фигуры этого, безусловно, выдающегося государственного деятеля Китая.

Политика «самоусиления», как известно, потерпела поражение, и результатом поражения стало дальнейшее ослабление централизованного государства, усиление позиций иностранных держав. В попытках законсервировать в неизменном виде общественные отношения без серьезных структурных изменений роль Ли Хунчжана и его сторонников свелась, в конечном счете, к позиции бесстрастных наблюдателей и поискам оптимальных форм и методов для усиления своего личного военно-политического влияния и материального благополучия.

Все же существенно изменилось и отношение цинской верхушки к «варварскому» Западу. Традиционная ксенофобия и китаецентризм уступали место более реалистическим формам сознания и обновленному пониманию патриотизма как стремления к «возрождению Китая» через его модернизацию. Проникновение же в Китай западных общественно-политических идей, пример «возрождения» Японии в результате реформ Мэйдзи, а также влияние буржуазной реэмиграции привели к сложному синтезу традиционного китаецентризма и конфуцианской учености с элементами нового, буржуазного мировоззрения

Таким образом, можно говорить о том, что элементы синтеза традиций и новаций в политическом менталитете Китая стали складываться в недрах традиционной системы Китая, начиная с 40-х гг. XIX в. Причем данный процесс продолжается, так или иначе, вплоть до сегодняшнего дня. Не случайно видный американский политолог С. Хантингтон так оценивал идейно-теоретическую основу успеха реформ в КНР: «...Руководство (Китая – *М. Г.*)... выбрало новую версию *Ti-Yong* (*ziyong*//т.е.собственного – *М. Г.*) капитализма и вовлечения в мировую экономику, с одной стороны, объединенную с политическим авторитаризмом и с возвращением к традиционной китайской культуре, с другой. ... В самом Китае непосредственно в начале 1990-х развивалось популярное желание возвратиться к тому, что является подлинно китайским, которое часто является патриархальным, нативным (т.е. врожденным – *М. Г.*) и авторитарным. Демократия, в этом историческом возрождении, дискредитирована, как был дискредитирован ленинизм как просто другое иностранное наложение» [6, 105-106]. С приведенной точкой зрения относительно возрождения в Китае национальных ценностей перекликается, кстати, суждение Ч. Фицджеральда, который, исходя из устойчивости политических традиций в Китае, также считает, что в настоящее время «... национальные тенденции начинают преобладать в китайском коммунизме и одновременно вытеснять идеи русского коммунизма» [4, 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюгер, Р. Полная история Поднебесной / Р. Крюгер; пер. с англ. Д. Воронина, Ю. Гольдберга. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 448 с.
2. Непомнин, О. Е. Экономическая история Китая (1864 – 1894 гг.) / О. Е. Непомнин. – М. : Наука, 1974. – 302 с.
3. Новая история Китая. – М. : Наука, 1972. – 636 с.
4. Фицджеральд, Ч. П. История Китая / Ч. П. Фицджеральд ; пер. с англ. Л. А. Калашниковой. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 460 с.
5. Чжан Минцзю. Лунь Ли Хунчжан ды бяньфа сысян / Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы / Минцзю Чжан // Лиши янцзю. – 1989. – № 6. – С. 65-78.
6. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Huntington Samuel P. – New York: Simon & Schuster, Rockefeller Center 1996. – 367 p.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ

INDIGENOUS NATIONS OF THE AMUR-SAKHALIN REGION IN THE RUSSIAN DIMENSION: A DEVELOPMENT PLAN

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей 15-71; (84212) 53-14-37. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Mr. Andrei I. Gorelikov – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Studies, Komsomolsk-on-Amure State Technical University, Komsomolsk-on-Amure, Khabarovsk region (Russia, Komsomolsk-on-Amure) 681035 Russia, Habarovsk region, Komsomolsk-on-Amure, 15-71 Pervostroiteley Pr. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления концепции развития коренных народов в контексте решения задач индустриальной модернизации России до середины 1950-х гг.

Summary: The article deals with the main directions the development of indigenous peoples in the context of industrial modernization of USSR during the period until 1950.

Ключевые слова: коренные народы, регион, концепция, модернизация, рынок.

Key-words: Indigenous peoples, region, concept, modernization, market.

УДК 94:39(571.6)

Вопрос исторических судеб местных народов с вхождением в состав России не потерял своей актуальности до настоящего времени. Он напрямую связан с определением путей и методов вовлечения коренного населения в проводимые государством реформы.

Накопленный практический опыт в решении политических, экономических, социокультурных задач в этнической среде, безусловно, остается предметом переосмысления в историческом познании. Несомненный интерес представляет разработка концепции развития аборигенных народов в наиболее значимые периоды модернизации Российского государства.

Разработка концепции была неразрывно связана с определением роли и места этнических обществ в осваиваемых государством дальневосточных территориях. Ко времени прихода русских на Дальний Восток его огромные территории, кажущиеся на первый взгляд незаселенными, были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в европейской части России. С появлением русских на Дальнем Востоке началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземных обществ [4, 200].

Общий ход эволюционного развития коренных народов был резко изменен интенсивно развивающимся рынком в начале XX в. Стержневой линией правительственного законодательства являлось стремление глубже вовлечь аборигенные народы в орбиту общероссийских административных, хозяйственных и иных связей. В то же время власть отчетливо понимала, что поспешный слом сложившегося быта туземных племен может вызвать нежелательные последствия. Наметившиеся процессы стихийного «обрусения» инородцев, поддер-

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ:

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ

живаемые и направляемые усилиями имперской администрации и православными миссионерами, были экономически и социокультурно обусловленным явлением, порожденным мощным интеграционным процессом на востоке страны.

В правительственном подходе к «иностранному вопросу» отчетливо обнаруживаются цивилизационные тенденции, где важной составляющей являлась хозяйственная адаптация аборигенного населения к общероссийской государственной системе. Можно говорить как минимум о трех компонентах этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном.

Этот процесс в широком историческом контексте продолжает всесторонне анализироваться в отечественной историографии. Отмечая общие черты и подчеркивая отличия особенностей исторического развития коренных народов, социально-экономической практики освоенной ими окружающей среды, в исторической литературе дается обоснованное представление о влиянии русской культуры на хозяйственный уклад аборигенного населения. Это с особой наглядностью проявилось в перестройке всей внутренней территориально-экономической организации Дальнего Востока в рыночных условиях начала XX в. Период 1900-1930-х гг. показывает степень масштабных преобразований традиционного уклада этнического массива под влиянием модернизации, вызванной геополитическим фактором. Геополитический анализ развития азиатской России в начале XX в., был бы неполным без обращения к другой важной стороне данной проблемы – исследованию динамических сдвигов во внутренней региональной структуре Российского государства, которые становились ответом как на различные внешние вызовы и угрозы, так и на новые открывающиеся возможности укрепления его международных позиций [1, 62].

Существенная часть перемен в образе жизни коренных народов пришлась именно на этот модернизационный период, что принципиально важно для определения перспектив их дальнейшего развития. В формируемую концепцию развития местных народов, освоивших присоединенные земли, вводится ключевое понятие «эффективной национальной территории», т.е. той части национальной территории, которая представляет геополитическую ценность в силу своей военно-стратегической защищенности и потенциала экономического района [1, 63].

Позитивное взаимодействие славяно-русской цивилизации с уникальной архаикой традиционных обществ дает возможность соотнести традиционные и цивилизационные координаты направляемого прогрессирующего развития в длительной исторической ретроспективе. Историко-типологическая модель цивилизационной интеграции традиционного уклада коренных народов легла в основу концепции их развития в составе Российского государства. На протяжении всего периода их исторического развития в составе Российского государства концепция своим содержанием отличалась существенным разнообразием. При этом сохранялась главная функция государства в рамках этой модели – адекватно выражать интересы этнических обществ, вырабатывать формы взаимоотношений между ними и государством, выступать гарантом от посягательств пришлых народов.

Анализ источников обращает внимание на известную преемственность в развитии национально-правовой доктрины, основные направления которой остаются со времени ее зарождения. Основой для формирования концепции развития аборигенных народов с вхождением их в состав Российского государства явился «Устав об управлении иностранцами» 1822 г. [5, 7]. Имперские тенденции отношения к коренным народам получили законодательное оформление.

Рассмотрение политики Российского государства по отношению к малочисленным народам, как достаточно структурированного по временной оси явления, отчетливо делится на исторические этапы. При ближайшем рассмотрении первый этап концепции был связан с Уставом М.М.Сперанского, согласно которому аборигенные народы обрели свой юридический статус с особыми правами и обязанностями, образуя сословие иностранцев.

Можно говорить, что на первом этапе разработки концепции ее главным содержанием являлась консервация социальной организации этнических обществ, их быта и хозяйствования. Правительство старалось не ломать нормы сложившегося традиционного уклада коренных народов, сохраняло их архаичную уникальность. Сложилось устойчивое сочетание двух тенденций, когда имперский централизм России и локализм этносов дополняли друг друга. Локализм облегчал имперское управление, централизм оберегал целостность и обособленность этносов, их бесконфликтное существование.

Под влиянием геополитического фактора в начале XX в. стали возникать условия для изменения внутриэкономической политики Российского государства по отношению к восточным территориям. Утверждение рыночных отношений, переселенческий процесс, столыпинская аграрная реформа, развитие торговли и промышленности вызвали объективную необходимость вовлечения коренных народов в экономические преобразования края. Выдвигалась задача модернизации национального традиционного уклада, создание такой системы экономических связей, которая способствовала бы цивилизационному развитию этнических обществ. Это был поворот принципиального характера, приведший к смене приоритетов концепции – от консервации к ускоренному развитию.

К этому времени тенденция сближения аборигенного населения с крестьянами-переселенцами в значительной мере окрепла, процессы заимствования имели положительное значение и способствовали ускоренному социально-экономическому и культурному развитию местного населения. На смену отношениям традиционного общества шли отношения другого типа, знаменующие начало индустриальной цивилизации. Проникающие в этническую среду рыночные механизмы стали играть немаловажную, а в некоторых отношениях и решающую роль в экономическом и социальном развитии. Например, пушной и рыбный промысел, торговля приобрели капитализирующее значение.

Был осуществлен ряд шагов по реальному втягиванию хозяйственного уклада коренных народов в цивилизационное поле товарно-денежных отношений. Этому способствовала достаточно последовательная линия в разработке аграрного законодательства по аналогии с российским крестьянством. В целом этот вопрос получил развитие в проекте положения «Об инородцах Приамурского края» (1916 г.)

Положение отчетливо отражало изменения, вызванные интенсивным развитием рынка в общественной, экономической и культурной жизни этнических обществ, формировании новых товарно-денежных отношений в этнической среде.

Впервые, согласно Положению, «все инородцы уравниваются в правовом состоянии с сельскими обывателями» (см. прим. 4). Инородцам в «бессрочное общественное пользование предоставлялись земли, на которых испокон веков они жили». Подтверждалось право бесплатного пользования рыбными ловлями в тех реках, на которых проживало аборигенное население. Устанавливалось беспрепятственное и бесплатное занятие аборигенов охотничьими промыслами (см. прим. 5). Таким образом, второй этап концепции развития предоставлял возможность включения их хозяйств в рыночные сферы.

Специфика третьего этапа разработки концепции была обусловлена буржуазно-демократическим характером Дальневосточной республики (ДВР). Весьма важно отметить еще одно обстоятельство, имевшее принципиальное значение при разработке концепции. Это законодательное закрепление особенностей системы самоуправления этнических обществ, стремление интегрировать ее в создаваемые государственно-правовые механизмы.

В апреле 1921 г. после принятия Конституции ДВР конституировалась как государственное образование. В деятельности Министерства по национальным делам важное место

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ

занимали проблемы автохтонного населения. В обращении «Всем гражданам нерусской национальности» декларировалось право народам ДВР на самостоятельную культурно-национальную жизнь. На новый уровень вышла разработка концепции сохранения и развития аборигенных народов. Было выработано «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории ДВР», отражающее главную суть концепции. Все основные статьи Временного положения исходили из необходимости родоплеменного устройства. Коренным народам предоставлялось право на самоопределение согласно существующим у них обычаям, с соблюдением правил этого положения [3, 70].

С учетом уточнений и доработок новый проект Временного положения был утвержден как «Закон о туземных племенах Дальневосточной республики [2, 606].

Утвержденные правительством ДВР нормативные акты: «Основной закон (Конституция) Дальневосточной республики», «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории ДВР» и «Закон о туземных племенах Дальневосточной республики» – предоставляли им права на свободное развитие и культурно-национальную автономию, одновременно взяв коренные малочисленные народы под защиту государства. Правовые документы, разработанные в ДВР для коренных малочисленных народов, отражая особенности их общественного развития, конкретизируя правовую основу, предоставляли возможность их ускоренного развития, безболезненного вовлечения в переустройство на новых демократических началах построения гражданского общества в рамках правового государства.

Важным шагом третьего этапа в разработке концепции стоит отметить создание нормативно-правовой базы. На этом этапе в концепцию были заложены решения по очевидным и необходимым жизненно важным вопросам развития аборигенного населения.

Рекреационный период экономики Дальнего Востока способствовал возобновлению дискуссии о концепции развития коренных народов. Эта проблема приобрела уже отчетливое государственное измерение. Ее разрешение было связано с началом социалистического строительства в условиях новой экономической политики (1923-1929 гг.).

Восстановительный процесс разрушенного длительной гражданской войной и иностранной интервенцией аборигенного хозяйства принимал более сложный характер. Новой власти приходилось учитывать целый ряд особенностей, нашедших отражение в разрабатываемой концепции. В ее основу были положены принципы хозяйственной целесообразности, экономической завершенности, действенного партийного контроля.

В соответствии с политическими и экономическими задачами нэпа концепция развития была пронизана преимущественно социально-хозяйственными подходами приближения советской власти к коренным народам. Государство заняло активную позицию в определении их судеб, взяло на себя обязанность создать материальные, социальные, политические условия для форсированного перехода от традиционного общества к индустриальному. Среди народностей, сохранивших патриархально-родовой строй, планировалось провести радикальные преобразования во всех сферах жизни.

Опираясь на одну из важнейших составляющих нэпа – вывода аборигенной экономики за рамки натурального хозяйства была выработана следующая модель концепции развития: советизация туземного населения, проведение экономического районирования, осуществление программы культурной революции в комплексе обеспечивающих инновационный прорыв. Таким образом, концепция развития в условиях нэпа приобрела конкретные плановые очертания в преодолении отсталости коренных народов. Для повышения целенаправленного и планомерного экономического, политического и культурного их уровня было ре-

шено создать централизованную систему государственных органов. В частности, Президиумом ВЦИК РСФСР 20 июня 1924 г. был образован Комитет Содействия народностям Северных окраин (Комитет Севера) при ВЦИК РСФСР (см. прим. 1).

Комитетом Севера были выработаны специфические решения, приемлемые для аборигенного населения. Так, для народностей Севера и Дальнего Востока наиболее целесообразной формой работы являлось их комплексное обслуживание. Было решено создать такую форму кооперации, которая включала бы многочисленные хозяйственные функции. Суть ее была разъяснена в постановлении Президиума ЦИК и СНК СССР от 18 января 1927 г. «Об образовании смешанных кооперативных объединений на Крайнем Севере» (см. прим. 2). Посредством интегральной кооперации предусматривалось переустройство хозяйства коренных народов, организация содействия членам коопераций в развитии рыболовецкого, охотничьего, зверобойного, оленьего, кустарного и других видов промыслов, установление собственной промысловой базы, снабжение членов кооперации необходимыми продуктами, освоение новых видов промыслов (см. прим. 3). На этом этапе разработки концепции учитывалось не только соответствие интегральной кооперации традиционному хозяйствованию, но и способствование развитию его с одновременным включением в государственный сектор экономики.

При более глубоком анализе проводимых преобразований, на четвертом этапе выделяются два четко дифференцированных направления концепции с различными ведущими тенденциями экономического и политического развития этнических обществ. В период 1922-1926 гг. концепция отражала продолжение прерванных гражданской войной рыночных реформ, всем своим содержанием направленных на поддержание традиционного хозяйства. Подъему экономики и культуры аборигенных народов придавалось государственное значение. Период 1927-1929 гг. – время создания механизмов для проведения предстоящих радикальных преобразований в этнической среде. Было осуществлено экономическое районирование, проведена советизация коренного населения, развернуты мероприятия по осуществлению культурной революции.

Реализация концепции развития малочисленных этносов на этом этапе создала предпосылки к коллективизации аборигенных хозяйств, где им отводилась роль поставщика сырья и продовольствия.

1930-й г. ознаменовал пятый этап разработки концепции, связанный с форсированным проведением программы национального строительства. Определяющим процессом в жизни малочисленных народов стала коллективизация их хозяйств.

Темпы освоения и характер создаваемой экономики Дальнего Востока являлись тем фактором, который объективно ускорял интеграцию аборигенного хозяйствования в создаваемый мощный аграрный комплекс края, что, в свою очередь, определяло темпы коллективизации. Смена курса от оказания помощи к стремлению активно преобразовать социально-экономические отношения явилась основной задачей ускоренной организации колхозов у народов Севера и Дальнего Востока.

Период коллективизации характеризовался единообразным подходом к осуществлению преобразований традиционного уклада коренных народов без учета традиционной самобытности. Руководством страны было провозглашено, что задача ликвидации экономической и культурной «отсталости» коренных народов Севера была решена. Завершился продолжительный исторический период их эволюционного развития. В этом контексте пятый этап концепции следует рассматривать как глубоко исторический, завершившийся вступлением коренных малочисленных народов в новый этап своего развития.

Гореликов А. И.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ

Не будет преувеличением сказать, что формирование концепции развития коренных народов тесно связано с проблемой формирования национальной политики. В дореволюционной историографии эта проблема не находила должного отражения, как значимого явления. В исторической литературе советского периода преобладало мнение, что преодоление отсталости малых народов являлось исторической задачей. В силу такой логики, этнические элементы коренных народов должны были интегрировать во всеобъемлющий процесс социальной реконструкции советского общества. Происходившие преобразования в общем контексте национальной политики оказали на историческое развитие аборигенов во многом необратимое воздействие. Произошли базисные сдвиги в социально-экономической, политической и культурной сферах жизни этнических обществ.

Активная политическая составляющая концепции национального строительства в советский период сопровождалась радикальными преобразованиями всего образа жизни, обеспечившими переход этнических обществ в короткое время от традиционной культурно-хозяйственной системы к социалистическому общественному и бытовому устройству по модели индустриальной цивилизации.

Представленная нами периодизация концепции развития коренных народов рассматривается как исходная концептуальная схема прогрессирующей рационализации традиционного образа жизни этнических обществ Дальнего Востока.

Степень изменения элементов хозяйственно-культурного комплекса, исторически сложившегося под воздействием географической среды обитания, связана с проблемой становления и развития концепции развития коренных народов.

Обобщение широкого спектра концептуального видения исторической перспективы коренных народов, целей внутренней политики государства к развитию Дальнего Востока, конкретных действий руководства страны и региона позволяют с большой долей уверенности выделить пять отчетливо выраженных этапов концепции развития коренных народов в 1900-1930-е гг., получить представление о ее целостности, стройности и последовательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI-XX вв. / В. В. Алексеев. М. : Наука, 2004. 600 с.
2. Борьба за власть Советов в Приамурье (1917-1922 гг.) : сб. документов. – Владивосток : Прим. изд-во, 1955. – 831 с.
3. «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории ДВР» // Вестник Дальневосточной республики. – 1922. – № 5-6.
4. Дамешек, Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
5. Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в.: сб. науч. трудов. – Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 1981. – 236 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 133. Д. 20. Л. 6.
2. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 21. Д. 71. Л. 7.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 682. Оп.1. Д. 2. Л. 4.
4. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 882. Л. 7.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 882. Л. 80.

Люшилин Е. Л., Долгов Л. Н.
E.L.Lushilin, L.N.Dolgov

ВОЕННАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР: 1932 – 1936 гг.

MILITARY AND INDUSTRIAL MODERNISATION OF USSR'S FAR EAST: 1932 – 1936

Люшилин Евгений Леонидович – аспирант кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 89141849480. E-mail: LushilinEL@mail.ru.

Mr. Evgeny L. Lushilin – PhD Candidate, Department of History, Komsomol-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin st., phone: +79141849480. **E-mail:** LushilinEL@mail.ru.

Долгов Лев Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 89141758880. E-mail: history@initkms.ru.

Mr. Lev N. Dolgov – Doctor of History, Department of History, Komsomol-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin st., phone: +79141758880. E-mail: history@initkms.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются причины развертывания, ход и последствия военной и промышленной реконструкции Дальнего Востока РСФСР в 1932 – 1936 гг. При этом описывается создание укрепленных районов, техническое переоснащение дислоцированных в регионе вооруженных сил, их количественный рост, строительство транспортных коммуникаций, преобразование индустрии края. Особое внимание авторов обращено на исследование специфики трудовых ресурсов, осуществлявших указанные мероприятия, включая роль лагерной инфраструктуры в процессе реконструкции региона.

Summary: The paper considers the reasons for, the course and after-effects of military and industrial development and modernization of USSR's Far Eastern Region in 1932 – 1936. The paper describes the creation fortified zones, technical re-equipment of local armed forces, increase in force structure, road building, modernization of local industry. The authors look into particular characteristics of labour force involved in the above mentioned activities, including the role of concentration camp system in the process of regional modernization.

Ключевые слова: Дальний Восток, реконструкция, вооруженные силы, транспорт, промышленность, золотодобыча, трудовые ресурсы, лагерная инфраструктура, продовольствие.

Key-words: Far East, modernization, armed forces, transport, industry, gold-mining, manpower, concentration camp system, food.

УДК 316.35/356.2

Если рассматривать советскую реконструкцию в промышленном ключе (то есть как индустриализацию), то в целом для СССР, без учета ряда частных особенностей, она означает форсированное развитие топливно-энергетического и металлургического комплексов с параллельным расширением сети транспортных коммуникаций как базы для создания машиностроения в

целях производства промышленного оборудования, военной и сельскохозяйственной техники, транспортных средств. Поэтому не случайно, что в различных регионах страны в первую очередь развернулось строительство предприятий, отвечавших этим задачам [1, 145]. Однако Дальний Восток вплоть до 1932 г. находился на периферии общесоюзного промышленного развития. В результате, по итогам первой пятилетки доля ДВК в выпуске валовой продукции машиностроения – ведущей цели индустриализации – снизилась с 0,4 % (в 1930 г.) до 0,3 % (в 1932 г.), в том числе по линии судостроения с 4,1 % до 3,6 % [1, 349-350].

Как и прежде, во второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. промышленное производство во внутрирегиональном срезе демонстрировало низкий уровень индустриального развития Хабаровской (12 % промышленной продукции) и Амурской (21 %) областей при доминирующей роли Приморской области (61 %), при том, что на её долю приходилось 6,9 % площади края и 47,3 % населения. Наиболее индустриально развитым являлось Южное Приморье, которое давало 80 % всего угля, добываемого на Дальнем Востоке, и 30 % лесной продукции [2, 42]. При этом местная добыча угля не покрывала всех потребностей в нём, в связи с чем приходилось завозить его из Черемховского района Восточно-Сибирского края [3, 24]. Металл, необходимый для местной промышленности, транспортировался с Урала [3, 170]. Такой важный пищевой продукт, как соль, доставлялся в ДВК из Крыма южным морским путем [3, 171].

Кроме угольной и лесной индустрии основной отраслью специализации ДВК оставалась рыбная промышленность, которая в начале 1930-х гг., благодаря вступлению в строй в 1929 г. краболовной флотилии, позволила СССР выйти в лидеры по экспорту крабовых консервов, вытеснив Японию. Доля Приморья (40 % улова морепродуктов) в этой сфере была также высокой [2, 42].

Таким образом, экономике Дальнего Востока, будучи слабо включенной в программу индустриализации, отводилась прежняя роль – добыча угля, лесозаготовки и вылов морепродуктов, в том числе в целях их реализации на внешнем рынке.

Индустриализация в числе прочих следствий явилась предпосылкой для создания технологической и технической базы модернизации вооруженных сил, что позволяло провести перевооружение войск и увеличить их количество. Однако в отношении Дальнего Востока существенных изменений в этом плане также не происходило: если в 1929 г. численность ОКДВА составляла 35 тыс. чел. [подсчитано автором по: 4, 106; 5, 80], то вплоть до 01.01.32 она практически не изменилась и равнялась 42 тыс. [6]

При этом реконструкция армии и флота не ограничивалась строительством заводов военного профиля и качественным и количественным развитием войск. Значительную роль для повышения боеспособности вооруженных сил играло также достаточно трудо- и материалоёмкое возведение приграничных оборонительных сооружений. Согласно военной доктрине того времени, оптимальной считалась защитная полоса, обустроенная укрепленными районами (УР), под которыми подразумевались протяженные укрепленные линии, имевшие открытый тыл, косяк которых составляли относительно небольшие по размерам боевые сооружения, вооруженные артиллерией и пулеметами и рассредоточенные на большой площади [7, 6-7]. Строительство укрепленных районов в СССР началось в 1926 г. и было продолжено в 1928 г. с возведения в западных приграничных военных округах ряда укрепленных районов [5, 81]. Дальний Восток в этом ключе оставался в стороне от работ по укреплению приграничной полосы.

Таким образом, вплоть до 1932 г. Дальний Восток находился на задворках промышленной и военной модернизации. В хозяйственном плане регион, ограниченный низким уровнем индустриального развития, продолжал иметь экспортную специализацию. Развёртывание хозяйственного и культурного строительства в ДВК, согласно Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР, принятого в феврале 1930 г. [8, 4-15], оставалось на бумаге. Однако в конце 1931 г. обстоятельства, влиявшие на низкий статус ДВК в доктрине модернизации, начали резко меняться.

19.09.31 японская Квантунская армия начала широкомасштабные действия в Маньчжурии против китайских войск. 05.02.32 японцы заняли Харбин, а к концу 1932 г. они вышли на линию советско-китайской границы, однако полностью взять под контроль дальневосточный и забайкальский участки границы они смогли только к началу 1933 г. [5, 80]. Одним из последствий захвата Маньчжурии стала фактическая аннексия КВЖД, являвшейся альтернативной Транссибу железнодорожной коммуникацией, которая формально была подтверждена в марте 1935 г. соглашением о её продаже [9, Т.4, 941]. Параллельно указанной экспансии численность японских войск в Маньчжурии увеличилась более чем в десять раз и составила почти 100 тыс., а к началу 1935 г. – 180 тыс. чел. (80 % от численности всей японской армии). В условиях японской экспансии в Китае 1931 – 1932 гг. созрела необходимость принятия мер, направленных на организацию защиты советской территории от возможного нападения Квантунской армии [5, 80].

Инфраструктуры питания, снабжения боезапасом и транспортные коммуникации (в виде единственной железной дороги – Транссиба), являвшиеся жизненно важными для размещения войск, находились на Дальнем Востоке вблизи государственной границы (Южное Приморье, юг Хабаровской области, ЕАО, Амурская область, Забайкалье). Поэтому требовалось безусловное удержание неприятеля на её линии. Тихоокеанское побережье ДВК было практически не защищено, что позволяло противнику осуществить выброску морского десанта. В связи с этим необходимо было создание долговременных укрепленных позиций как на линии государственной границы, так и в наиболее важных районах побережья [5, 77].

Для решения этой задачи в 1932 г. началось масштабное строительство оборонительных сооружений на территориях, удобных для проникновения войск противника. Возводился целый комплекс укрепленных районов: Приморский, Гродековский, Барабашский, Полтавский, Усть-Сунгарийский, Благовещенский, Нижнеамурский, Де-Кастринский, Забайкальский [5, 84]. Для ускоренного завершения строительства УР в январе 1934 г. в состав ОКДВА был включен Особый военно-строительный корпус (ОВСК, командир Б.Н. Руднев, военком Г.Я. Горин [4, 111]), который был сформирован из военно-строительных частей Московского и Ленинградского военных округов и имел в своем составе 15 строительных батальонов. Основная часть бетонных работ во вновь создаваемых УР была выполнена в 1933 г. В итоге в 1934 г., когда части японской Квантунской армии развернулись вдоль всей линии государственной границы, долговременные фортификационные сооружения были в основном готовы и вооружены [5, 85].

Параллельно фортификационным работам развернулось строительство железнодорожных линий и веток, предназначенных для оперативной переброски войск (например, линия Смоляниново – Дунай в Приморье [10, 351]). Первоначально данное строительство велось трестом «Дальстройпуть», но из-за низкой производственной отдачи оно в 1934 г. было передано войскам Особого железнодорожного корпуса НКПС во главе с Я.Я. Лацисом, которые в 1934 г. были полностью передислоцированы в Приморье (где находились вплоть до 1941 г.) [10, 336]. В результате строительство веток удалось завершить, хотя и с весьма низким качеством работ [5, 100].

В целях защиты побережья от возможного десанта неприятеля и контроля внутренних вод СССР на Дальнем Востоке 21.04.32 были воссозданы Морские силы Дальнего Востока (МСДВ). Командующим МСДВ был назначен флагман 1-го ранга М.В. Викторов. Личный состав МСДВ начал пополняться балтийцами и черноморцами. Если на 1 июля 1932 г. тихоокеанцев насчитывалось всего 5875 человек, то к концу года их стало 8300 человек. Укреплялась береговая защита, увеличивался авиационный парк. В 1933 г. в строй вошла первая подводная лодка, доставленная в ДВК по железной дороге в разобранном виде и собранная на владивостокском Дальзаводе [11, 120]. 11.01.35 было принято решение о переименовании МСДВ в Тихоокеанский флот (ТОФ). В 1935 г. ТОФ вышел на первое место среди других флотов Советского Союза по основным показателям в боевой и политической подготовке

[11, 123]. В 1936 г. в его составе появились первые эскадренные миноносцы, новые быстроходные тральщики и подводные лодки, имевшие более мощное вооружение и совершенные механизмы. На побережье строились новые укрепленные районы [11, 134-135].

Ограниченная пропускная способность Транссиба не позволяла быстро осуществить переброску войск на Дальний Восток и вынудила наращивать в регионе в рамках ОКДВА группировку войск, способную самостоятельно вести боевые действия. В итоге состав вооруженных сил на Дальнем Востоке возрос с 42 000 чел. личного состава (по состоянию на 01.01.32) до 240 000 чел. (на 01.01.37), количество самолетов за этот же период – с 88 до 2189, танков и танкеток – с 36 до 3216, орудий – с 358 до 3748 [подсчитано автором по: 6; 5, 80, 86, 112].

В результате увеличения указанного военного присутствия на протяжении 1932 – 1936 гг. в военной группировке на Дальнем Востоке, в сравнении с РККА, к 1937 г. было размещено около 11 % численности вооруженных сил страны [подсчитано автором по: 6; 5, 112; 12, 123], относительно же населения ДВК её доля составила 9,7 % [6; 5, 112; 13, 41]. Этот рост сопровождался строительством военных городков с сетью социальных объектов, казарм, артиллерийских парков, складов, подъездных путей, аэродромов [см., например: 14, 27-28]. Большой удельный вес и высокое оборонное значение дальневосточной группировки войск было зафиксировано в 1935 г., когда командующему ОКДВА В.К. Блюхеру присвоили звание маршала.

В ходе полномасштабного строительства и введения в строй укрепленных районов, развития транспортной инфраструктуры военного назначения, форсированного создания и развития ТОФа, увеличения состава ОКДВА резко выросла боеготовность советских вооруженных формирований на Дальнем Востоке, что вынудило Японию изменить планы нападения на СССР [5, 99].

Кроме выполнения военных задач, ОКДВА принимала широкое участие в хозяйственном освоении ДВК. Так, с окончанием основных фортификационных работ 11 батальонов ОВСК прибыли в Комсомольск (шесть из них – зимой 1933/34 г.) для сооружения заводов. Здесь ими были выполнены земляные работы объёмом около 6 млн. м³, что в 2,5 раза больше объёма таких работ, проведенных на строительстве Московского метрополитена первой очереди; уложено 3,2 млн. м³ бетона – в 2,6 раза больше, чем на ДнепроГЭС [4, 111].

Новая оборонная доктрина, связанная с возникновением угрозы войны на Дальнем Востоке с Японией, являвшейся достаточно сильным противником, включала в себя не только фортификационное и транспортное строительство и усиление военного присутствия в регионе, но и экономическую модернизацию ДВК. Планы её проведения были озвучены В.В. Куйбышевым на 17-й конференции ВКП(б). Программа модернизации ДВК состояла, с его слов, в создании способной автономно функционировать региональной экономики. Этого планировалось достичь путем всестороннего хозяйственного развития: создания собственной металлургической базы среднего уровня в южном Приморье, сырьем для которой должен был служить сучанский уголь и находящееся рядом ольгинское месторождение железных руд, широкого развития железно- и автодорожных путей сообщения, речных и воздушных коммуникаций, увеличения сельскохозяйственного производства и добычи водных биоресурсов и соли и расширения на этой основе производства в пищевой (в том числе в рыбоперерабатывающей, сахарной) и текстильной (льняной и пеньковой) промышленности, разработки Тетюхинского месторождения цветных металлов (Приморье), золотых приисков (Колыма), сахалинской нефти и камчатского угля, создания мощной судостроительной (с. Пермское) и лесной промышленности (в том числе деревообрабатывающей, бумажного производства), развития пушного промысла [3, 170-171, 183].

Проявлениями программы развития ДВК стали реконструкция Владивостокского механического завода, переименованного в Дальзавод, строительство и ввод в эксплуатацию в феврале 1932 г. Хабаровского кораблестроительного завода им. С.М. Кирова, реконструкция

с декабря 1933 г. Хабаровского завода сельхозмашин в предприятие по ремонту стрелково-артиллерийского вооружения (Дальсельмаш), строительство с 1932 г. Хабаровского авторемонтного завода (Авторемзавод). Но наиболее важные промышленные стройки велись в с. Пермском (с 10.12.32 – г. Комсомольск-на-Амуре), где с 1932 г. осуществлялось строительство судостроительного (Дальпромстрой, стройка № 199) и авиастроительного заводов (Маш-строй, стройка № 126), а с 1936 г. – аккумуляторного завода (Дальакстрой). Все указанные предприятия имели военный профиль.

Если назначение основной массы перечисленных предприятий состояло в обслуживании имевшихся в распоряжении ОКДВА и ТОФ судов, транспорта и стрелково-артиллерийского вооружения, то по окончании строительства заводов в Комсомольске от них ожидалось снабжение вооружённых сил региона новой техникой (военными судами, подводными лодками и самолётами), что должно было в значительной мере снизить объём их перемещения из других регионов страны. Видимо, постановка данной задачи была связана с тем обстоятельством, что при переброске указанной техники в ДВК была высока вероятность её обнаружения: «скрыть переброску людей в закрытых вагонах или замаскировать на платформах орудия и танки было нетрудно, а вот скрыть переброску на железнодорожных платформах подводных лодок или переброску по воздуху эскадрилий тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 было невозможно» [6].

Возведение военных заводов и оборонительных сооружений требовало развития индустрии строительных материалов, что обусловило расширение старых и постройку новых предприятий данного профиля: Спасского цементного завода (ставшего крупнейшим в стране [15, 179]), Хабаровского кирпичного завода, ряда цементных заводов в районе Хабаровска. Кроме них в районах выполнения работ создавалось производство различных видов строительных материалов и полуфабрикатов в сравнительно небольших объёмах [10, 340]. Но местные объёмы производства не могли удовлетворить всех потребностей в стройматериалах [см., например: 16, 38]. Иногда для покрытия данного дефицита приходилось принимать экстраординарные решения. Так, Дальпромстрой получил 200 тыс. м³ камня путём обрушения посредством взрыва сопки на правом берегу Амура [16, 39]. И всё же основным следствием этого дефицита стала ориентация строек ДВК на поставки из других регионов [см., например: 17, Д. 768, Л. 274]. Но отдаленность поставщиков (материалы из европейской части страны находились в пути до 3 месяцев) и запаздывание в выполнении ими заказов создавали серьезные трудности в осуществлении программ строительства [10, 339]. Казалось, исключение должен был составить лес, запасы которого оценивались в 60 – 70 млн га – 40 % всего леса в СССР [17, Д. 503, Л. 47]. Но в первые годы реконструкции края он, наравне с кирпичом, завозился за 3500 – 4000 км – из Забайкалья и Восточной Сибири [10, 340]. Однако со временем наличие лесной сырьевой базы позволило развернуть строительство Уссурийского, Тунгусского и Комсомольского деревообрабатывающих комбинатов [17, Д. 503, Л. 41].

Нехватка ресурсов в годы первой пятилетки породила свёртывание большого числа строек. Видимо, по этой причине комиссия, прибывшая из Москвы в с. Пермское в августе 1932 г. и поддерживаемая заместителем НКТП Г.Л. Пятаковым и начальником бюро новостроек НКТП И.Н. Смирновым, потребовала законсервировать Дальпромстрой. Но И.А. Каттель, получивший поддержку главы НКТП Г.К. Орджоникидзе, отстоял перед Политбюро возглавляемую им стройку [16, 39 – 41].

Не менее важное значение для функционирования и дальнейшего развития тяжёлой промышленности ДВК имело создание местной металлургической базы, которая в перспективе должна была снабжать заводы региона металлопродукцией. Первоначально планировалось её создание в южном Приморье, но в 1934 г. краевое руководство добилось принятия ЦК решения о разработке Кивдо-Райчихинского угольного бассейна, располагавшегося на территории Хингано-Архаринского района Амурской области [18], и создания на его базе металлургического завода [17, Д. 503, Л. 47]. Разведка бассейна была завершена ещё в 1931

г., а производственное освоение начато в 1932 г. В целях вывоза угля к ноябрю 1935 г. была проложена железнодорожная колея от ст. Бурея до месторождения [18]. Цветная металлургия осваивалась в рамках комбината «Сихали» [17, Д. 503, Л. 39] (Тетюхинский свинцовый завод, Приморская область).

Энергоснабжение – один из ключевых атрибутов функционирования промышленности и транспорта – осуществлялось в первую очередь за счёт каменного угля южного Приморья, добывавшегося на давно разрабатываемых рудниках Сучана и Артема. При этом уголь Кивды и Райчихи спросом у потребителей (железнодорожного и военного ведомств) не пользовался в силу своей низкосортности, что затрудняло их освоение. Добываемый на Сахалине уголь, предназначенный для судов, также бойкотировался – организациями по морским перевозкам [17, Д. 993, Л. 250 – 251]. В результате приморский – в особенности сучанский – уголь имел первостепенное значение в топливно-энергетическом балансе региона [17, Д. 979, Л. 251], в связи с чем в 1933 г. было начато сооружение железной дороги Кангауз – Сучан (52 км) [10, 327-328], после его окончания в июле 1934 г. – Сучан – Находка (41 км) [10, 344]. Строительством занялся корпус военных железнодорожников под командованием Я.Я. Лациса и окончил его уже в 1935 г., благодаря чему сучанский уголь в больших объёмах получил выход, в том числе транзитного характера, на Владивосток, Хабаровск и Находку [18, 327 – 328].

Для выработки электроэнергии в промышленных целях осуществлялось строительство Артёмовской ГРЭС, хабаровских районных электростанций. Задача снабжения вооружённых сил жидким топливом обусловила большие инвестиции в разработку сахалинской нефти, её переработку (Крекингстрой, Хабаровск) и хранение [17, Д. 503, Л. 38 – 40] (Бензоскладстрой).

В ходе расширения индустриальной базы региона темпы роста валовой промышленной продукции в первой пятилетке составили 191 %, во второй – 281 %. В результате в валовом выпуске народного хозяйства Дальнего Востока удельный вес промышленности в 1937 г. равнялся 80,4 % [15, 179-180].

Развернувшаяся на Дальнем Востоке модернизация требовала резкого увеличения трудовых ресурсов. В принципе, это было основное условие осуществления реконструкции края. Единственный способ решения данной задачи состоял в проведении масштабных переселенческих кампаний. Переселение в ДВК проводилось по нескольким каналам. По линии РККА в регион направлялись демобилизованные красноармейцы и военнослужащие развернутых в регионе армейских формирований, специализированных на строительстве. ВЛКСМ осуществлял мобилизации комсомольцев на ударные стройки края (к началу 1934 г. направлено более 3000 чел. [20]), которые кроме легендарного строительства Комсомольска возводили порт Находка, работали на вновь создаваемых нефтяных и рыбных промыслах Сахалина [15, 180]. Под руководством органов НКВД на Дальний Восток перемещались спецпереселенцы. Но ведущая роль в миграционной политике с 1932 г. отводилась созданию широкой сети исправительно-трудовых лагерей: контингент заключённых ИТЛ обеспечил 68 % прироста населения ДВК в период с 1926 по 1937 г. [подсчитано автором по: 13, 40 – 41; 21] Это обстоятельство требует экскурса в становление и развитие лагерной составляющей пенитенциарной системы Дальнего Востока.

Сложившаяся к 1929 г. структура мест заключения формировалась в период нэпа с характерными для него массовой безработицей, отсутствием масштабных промышленных проектов, самостоятельности производителей в реализации готовой продукции и производственном снабжении. Основными единицами системы мест заключения были относительно мелкие пенитенциарные учреждения, в своём большинстве находившиеся на балансе региональных исполкомов, и не требовавшие централизованной системы производственного снабжения и сбыта своей продукции. Единственная крупная структура с полностью центра-

лизованным управлением (в том числе и производственной деятельностью) имелась в ведении ОГПУ – Управление Соловецких лагерей, в которых среднегодовая численность заключенных за 1928/29 год составила 21 900 чел.

В условиях же форсированного развития в числе прочего требовалась концентрация трудовых ресурсов на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов. В этих целях в середине – конце 1929 г. был создан ряд пенитенциарных учреждений, находившихся в ведении ОГПУ и призванных осуществить освоение подведомственных им районов в заданном ключе. В их числе был образованный 11.07.1929 Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь (Дальлаг) с дислокацией управления в г. Хабаровске и районом деятельности, охватывавшим территории вдоль Транссиба от Владивостока до Благовещенска и Комсомольска. В Дальлаге вплоть до конца 1932 г. содержалось 9 – 12 тыс. заключенных [21].

В целях форсирования золотодобычи и создания сопровождающей её инфраструктуры (в первую очередь транспортной) в Верхнеколымском районе 13.11.31 был создан Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы («Дальстрой»), управление которого базировалось на берегу б. Нагаево [21]. Руководителем Дальстроя с 14.11.31 по 29.11.37 был Э.П. Берзин. Первоначальная территория деятельности треста (1932 – 1935 гг.) составляла около 400 – 450 тыс. км² (территория Швеции), затем неуклонно росла [22]. Трест был наделён правами самостоятельного административно-территориального образования, входящего в ДВК, и осуществлял административное руководство Ольским, Среднеканским и Северо-Эвенским районами [23, 124]. Основной рабочей силой, осуществлявшей освоение дикого района, были заключенные. Ещё 01.04.32 для организации масс заключенных, которые должны были работать на «Дальстрой», решением ОГПУ СССР был образован Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь ОГПУ (СВИТЛ) [22]. В этом же году, когда развернулись старательские работы, на Колыму начали прибывать первые партии заключенных.

Вдоль Транссибирской магистрали и к северу от нее на общем расстоянии более 2000 км простирался созданный в декабре 1932 г. Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь (Бамлаг). Первым начальником строительства на БАМе являлся С.В. Мрачковский – старый большевик, в недавнем прошлом один из лидеров троцкистской оппозиции. К сентябрю 1933 г. руководство во главе с С.В. Мрачковским было арестовано и осуждено в связи с «делом контрреволюционной троцкистской группы И.Н. Смирнова». Новый начальствующий состав возглавил Н.А. Френкель.

Численность заключенных в лагерях Дальнего Востока возросла с 25 500 чел. (по состоянию на 01.01.33) до 310 387 чел. (на 01.01.37), что составило 38 % общей численности населения ИТЛ ГУЛАГа (против 7,6 % на декабрь 1932 г.). Количество заключенных Бамлага стало равняться 127 483 чел., Дальлага – 112 490, СВИТЛ – 70 414 [подсчитано автором по: 21].

Приведённая статистика позволяет сделать вывод о том, что в течение 1933 – 1936 гг. количество заключённых на Дальнем Востоке стремительно росло (в наибольшей мере – в рамках Бамлага) как в абсолютном выражении, так и относительно общей численности ГУЛАГа, что обеспечило местным ИТЛ одно из ключевых мест в пенитенциарной системе СССР. Высокий статус УНКВД по ДВК был зафиксирован 26.11.35, когда его руководителю Т.Д. Дерибасу в числе шести высокопоставленных сотрудников НКВД было присвоено звание комиссара государственной безопасности 1-го ранга [24, 16]. К 1937 г. численность заключенных дальневосточных лагерей составила 12,5 % от населения ДВК [подсчитано автором по: 13, 41; 21], что отражало значительный вес заключённых в демографической картине региона, и, соответственно, должно было означать высокую роль лагерной инфраструктуры в хозяйственной жизни дальневосточной провинции.

Это прямым образом подтверждается деятельностью вышеперечисленных лагерей, в

частности попыткой реализовать грандиозный проект – строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ). По первоначальному замыслу её предстояло проложить от Тайшета до Совгавани через огромные безжизненные пространства тайги, болот и горных хребтов, и – в отличие от Транссиба – на большом удалении от внешних границ государства. Основные работы были возложены на Бамлаг.

Так, уже за первые полгода на строительство БАМа было переброшено свыше 30 тысяч заключенных для возведения 175-километрового участка дороги, соединяющего Транссиб с поселком Тында (Тахтамыгда – Тында, Амурская область). Во второй половине 1933 г. основную часть заключенных направили на строительство вторых путей Транссиба (тем самым свернув основные работы по постройке БАМа) на огромном расстоянии – от ст. Карымская в районе Читы до Хабаровска (2228 км. [19, 80]). На всем протяжении этого пути были создана лагерная инфраструктура. К 1936 г. деятельность Бамлага приобрела многопрофильный характер: он осуществлял лесозаготовки, жилищное и железнодорожное строительство, кирпичное и сельскохозяйственное производство [26]. В феврале этого же года началось строительство вторых путей Транссиба на участке Хабаровск – Ворошилов (657 км) [19, 80, 82].

В рамках программы по строительству БАМа 21.03.32 было принято решение о постройке автомобильно-гужевого тракта от ст. Волочаевка до с. Пермское-на-Амуре. В апреле 1933 г. данное строительство было поручено Дальлагу, начальником строительства был назначен лично глава ОГПУ по ДВК Т.Д. Дерibas. Зимой 1933/34 г. на линии работали 11 тыс. чел., летом 1934 г. – 20 тыс., из них вольнонаёмных – 2,5 тыс., остальные – заключённые. Работы были завершены в ноябре – декабре 1934 г. Протяженность дороги составила 353,5 км [27, 57-58].

В сфере дорожного строительства Дальлаг осуществлял постройку железнодорожных путей: Биробиджан – Блюхерово (130 км, 1936 – 1939 гг.), Букачача – Пашенная (82 км, Забайкальская ж/д), Диомиди – Богучаны – Пашенная. Другими видами деятельности Дальлага являлись добыча каменного угля на основных рудниках ДВК – Сучане, Артёме, Райчихе, добыча золота на о. Аскольд, лесозаготовки, строительство вододержательных сооружений на р. Седанке для водоснабжения Владивостока (Седанстрой), цементных заводов в районе Хабаровска, кирпичного завода в Хабаровске, спецточек Наркомсвязи (цепь крупных радиостанций), машиностроительных заводов в Комсомольске. Кроме этого Дальлагом производились погрузочные работы на Уссурийской железной дороге и в мастерских Владивостока и Хабаровска, дноуглубительные работы на р. Амур [21].

Центральным направлением деятельности «Дальстроя», ориентированного на золотодобычу, являлось вплоть до 1936 г. создание транспортных коммуникаций, связывавших золотые прииски с транзитными пунктами на морском побережье. Уже в декабре 1933 г. бухта Нагаево стала использоваться для обслуживания прибывающих пароходов. В июне 1936 г. порт Нагаево был включен в списки портов СССР. В 2,5 км от бухты постепенно рос поселок Магадан, ставший административным центром территории деятельности «Дальстроя» [22] с 1939 г. [21]. В 1930-е гг. основной пересыльный лагерь, где происходила перегрузка грузов и заключенных из эшелонов на пароходы, следовавшие в Магадан, располагался в порту Владивостока [28, 422]. В 1935 г. Дальстрой обзавелся собственным морским флотом, закупив в Голландии три крупнотоннажных морских судна, позже в Англии было приобретено ещё одно судно. В итоге тоннаж флота составил более 42 000 брутто-тонн [29].

Но гораздо более масштабная деятельность развернулась в сфере материкового дорожного строительства, куда направлялась подавляющая часть капиталовложений по «Дальстрою». К октябрю 1933 г. протяженность трассы составила 182 км, в 1935 г. она достигла р. Колымы, связав основной золотоносный район с морем [22] и составив 600 км [30]. В связи с этим с 1936 г. основные вложения направлялись в горнодобывающую отрасль, что автоматически отразилось на объёмах золотодобычи. Так, в 1932 г. трестом было добыто 511 кг хи-

мически чистого золота, в 1933 г. – 791, 1934 г. – 5 515, 1935 г. – 14 458, 1936 г. – 33 360, 1937 г. – 54 635 [31]. Принудительный труд был одним из факторов рентабельности золотодобычи, продукт которой являлся предметом экспорта на мировой рынок и тем самым способствовал модернизации страны, которая нуждалась во внешних источниках финансирования [22].

Таким образом, вклад лагерной инфраструктуры в экономическое освоение края был крайне высоким: благодаря труду заключенных осуществлялось строительство практически всех промышленных и транспортных объектов, но в определяющей мере их стараниями производилась добыча наиболее важного колымского золота и прокладка основных транспортных коммуникаций региона.

Развёртывание оборонного, транспортного и промышленного строительства в ДВК, рост численности вооруженных сил и заключенных ИТЛ резко увеличили в регионе процент населения (в том числе лагерного), не занятого в сельском хозяйстве. Об этом косвенно свидетельствует соотношение городского и сельского населения.

По сравнению с 1926 г. городское население ДВК на 06.01.37 возросло на 224,8 %, составив 1 104 130 чел [12, 49; 13, 68]. В итоге соотношение городского и сельского населения стало составлять соответственно 44,5 % (против 26,7 в 1926 г. [подсчитано автором по: 12, 49; 13, 40, 68]) и 55,5% [подсчитано автором по: 12, 49; 13, 41], что существенно превысило средний процент урбанизации РСФСР, равнявшийся 33,1 [подсчитано автором по: 12, 49]. Эта статистика, разумеется, свидетельствует об относительном сокращении населения, занятого в сельском хозяйстве, при его абсолютном росте.

В итоге в ДВК в 1932 – 1936 гг. была нарушена симметрия сельскохозяйственного производства и продовольственного потребления. Так, если до начала второй пятилетки аграрная Уссурийская область имела хлебные излишки, то в 1933 г. в связи с ростом армии стала испытывать продовольственный дефицит, который в основном покрывался за счёт ввоза продуктов из других районов страны [32, 27]. Кроме завоза продуктов питания в целях покрытия продовольственного дефицита в регионе широкое распространение получили ведомственные сельскохозяйственные предприятия. 16.03.32 на Дальнем Востоке по инициативе В.К. Блюхера был сформирован Особый колхозный корпус [14, 39] общей численностью 60 тыс. чел. (командир – М.В. Калмыков, комиссар – И.А. Свинкин), в задачу которого в числе прочего было поставлено обеспечить ОКДВА продовольствием, развернув сельскохозяйственное производство и, тем самым, сократив ввоз хлеба и мяса из Сибири. Им были освоены плодородные земли Приханкайской низменности, Приамурья и Забайкалья. К концу 1935 г. хозяйства корпуса стали рентабельными [4, 110]. Особому железнодорожному корпусу НКПС был выделен участок территории у м. Ахлестышева на Русском острове в целях организации собственного рыболовного промысла [5, 100]. Широко применялось создание колхозов за счёт красноармейцев, демобилизованных из ОКДВА и других военных округов («красноармейские колхозы») [4, 110]. Зачастую к сельскохозяйственным работам привлекались воинские части [4, 112], несмотря на протесты наркома обороны К.Е. Ворошилова [9, Т. 3, 35-36]. Параллельно с решением продовольственных задач, особый колхозный корпус и красноармейские колхозы, дислоцируясь в приграничной зоне, способствовали укреплению обороноспособности Дальнего Востока [9, Т. 3, 36]. Аналогичная деятельность была свойственна лагерям. Так, Дальлаг осуществлял лов и переработку рыбы, сельскохозяйственное производство [21]. Но расширение местной продовольственной базы так и не смогло компенсировать рост на Дальнем Востоке населения, не занятого в сельском хозяйстве. Поэтому в первую очередь приходилось рассчитывать на дотации из других регионов страны. Например, Дальстрой и Бамлаг главным образом снабжались Сиблагом, который с 1933 г. приобрел сельскохозяйственный профиль [26]. В итоге зависимость ДВК от внешних источников продовольствия так и не была ликвидирована [см., например: 9, Т. 3, 121-122, 775]. Это обстоятельство, в случае сбоя в продуктовом снабжении региона, грозило обернуться продо-

вольственной катастрофой.

Таким образом, вплоть до 1932 г. Дальний Восток находился на задворках промышленной и военной модернизации. В хозяйственном плане регион, ограниченный низким уровнем индустриального развития, продолжал иметь экспортную специализацию. В условиях японской военной экспансии в Китае 1931 – 1932 гг. созрела необходимость принятия мер, направленных на организацию защиты советской территории от возможного нападения Квантунской армии. Эта задача была решена в ходе полномасштабного фортификационного строительства, развития транспортной инфраструктуры военного назначения, форсированного создания и развития ТОФа, увеличения состава ОКДВА. В итоге резко выросла боеготовность советских вооруженных формирований на Дальнем Востоке, что вынудило Японию изменить планы нападения на СССР. Параллельно военной модернизации в ДВК развернулось промышленное строительство (преимущественно военного назначения), началось форсированное расширение сети транспортных коммуникаций, масштабное освоение ранее необжитых территорий, в том числе золотonosных районов северо-востока. Основным условием осуществления реконструкции края являлось резкое увеличение трудовых ресурсов. Данная задача решалась путем переселения на Дальний Восток демобилизованных красноармейцев, мобилизации комсомольцев на ударные стройки края, перемещения спецпереселенцев, развертывания специализированных на строительстве армейских формирований. Но ведущая роль при осуществлении миграционной политики принадлежала созданию сети исправительно-трудовых лагерей, использовавших труд заключенных. В результате военной и промышленной модернизации ДВК, резкого увеличения военного присутствия в регионе в 1932 – 1936 гг. значительно вырос удельный вес населения, не занятого в сельском хозяйстве. В итоге была нарушена симметрия сельскохозяйственного производства и продовольственного потребления, что обусловило зависимость ДВК от внешних источников продовольствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индустриализация СССР: 1929 – 1932 гг. Документы и материалы / сост. З.К. Звездин (отв. сост.), М.Ф. Залогова, М.И. Кулькова, С.Р. Левина, О.М. Слоним, Н.М. Хвостенкова. – М. : Наука, 1970. – С. 145.
2. Бурилова, В. С. Особенности территориально-промышленного комплекса Приморья (1920-е гг.) / В.С. Бурилова // Россия и АТР. – 2007. – № 1. – С. 40-43.
3. XVII конференция ВКП (б). 30 января – 4 февраля 1932 г. : стенограф. отчет. – М. : Партиздат, 1932.
4. Краснознаменный Дальневосточный: История Краснознаменного Дальневосточного военного округа. – 3-е изд., испр., доп. – М. : Воениздат, 1985. – 348 с.
5. Калинин, В. И. Сталь и бетон против Микадо: Береговая оборона и укрепленные районы сухопутной границы на Дальнем Востоке СССР (1932–1945 гг.) / В.И. Калинин, С.А. Воробьев // Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Вып. 2. – Владивосток : Дальнаука, 2005. – С. 76-167.
6. Горбунов, Е. А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке / Е.А. Горбунов. – М. : Вече, 2002. – URL: http://militera.lib.ru/research/gorbunov_ea/index.html.
7. Кузьяк, А. Г. Железобетонные сооружения укрепленных районов СССР на территории Украины. 1928 – 1936 гг. / А.Г. Кузьяк, В.В. Каминский // Крепость Россия: Историко-фортификационный сборник. Вып. 2. – Владивосток : Дальнаука, 2005. – С. 6-75.
8. Комсомольск-на-Амуре – город мужества, труда и героизма. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1982. – 376 с.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 : документы и материалы : в 5 т. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999 – 2006.
10. Старостенков, Н. В. Железнодорожные войска России. Кн. 2. От первой мировой до Великой Отечественной: 1917–1941. / Н. В. Старостенков. – М. : «Стэха», 2001. – 496 с.
11. Краснознаменный Тихоокеанский флот / С.Е. Захаров, В.Н. Багров, С.С. Бевз, М.Н. Захаров, М.П. Ко-тухов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Воениздат, 1973. – 320 с.

12. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
13. Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М. : Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 280 с.
14. Ротмистров, П. А. Стальная гвардия / П. А. Ротмистров. – М. : Воениздат, 1984. – 272 с.
15. Плохих, С.В. История Дальнего Востока России / С.В. Плохих, З.А. Ковалева. – Владивосток, 2002.
16. Амурские корабли / ред. М.П. Белов. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1970. – 520 с.
17. ГАХК. Ф. 2. Оп. 1.
18. История Бурейского района. – URL: <http://www.burejaamur.ru>.
19. Дальневосточная магистраль России / сост. В.Ф. Буркова, В.Ф. Зуев. – Хабаровск : Частная коллекция, 1997. – 352 с.
20. XVII съезд ВКП(б). Утреннее заседание 06.02.34 г. (№21), выступление Л.М. Кагановича – URL: http://hronos.km.ru/vkpb_17/21_1.html.
21. Система исправительно-трудовых лагерей. – URL: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG>. – см.: «Дальлаг», «Бамлаг», «Дальстрой».
22. Широков, А. И. История формирования и деятельности «Дальстроя» в 1931 – 1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Широков. – Томск : ТГУ, 1996. – URL: <http://www.memorial.krsk.ru>.
23. Бацаева, Л.Г. Из истории первых выборов на северо-востоке России / Л.Г. Бацаева // Азиатско-тихоокеанский регион. Экономика, политика, право. – 2007. – № 1. – С. 113-126.
24. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1960 : справочник / сост., введ. и прим. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова ; науч. ред. Р.Г. Пихоя. – М. : Издание МФД, 1997. – 352 с.
25. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Общие итоги : сб. докум. и мат. / сост. : В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 320 с.
26. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928 – 1941 / С. А. Папков. – URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1997Papkov/03.htm>.
27. Энциклопедия. Комсомольск-на-Амуре. Север Хабаровского края, Восточный БАМ, Нижнеамурье / ред.-сост. : Б.Д. Дроздов, А.С. Семенов ; отв. за выпуск А.С. Семенов. – Комсомольск-на-Амуре : ООО «Амурская волна», 2004. – 432 с.
28. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 – 1960 / под ред. акад. А.Н. Яковлева ; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М. : ООО «Материк», 2000.
29. Ларьков, С. Законвоированные зимовщики (виновник трагедии «Челюскина» – ГУЛАГ?) / С. Ларьков, Ф. Романенко // 30 октября. – 2004. – № 47.
30. Пилясов, А. Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация / А.Н. Пилясов // Колыма. – 1993. – №№8, 9 – 10, 11. – URL: <http://www.kolyma.ru/magadan>.
31. Энциклопедия Дальнего Востока. – URL: <http://edv.clubdv.ru>. – См. «Дальстрой».
32. Проскурина, Л. И. Октябрьская революция и её влияние на деревню российского Дальнего Востока / Л.И. Проскурина // Россия и АТР. – 2008. – № 3. – С. 22-30.

Бурбыгина В. В.
V.V.Burbygina

**КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЙКИДО В СИСТЕМЕ
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ**

**THE CULTURAL AND EDUCATIONAL POTENTIAL OF AIKIDO SPORTS IN THE
SYSTEM OF PHYSICAL TRAINING OF UNIVERSITY STUDENTS**

Бурбыгина Валерия Валерьевна – аспирант Дальневосточной академии физической культуры, старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681017, Комсомольск-на-Амуре, Аллея Труда, д. 66, кв. 17; (4217) 578241. E-mail: burbygina-vvv@mail.ru

Ms. Valeria V. Burbygina – PhD Candidate, the Far East State Academy of Physical Training, Senior Lecturer at the Department of Physical Training and Sports, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 681017 Komsomolsk-on-Amur, 66-17 Truda Alley. Phone: + 7 (4217) 578241; burbygina-vvv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурно-воспитательного потенциала боевого искусства айкидо в системе физического воспитания студенческой молодежи. Раскрыты особенности айкидо как системы физического воспитания, показано влияние занятий на формирования физических и личностных качеств студентов.

Summary: The article deals with the study of cultural and educational potential of such martial art as aikido in the system of students' physical training. It depicts aikido features as a physical training system, shows the influence of aikido training on the formation of physical and personal qualities of students.

Ключевые слова: студенческая молодежь, психофизическое состояние, тренировочный процесс, айкидо.

Key-words: students, psycho-physical condition, training process, aikido.

УДК 796.01; 796.015

В современном мире компьютеризация производственных процессов, стремление к созданию комфортных условий в быту и на производстве изменяют характер двигательной активности человека на фоне значительного психоэмоционального напряжения организма, что ведет к ухудшению состояния здоровья. Наиболее тревожным фактом является снижение показателей состояния здоровья студенческой молодежи.

Как показывают результаты исследований, отмечается рост количества студентов, имеющих серьезные отклонения в состоянии здоровья, физического развития и физической подготовленности в различных регионах РФ. Кроме того, обучение в вузе характеризуется хроническим эмоциональным и интеллектуальным напряжением на фоне дефицита двигательной активности. В связи с этим процесс адаптации студентов к обучению в вузе протекает медленно и нередко болезненно, вызывая нервно-психические срывы и разнообразные расстройства сердечно-сосудистой системы [1; 2].

Для студента состояние здоровья – это показатель его общекультурного уровня, удовлетворение физических и духовных потребностей в учебе, в быту, в отдыхе, в представлении о своем будущем, реализации себя как специалиста в условиях жесткой конкуренции на рынке труда. Крепкое здоровье, физическое развитие и подготовленность способствуют раз-

виту таких качеств, как память, внимание, наблюдательность, умственная и физическая работоспособность, что необходимо студентам как в период обучения, так и в будущей профессиональной деятельности.

Очевидно, что физическая культура студентов является одним из важных видов культуры современного общества и культуры личности в частности, поскольку всестороннего и универсального развития молодого человека за ее пределами осуществить невозможно [2].

Однако традиционные средства физической культуры все менее вызывают интерес у студентов. Современная система физического воспитания, детерминированная задачами прикладной физической подготовки в ущерб комплексному подходу к реализации всех ценностей физической культуры, не обеспечивает адаптацию молодежи к трудным условиям жизнедеятельности. Поэтому необходим поиск нетрадиционных средств и методов, с помощью которых можно сформировать необходимые психофизические качества молодежи.

Студенческий возраст определяется как центральный период формирования личности в целом, характеризуется наивысшей социальной активностью и достаточно гармоничным сочетанием интеллектуальной и физической зрелости. Поскольку возраст, в котором пребывает студент, характеризуется мировоззренческим и профессиональным развитием, необходимо, чтобы в процессе формирования преобладал мотив, направленный на физкультурно-спортивную деятельность.

Между тем известно, что существует тесная связь между проявлением активности личности и уровнем физкультурно-спортивной деятельности студентов. Молодые люди, регулярно занимающиеся физической культурой и спортом, серьезнее относятся к учебе, более дисциплинированы, большинство из них активнее других участвуют в жизни вузовского коллектива [1].

Наибольшей популярностью среди студентов пользуются шейпинг, комплексы физических упражнений из восточных систем тайцзи-цюань, йоги и боевых искусств. Отечественная школа физического воспитания имеет богатый опыт. В то же время не меньшими, а иногда и большими знаниями и методами их реализации обладают зарубежные системы. Поэтому естественный процесс их взаимодополнения расширяет возможности в достижении оздоровительного эффекта, развития физических и личностных качеств. Однако при этом важно не прямое заимствование зарубежных национальных систем физических упражнений, а их адаптация к отечественному менталитету и исторически сложившейся отечественной системе физического воспитания [3; 5].

Мы, в свою очередь, предлагаем использование нетрадиционного средства физической культуры – боевого искусства айкидо, которое обладает значительным мотивационным и техническим потенциалом.

Однако, научные исследования, связанные с этим видом боевого искусства, проводятся недостаточно, и носят в основном описательный характер, что является серьезным препятствием в развитии айкидо.

В своем исследовании мы можем охарактеризовать айкидо как нетрадиционную систему физического воспитания, опираясь на следующие положения:

1. Нетрадиционная система – это что-то необычное, новое, ранее не применявшееся или используемое в узком кругу.
2. Айкидо – сравнительно новый вид единоборства в нашей стране, имеющий специфические особенности.
3. Айкидо содержит традиции и опыт японских специалистов, которые не характерны для физического воспитания в нашей стране.

Бурбыгина В. В.

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЙКИДО В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

Мы можем сказать, что цель как традиционных, так и нетрадиционных систем физических упражнений состоит в целенаправленном улучшении физических, психических качеств человека, свойств личности, что так необходимо современной молодежи.

Как часть физического воспитания человечества айкидо состоит в направленной «гармонизации» всей жизнедеятельности человека: в природе, культуре и обществе, включая глубинные уровни психической жизни и физического совершенствования. Фундаментальная для Востока категория «гармонии» обнаруживает тесную связь с той необыкновенной приспособляемостью боевых искусств к изменчивой действительности, которая наиболее наглядно проявляется в наше время. Та способность к быстрому восстановлению физического и психического равновесия, которой обладают практикующие айкидо, по существу, характеризует и традицию в целом [8].

Айкидо, как система физического воспитания, предполагает:

- разнообразие тренировочных возможностей, которые формируют и одновременно требуют активного применения как физических, так и умственных способностей. Благодаря этому занятия могут усложняться до бесконечности, и при этом никогда не возникает пресыщения или чувства, будто все, что возможно, уже изучено, при этом происходит формирование психофизических качеств высокого уровня;
- сохранение не только собственного благополучия, но и благополучия партнера, установление психологической, физической гармонии;
- развитие умения справляться с социальными и психологическими атаками любых форм;
- выработку навыков самозащиты; айкидо должно быть искусством оборонительным, насколько это возможно;
- связь с определенной философией, в которой понятие внутренней энергии «ки» является основным;
- оздоровление.

Айкидо, как и другие классические виды восточных единоборств (каратэ, дзюдо, ушу, тээквондо и др.), основано на определенном философском и морально-эстетическом учении, что позволяет осуществлять не только физическое, но и нравственное, психологическое, духовное совершенствование занимающихся.

Данное положение перекликается с идеями П.Ф. Лесгафта, который рассматривал цель физического воспитания в развитии личности человека, а физические упражнения как средство не только физического, но и интеллектуального, нравственного и эстетического развития [7].

В настоящее время существует ряд научных исследований, посвященных оздоровительным возможностям восточных единоборств, их положительному влиянию на физическое и духовное совершенствование, что в равной мере можно отнести и к айкидо [8; 3].

Айкидо может иметь оздоровительную, спортивную или боевую направленность – это зависит от целей, которые ставит перед собой спортсмен и инструктор.

В процессе занятий у спортсменов воспитываются такие качества, как смелость и решительность, терпеливость, настойчивость и индивидуальность, являющиеся необходимыми для современного человека.

Немаловажным считается уравновешенность. Если партнер по занятиям проявляет силу, то необходимо реагировать на нее мягкостью. Выполнение многих технических действий в айкидо связано с определенным риском и проявлением смелости для достижения успеха [3; 4; 6].

Психологические черты личности развиваются и изменяются в процессе всей жизнедеятельности. В процессе занятий айкидо развиваются такие важные в жизни и труде волевые черты личности, как настойчивость и упорство. Они выражаются в том, что человек длительно и разнообразно направляет свои усилия на достижение сознательно поставленной цели.

Занятия айкидо требуют от спортсменов сознательного исполнения указаний, команд, распоряжений инструктора, сознательной дисциплины, большой инициативы и самостоятельности в принятии решений [2].

Помимо этого, практика айкидо направлена на снижение, устранение и трансформацию нервных стрессов, чему способствуют сферичность действий и мягкое, но мощное высвобождение силы. Сферические движения айкидо способствуют исправлению осанки, помогают улучшить кровообращение, дают нагрузку мышцам, которые обычно не используются. Так, передвижения на коленях задействуют пальцы ног, что очень полезно современному человеку, носящему обувь. Техники удержаний развивают эластичность внутренних мышц и подвижность суставов. Главный результат состоит в высокой степени согласованности движений тела – необходимы текучие, гибкие и функциональные действия, свободные от жесткости в какой-либо форме, как физической, так и умственной.

При этом все упражнения должны преподавать спортсменам тренировку преодоления психологических и физических барьеров, помогать дышать согласованно с движениями, что позволяет расслабиться и одновременно сконцентрироваться, давать ощущение бодрости и гармонии с окружающим миром [8].

Кроме того, как и все боевые искусства, айкидо требует развития и культивирования определенных способностей и навыков: быстроты, ловкости, гибкости, подвижности, координации движений, выносливости, наблюдательности. Главными критериями успешности в занятиях являются: физически крепкое тело, боевой навык, сильный дух и развитие нравственных и моральных принципов, принятых в обществе.

В отличие от других видов единоборств, атмосфера в тренировочном зале должна быть скорее «мягкой», чем «строгой». В зале формируется осознанная дисциплина, которая должна нацеливать на готовность к кропотливой и целеустремленной работе. Тренировочный процесс должен быть наполнен душевным спокойствием, доброжелательностью, избавлен от элементов агрессии и ненависти. [6 – 8].

В связи с тем, что занятия айкидо имеют свои особенности, то есть предусматривают непосредственное физическое взаимодействие с партнером, связанное с выполнением технических действий, возникает вопрос о его влиянии на такое личностное свойство, как агрессивность.

Ю.В. Краев (1999) в своем исследовании делает вывод о том, что в целом спортсмены не отличаются по уровню агрессивности от тех, кто не занимается спортом. Но спортсмены, в отличие от молодых людей, не занимающихся спортом, имеют навыки конструктивного использования агрессивности, причем с повышением уровня спортивного мастерства совершеннее становятся психологические механизмы регулирования агрессивного поведения [4].

Айкидо является моделью взаимодействия с противником, цель которой погасить любой удар. Негативной силе не противопоставляется агрессивность, вместо этого она контролируется и перенаправляется с помощью силы равновесия и движения духа [6].

Идейная основа техники айкидо заключается в минимальном нанесении вреда агрессору, а в психологическом контексте – в разрешении конфликтной ситуации с минимальными потерями для обеих сторон. «Айкидо позволяет распознать и разрядить любую конфликтную ситуацию в самом ее зародыше и дает возможность управлять действиями напа-

Бурбыгина В. В.

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЙКИДО В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

дающего либо не владеющего собой партнера даже еще до физического или духовного столкновения с ним» [3, 15]. Поэтому правильное истолкование и донесение идейно-смысловой сущности техники айкидо до сознания студенческой молодежи – серьезный воспитательный потенциал в контексте гуманистической направленности современного физического воспитания.

Следовательно, для успешного обучения в боевых искусствах следует обратить внимание на ценностные ориентиры, нравственные установки, на основе которых воспитывается студенческая молодежь и чему активно способствуют занятия айкидо.

Обобщая вышесказанное, наиболее значимыми для нашего исследования являются положения:

- молодежь проявляет особый интерес к нетрадиционным системам физического воспитания, к которым можно отнести айкидо;

- занятия айкидо способствуют развитию физических, психических качеств; позволяют осуществлять нравственное, психологическое, духовное совершенствование занимающихся; оказывают оздоровительное влияние, что является актуальным для современной молодежи.

Таким образом, занятия айкидо, на наш взгляд, являются эффективным механизмом всестороннего развития студенческой молодежи, гармоничного воспитания физического, ментального и духовного начал в человеке. Овладевая принципами айкидо на тренировочных занятиях, которые предполагают экономные и эффективные движения, основанные на согласовании разума, дыхания и движений тела, студенты используют эти правила в различных областях своей деятельности. В связи с этим айкидо преподается на факультативных занятиях в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете, что способствует гармоничному развитию студенческой молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич, В. К. Спортивно-ориентированное физическое воспитание: образовательный и социальный аспекты / В. К. Бальсевич, Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 5. – С. 2-8.
2. Виленский, М. Я. Студент как субъект физической культуры / М. Я. Виленский // Теория и практика физической культуры. – 1999. – № 10 – С. 2-5.
3. Бранд, Р. Айкидо. Учение и техника гармоничного развития / Р. Брандт ; пер. с нем. – М. : Двойная звезда, 1994. – 320 с.
4. Краев, Ю. В. Влияние особенностей вида спорта на проявление агрессии и агрессивности у спортсменов : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ю. В. Краев. – СПб, 1999. – 22 с.
5. Менхин, Ю. В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика / Ю. В. Менхин, А. В. Менхин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 384 с.
6. Мицуги, С. Айкидо и гармония в природе / С. Мицуги ; пер. с англ. Н. Шпет. – Киев : София, 1998. – 303 с.
7. Панцова, Л. В. Нетрадиционные физические упражнения в системе физического воспитания в высшей школе / Л. В. Панцова // Физическая культура и личность : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. 28-29 октября 2004 г. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 114–117.
8. Фомин, В. Диалог о боевых искусствах востока / В. Фомин, И. Линдер, – М. : Молодая гвардия, 1990. – 366 с.

Долотов Б.И., Бердоносков В.Д., Долотова М.Б.
V.I.Dolotov, V.D.Berdonosov, M.B.Dolotova

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

DEVELOPMENT OF CREATIVE IMAGENATION IN UNIVERSITY STUDENTS

Долотов Борис Иванович – кандидат технических наук, доцент, профессор Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, E-mail: ktsp@knastu.ru.

Mr.Boris I. Dolotov – PhD in Engineering, Professor at the Department of Welding Engineering Technology, Komsomolskon-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ktsp@knastu.ru.

Бердоносков Виктор Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент, профессор Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ktriz@knastu.ru.

Mr.Victor D. Berdonosov – PhD in Engineering, Professor at the Department of Information Systems, Komsomolskon-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: ktriz@knastu.ru.

Долотова Марина Борисовна – аспирантка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: MarinaD83@list.ru.

Ms.Marina B. Dolotova – PhD candidate, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: MarinaD83@list.ru.

Аннотация. Приводятся результаты тестирования репрезентативной группы студентов на уровень интеллекта (IQ) до и после изучения курса «Развитие творческого воображения». Показывается, что уровень интеллекта повышается в среднем на 10 баллов (около 8 %). Обосновывается необходимость проведения исследований в этом же направлении.

Summary: The paper presents the results of IQ tests on a representative group of students before and after doing the course titled "Development of Creative Imagination". It is shown that the level of intelligence is increased by 10 points at an average (about 8%). It is demonstrated that such studies should continued.

Ключевые слова; творчество, мышление, воображение, коэффициент интеллекта, тест.

Key-words: creativity, thinking, imagination, IQ, test.

УДК 159.95

Вопрос о творчестве, о значении творческой работы для общего развития личности – безусловно, самый важный вопрос психологии и педагогики. Интерес к этой проблеме не угасает, напротив, все больше растет. Современная эпоха создала потребность в новом типе личности, способной самостоятельно принимать решения, осознанно осуществлять свой выбор, умеющей гибко реагировать на изменения обстоятельств и самой творить новые обстоятельства. Этим потребностям удовлетворяют качества личности, которые психология определяет как «творческие». У тех людей, которые не прошли специального обучения по технике решения творческих задач, умение генерировать нестандартные идеи зависит главным образом от их воображения.

Воображение – это способность человека представить себе объекты и процессы, не воспринимаемые им в данный момент или не существующие в личном опыте данного человека или вообще в действительности. Воображение является процессом преобразующего отражения действительности, при котором в результате анализа исходного материала происходит перегруппировка информации и синтез мысленных моделей объектов и процессов.

В Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете (КнАГТУ) дисциплина «Развитие творческого воображения» (РТВ) преподаётся на четырёх факультетах и является начальной в цикле дисциплин, направленных на развитие творческого мышления.

Для количественной оценки эффективности преподавания дисциплины «Развитие творческого воображения» были проведены исследования с использованием стандартных тестов на определение IQ – коэффициента интеллекта [1], разработанных Айзенком (прецедент: использование тестов IQ для сравнительной оценки интеллекта педагогами-новаторами супругами Никитиными [3]).

Тестирование студентов первого, второго и четвёртого курсов КнАГТУ проводилось в два этапа – до чтения курса РТВ и после его изучения в общей сложности от 34 до 51 ч.

На рис. 1 представлены результаты тестирования (массив исследования – 145 студентов 1-го, 2-го и 4-го курсов) до начала изучения курса РТВ. Как следует из представленных данных, распределение IQ стремится к нормальному. Седловина в районе 110-115 баллов трудно объяснима.

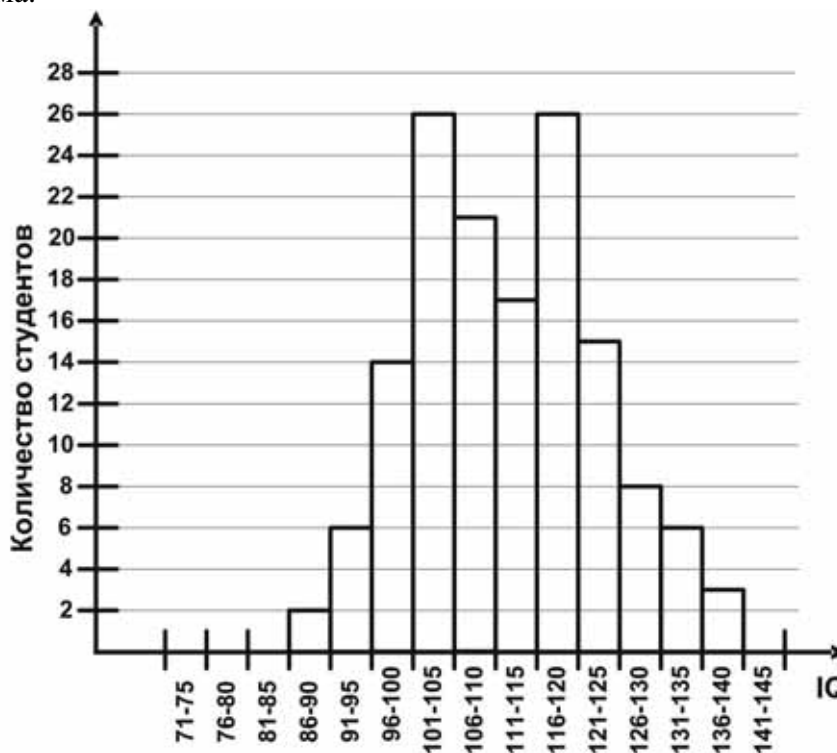

Рис. 1. Распределение коэффициента интеллекта (IQ) при первом тестировании студентов 1-го, 2-го и 4-го курсов КнАГТУ

Аналогичное распределение было получено Г. Айзенком при тестировании студентов (рис. 2 [2]). В то же время распределение показателей IQ для преподавателей Кембриджского университета приближается к нормальному (рис. 3).

Повторное тестирование по другому тесту проводилось после завершения курса РТВ. Было установлено, что изучение самых простых методик, направленных на организацию мышления, даёт неплохие и довольно стабильные результаты. На рис. 4 представлена картина изменения IQ после повторного тестирования тех же студентов 1-го, 2-го и 4-го курсов

КНАГТУ. Наблюдается увеличение показателей IQ при среднем значении 10 баллов. Это – очень хороший результат.

Рис. 2. Показатели коэффициента интеллекта, полученные для 80 студентов-медиков Кембриджского университета [2]

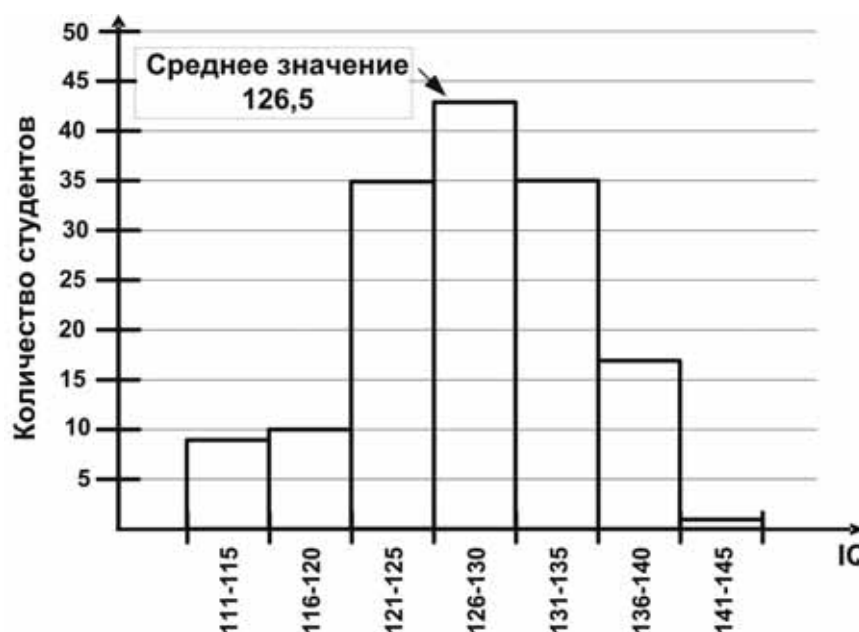

Рис. 3. Показатели коэффициента интеллекта, полученные для 148 преподавателей различных факультетов Кембриджского университета

Интересно и важно отметить, что распределение прироста IQ, как и ожидалось, приближается к нормальному, что характерно для вероятностных систем. В таблице представлены результаты тестирования для отдельных групп студентов КНАГТУ (см. рис. 1, 4).

Проведённые исследования показали, что изучение студентами специальных дисциплин никак не влияет на показатель IQ. Тот же самый вывод можно сделать и по результатам тестирования Г. Айзенка: разница между коэффициентом интеллекта преподавателей (см. рис. 3) и студентов (см. рис. 2) очень незначительна.

Увеличение объёма дисциплины РТВ с 34 до 51 ч несколько увеличивает результаты при повторном тестировании. Для более точного вывода необходимо продолжить исследования на большем массиве студентов

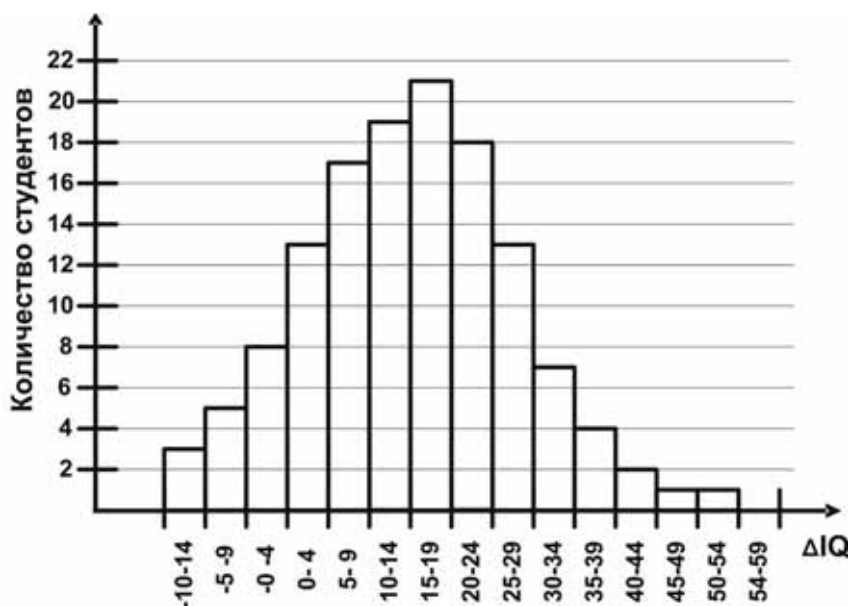

Рис. 4. Кривая увеличения коэффициента интеллекта у студентов 1-го, 2-го и 4-го курсов КнАГТУ после изучения курса РТВ

Результаты тестирования по группам студентов

Группы	Количество студентов	Результаты тестирования, средний балл		Увеличение среднего балла	Курс
		1-й тест	2-й тест		
1	18	118,50	115,38	- 3,12	2
2	19	102,63	118,58	15,94	2
3	20	110,10	122,80	12,70	2
4	5	108,60	124,25	15,69	2
5	4	107,25	112,90	5,29	2
6	9	116,11	125,22	9,11	2
7	14	11,90	125,21	11,31	2
8	14	112,85	122,14	9,29	2
9	14	109,43	119,88	10,49	1
10	13	11,46	117,60	5,14	2
11	15	106,03	118,36	12,33	4

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк, Г. Й. Тесты IQ / пер. с англ. Н. А. Кириленко. – М. : ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Аспрель», 2002. – 256 с.
2. Айзенк, Г. Й. Природа интеллекта – битва за разум / Г. Й. Айзенк, Л. Комин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 352 с.
3. Никитин, Б. П. Мы, наши дети и внуки / Б.П. Никитин, Л.А. Никитина. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 300 с.

Матухно Е. В.
E.V.Matukhno

ФАКТОР ГОТОВНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ УСТАНОВКИ НА УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

READINESS FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AN ADDITUDE TOWARDS PROFESSIONAL SUCCESS

Матухно Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Физическое воспитание и спорт» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей 20, кв. 401; +79622864077. E-mail: Lena-matuhno@mail.ru.

Ms. Elena V. Matukhno – PhD in Eudication, Associate Professor, Department of Physical Training and Sports, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur) Home address: 681021 Komsomolsk-on-Amur, 20-401 Pervostroiteley Pr., phone: +79622864077; E-Mail: lenu-matuhno@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена готовность человека к труду в зависимости от специфики структуры профессиональной деятельности. Выделены виды профессиональной деятельности специалиста технической сферы. Особое внимание уделено инженерной готовности к социально-профессиональной деятельности как психофизическому феномену.

Summary: The paper considers the preparedness for work of a person depending on his/her profession. Several types of professional activity of an engineer are singled out. The special attention is given to an engineer's preparedness for social activity and professional work as psycho-physical phenomenon.

Ключевые слова: готовность, виды профессиональной деятельности, труд, психофизическая готовность, мотивационный компонент, специалист, инженерная готовность, системный подход, успех, структура психофизической готовности, требования деятельности.

Key-words: readiness, types of professional activity, work, psycho-physical readiness, motivational component, professionals, engineering preparedness, system approach, success, psychophysical preparedness pattern, activity requirements.

УДК 378.02:372.8; 796.01

Одной из актуальных задач физической культуры, психологии, педагогики является проблема готовности человека к профессиональной деятельности. Изучение общей проблемы готовности к труду началось в 50-е годы в связи с необходимостью профессионального обучения людей различным видам труда.

Готовность – это условие успешного выполнения профессиональной деятельности, которая должна формироваться и совершенствоваться как самим человеком, так и всей системой мероприятий, проводимых государством в целом.

Понятие «готовности» к высокопродуктивной деятельности в определенной области труда, общественной жизни Б. Г. Ананьев определяет как «проявление способностей» [1, 16-17]. В. А. Крутецкий предлагает называть готовностью к деятельности весь «ансамбль», синтез свойств личности, как значительно более широкое понятие, чем способности [7, 90-91].

К. К. Платонов в соответствии с выдвинутой им концепцией личности в структуре готовности выделяет кроме моральной готовности психофизическую и профессиональную. Качества, определяющие психофизическую готовность, относятся автором к стороне, объеди-

Матухно Е. В.

**ФАКТОР ГОТОВНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ УСТАНОВКИ НА УСПЕШНОСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

няющей индивидуальности особенности психических процессов, к высокому уровню здоровья; профессиональную – к опыту личности [5, 87].

Интенсификация трудовой деятельности вызывает необходимость пристального внимания к здоровью специалистов, к формированию умений и навыков, основанных на глубоких и разнообразных научных сведениях и потребности регулярных занятий оздоровительной деятельностью, в том числе и с целью поддержания высокого профессионального тонуса. В процессе профессиональной деятельности именно плохое здоровье может ограничить возможность полноценной реализации творческого потенциала и сократить созидательное долголетие специалиста. Следовательно, физическое воспитание, играющее важную роль в подготовке специалиста, должно иметь для человека особое, непреходящее значение.

Готовность человека к труду рассматривалась по-разному в зависимости от специфики структуры профессиональной деятельности. Большинство авторов объясняли готовность через совокупность мотивационных, познавательных, эмоциональных и физических качеств личности, общее психофизиологическое состояние, обеспечивающее актуализацию возможностей (Р. А. Гаспарян, Е. Г. Козлов, Л. С. Нерсисян, А. Ц. Пуни и др.).

Анализ состояния проблемы готовности личности к деятельности показал, что это особое психическое, физическое состояние и относительно устойчивая характеристика личности. Несмотря на многообразие направлений, изучающих формы готовности, все сходится на том, что это предрасположенность субъекта ориентировать свою деятельность определенным образом.

В своем исследовании нам важно определить внутреннюю детерминацию активности личности профессионала, формирующуюся в процессе профессиональной подготовки. Через готовность определяется установка, обеспечивающая устойчивый, целенаправленный характер протекания успешной профессиональной деятельности. Определение установки через готовность в какой-то мере отождествляет эти дефиниции. Д. Н. Узнадзе понимал установку как более широкое явление, чем готовность. Готовность определялась им как существенный признак установки. С другой стороны, М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович разводят эти два понятия с точки зрения конкретно-психологической природы феноменов, которые данные дефиниции обозначают. Установка, с их точки зрения, является лишь формой готовности [4].

В числе структурных составляющих деятельности человека одним из основных является фактор психофизической готовности. Психофизическая готовность человека к деятельности как бы аккумулирует в себе все необходимые и достаточные для успешного решения поставленной задачи элементы предстоящего действия.

Психофизическая готовность к деятельности является обязательным условием не только её начала, но и эффективного решения. В соответствии с пониманием особой значимости психофизической готовности как фактора эффективной деятельности сложилась практика формирования профессиональной готовности специалиста.

В формировании психофизической готовности особое место принадлежит мотивационному компоненту, который является «стержневым, своего рода направляющим образованием», так как «вне мотива и смысла невозможны ни одна деятельность, не реализуемы никакие, даже самые усвоенные знания и предельно сформированные умения». Правда, наличие мотивационной готовности «еще не говорит о наличии психофизической готовности к деятельности, но существование последней невозможно без первой» [6, 113-114]. Указывается, что наиболее уместным при анализе мотивационной готовности является системный подход, развиваемый в работах. Б. Ф. Ломова (1988), А. Раппопорта (1994), Л. Ф. Алексеевой (1997), А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского (1998) и др.

Так как новая техника, высокие технологии, новые взаимоотношения в производственном коллективе предъявляют новые, более высокие требования к специалистам технической сферы, современная ситуация требует специалиста технического профиля нового типа, обладающего необходимым уровнем физического и психического здоровья, совокупностью знаний, умений и навыков, а также деловых, личностно-психологических и нравственных

качеств, позволяющих ему успешно выполнять трудовые функции на определенных должностях [3].

В разделах государственного образовательного стандарта (ГОС), определяющих квалификационную характеристику выпускника и требования к уровню его подготовки, выделяют следующие виды профессиональной деятельности специалиста технической сферы:

- экспериментально-исследовательская;
- проектно-конструкторская;
- производственно-технологическая;
- организационно-управленческая.

Так как профессиональная экспериментально-исследовательская деятельность специалиста технического профиля способствует лавинообразному увеличению доли умственного труда, сопряженного с ограниченной подвижностью, то в процессе умственного труда наиболее типичным является рабочее положение, сидя за столом. Многие мышечные группы при этом испытывают длительные и однообразные статические напряжения, особенно мышцы шеи и поясницы. В результате такого длительного, специфически наклоненного положения тела вырабатывается поверхностное дыхание, уменьшается жизненная емкость легких, нарушается осанка, дряхлеют мышцы скелета, понижается обмен веществ.

Для решения проектно-технологических задач инженер должен принимать большое количество решений в условиях ограниченного времени. Большая ответственность за принимаемые решения, административное и бюрократическое вмешательство в работу, высокая вероятность возникновения конфликтных ситуаций будут приводить к проявлению стрессовых ситуаций у специалистов технического профиля. Такие стрессовые реакции, как эмоциональное истощение, утомляемость, приводят к снижению работоспособности и эффективности деятельности, вызывают различные соматические заболевания.

Выполняя проектно-технологические задачи, многие специалисты технической сферы жалуются на усталость во второй половине дня. У них рассеивается внимание, понижается уровень восприятия, болят мышцы верхнего плечевого пояса, ноги, спина, глаза, голова.

Производственно-технологическая деятельность инженера осуществляется в условиях недостаточно проветриваемых помещений, сидя, при недостаточном освещении, резких переходов от получения зрительными анализаторами информации с экрана компьютера до составления отчетов, сбора материалов, их группировки, анализа данных для ответственных выводов и заключений. Перечисленное выше способствует развитию гиподинамии, функциональных нарушений, хронических заболеваний внутренних органов.

Выполняя организационно-управленческий вид профессиональной деятельности, инженер должен:

- организовать работу коллектива исполнителей, принимать исполнительские решения в условиях спектра мнений;
- определить порядок выполнения работ, организацию маршрутов технологического прохождения элементов и узлов создаваемых приборов и устройств;
- произвести поиск оптимальных решений при создании продукции с учетом требований качества, надежности и стоимости, а также сроков исполнения, безопасности жизнедеятельности и экологической чистоты;
- произвести оценку экономической эффективности принимаемых решений, их патентной чистоты, маркетинга;
- предотвратить экологические нарушения, профессиональные заболевания, производственный травматизм.

Непосредственные контакты с людьми требуют выдержки, решительности, навыков и умений предвидеть поведение и поступки людей. Часто возникающие экстремальные ситуации требуют принятия решений при строго ограниченных временных возможностях, а также быстро реабилитироваться после нервно-эмоциональных состояний. Длительные значитель-

Матухно Е. В.

ФАКТОР ГОТОВНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ УСТАНОВКИ НА УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ные нагрузки без достаточных условий для полного восстановления сил, социальная, коммуникативная депривация оказывают наиболее неблагоприятное воздействие на специалистов, иногда дезорганизуя их трудовую деятельность.

Следовательно, для выполнения вышеуказанных видов профессиональной деятельности необходимо, чтобы претенденты имели не только профессиональные знания, умения и навыки, но и соответствовали физически, психически, так как профессиональная деятельность специалистов технической сферы сама по себе стрессогенна, и необходимо искать пути преодоления этих функциональных состояний.

Инженерная готовность к социально-профессиональной деятельности рассмотрена В. Гурьевым как психический феномен и как цель процесса обучения техническим дисциплинам. Понятие «инженерная готовность» включает социальную и профессиональную активность, способность быстро адаптироваться в сложных условиях, возможность оптимально использовать инженерные знания, умения мобилизовать физические и психологические возможности своего организма. Структура инженерной готовности как психического феномена и как социального явления определяется взаимосвязью процессуального, нравственного и мотивационного компонентов [2, 13-15].

При формировании готовности будущего специалиста в процессе профессиональной подготовки складывается самооценка возможностей в их соотношении с предстоящими трудностями; формируются установки на осознание профессиональной задачи; определяются специальные способы деятельности и модели соответствующего профессионального поведения. Психологическая готовность студента к профессиональной деятельности проявляется: в форме установок (как проекция прошлого опыта на ситуацию «здесь и сейчас»), предшествующих любым психическим явлениям и проявлениям; в виде мотивационной готовности, в виде профессионально-личностной готовности к самореализации.

Таким образом, психофизическая готовность как содержание установки – необходимая предпосылка успеха и эффективной профессиональной деятельности человека. Содержание и структура психофизической готовности определяются требованиями деятельности к психическим, физическим процессам, состояниям, опыту, свойствам личности и ее установкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриенко, Е. В. Психолого-педагогические основы формирования профессиональной зрелости учителя / Е. В. Андриенко. – Новосибирск: НГПУ, 2002. – 266 с.
2. Гурьев, В. Т. Развитие инженерной готовности студентов технического вуза: автореф. дисс. ...канд. пед. наук / В. Т. Гурьев. – Калининград, 2000. – 17 с.
3. Дмитриева, М. А. Психология труда и инженерная психология / М. А. Дмитриева, А. А. Крылов. – Л.: ЛГУ, 1979. – 224 с.
4. Дьяченко, М. И. Психологическая готовность / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. – М.: Наука, 1986. – 292 с.
5. Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Б. П. Парыгин. – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
6. Санжаева, Р. Д. Психологическая подготовка студентов к педагогической деятельности: Тезисы докладов региональной науч.-практ. конференции / Р. Д. Санжаева // Личность в системе деятельности. – Новосибирск: НГПУ, 1993. – С. 113-114.
7. Санжаева, Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дисс. ... д-ра психол. наук / Р. Д. Санжаева. – Новосибирск: НГПУ, 1997. – 347 с.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T.E.Nalivayko, M.V.Shynkoruk

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

AGE-RELATED PECULIARITIES OF SOCIAL AND COMMUNICATIVE DEVELOPMENT OF A PERSON

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Provost for Educational Work at Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Pr., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. +7-4217-53-98-25, e-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-4217-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department Education Studies and Professional Education Psychology at the Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya Street, flat 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013, tel. 8-421-27-28-05, e-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено описание особенностей социально-коммуникативного развития в младшем школьном, подростковом и юношеском возрастах; осуществлен анализ механизмов и факторов этого развития; дана характеристика критериев сформированности социальной и коммуникативной компетентностей на каждом из описываемых этапов возрастного развития. Возрастные особенности развития социальной и коммуникативной компетентностей младших школьников, подростков и юношей построены исходя из основных задач, ценностей каждого периода развития.

Summary: The article presents the description of the peculiarities of social and communicative development of a person at primary school level, adolescence and teen-age; the mechanisms and factors of this development are analyzed; a characteristic of criteria for social and communicative competences' maturity at each of the listed age-levels' development is given. Age-related peculiarities of social and communicative competences' development in primary schoolchildren, teenagers and youngsters are analyzed on the basis of major goals, values and peculiarities of each age.

Ключевые слова: развитие, социальная компетентность, коммуникативная компетентность, возрастные особенности развития.

Key-words: development, social competence, communicative competence, age-related peculiarities of personal development

УДК 37.013;371

В компетентностном подходе в качестве образовательного результата рассматриваются компетентности – социальная, коммуникативная, предметная и др. Во всем многообразии

видов компетентностей, выделяемых современными авторами, социальная и коммуникативная занимают особое место в связи с их особой значимостью для успешного выполнения личностью всех видов деятельности.

Вопрос о формировании социальной и коммуникативной компетентностей тесно связан с их различными составляющими и временем их приобретения личностью. Анализ исследований закономерностей личностного развития, ведущих потребностей и новообразований каждого возрастного этапа [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] позволяет выделить некоторые возрастные особенности и показатели сформированности социальной и коммуникативной компетентностей личности.

Ввиду профессиональных интересов авторов, в данном материале акцент сделан на динамику социально-коммуникативного развития в подростковом и юношеском возрастах.

К концу младшего школьного возраста у ребенка под влиянием социальной ситуации и предметной деятельности формируются такие показатели социальной компетентности, как: иерархия мотивов, стремление к осуществлению социально значимой деятельности, мотивация успеха в учебной деятельности, произвольная регуляция поведения, руководство в поведении сознательными, социально нормативными целями и правилами, способность к саморегуляции, навыки конструктивного взаимодействия.

Вхождение в школьное обучение как в наиболее систематизированную форму общения обуславливает переход от наглядно-образного, конкретного ситуативного к абстрактному мышлению, к умению выделять существенные связи, строить рассуждения, делать умозаключения, выводы. Это, в свою очередь, приводит к развитию логической и коммуникативной функций речи, к выработке произвольности и рефлексии, формированию умения логично и связно строить высказывание. Описательно-повествовательный тип речи сменяется рассуждением, переходом к доказательности. В продуктивных видах речевой деятельности впервые появляется дифференциация способов воздействия на партнеров общения, в письменных и устных текстах совершенствуются, хотя и остаются достаточно низкими по сравнению с другими возрастными группами, показатели связности, логичности, каузальности, предикативной структуры высказывания. Эти умения являются показателями коммуникативной компетентности младшего школьника.

Отрочество, или подростковый период, характеризуется возрастным кризисом, который состоит в том, что в этот период через борьбу за независимость, происходящую в относительно безопасных условиях, подросток удовлетворяет свои ведущие потребности в самопознании и самоутверждении. У него не просто возникает чувство уверенности в себе и способность полагаться на себя, но и формируются способы поведения, позволяющие ему справиться с жизненными трудностями. В этом возрасте важнейшим с точки зрения социализации является стремление к общению со сверстниками и к утверждению своей самостоятельности, независимости, личной автономии.

Одним из центральных моментов в развитии подростка становится формирующееся чувство «взрослости». Оно определяет стремление подростков приобрести умения и качества, характеризующие взрослого человека, и составляет основу формирования ответственности – важнейшей характеристики личности, отличающей социально зрелую личность от социально незрелой. Именно ответственность является основной составляющей социальной компетентности.

В настоящее время наиболее распространена концепция двух типов ответственности (теория «локуса контроля» D. Rotter). Ответственность первого типа – это когда личность возлагает на себя всю ответственность за происходящее с ней в жизни («интегральный локус контроля»). Ответственность второго типа связана с ситуацией, когда человек склонен считать ответственными за все происходящее с ним либо других людей, либо внешние обстоятельства («экстернальный локус контроля»). В современных исследованиях понятие интернальности рассматривается дифференцированно. А.А. Реан ввел атрибутивный паттерн, условно называемый «хороший интернальный контроль». Он различает интернальность-

экстернальность как по ситуативным областям (область достижения и область неудач), так и по каузальным (ответственность за причины неудач и ответственность за преодоление неудач).

«Хороший интернальный контроль» предполагает, что человек считает себя ответственным в области достижений и за преодоление неудач, при этом причины неудач не обязательно объясняет отсутствием собственных способностей, а обращается к внешним обстоятельствам. Такая интерпретация «хорошей интернальности» наиболее соответствует возрастным особенностям подростков, которые осознают свою ответственность и взрослость как не совсем «подлинными». Они чувствуют неуверенность в своей новой позиции и остро нуждаются в признании и поддержке этой позиции.

Ответственность и «локус контроля» как ее показатель являются центральным признаком социальной компетентности в подростковом возрасте. С формированием ответственности тесно связаны развитие воли и произвольности поведения подростка. Умение владеть собой – важное качество взрослого, зрелого человека. Оно очень ценится подростком. Однако для типичного подростка характерны слабость воли, неорганизованность, сравнительно легкий отказ от достижения поставленной цели. Объясняя причины такой «волевой слабости», Л.С. Выготский говорил, что в этом случае характерна слабость не воли, а цели подростка, способного овладеть своим поведением, но не имеющего такой цели, ради которой стоило бы это осуществить. Для развития воли, следовательно, особую роль приобретает усиление цели. Социально компетентный подросток овладевает сознательным целеполаганием.

Для обеспечения социальной адаптации очень важно овладение школьником средствами достижения желаемого результата и организация собственного поведения. К таким средствам относятся умение учитывать последствия совершенных и несовершенных поступков для себя и других, способность представлять такие последствия не только интеллектуально, но и эмоционально. Сформированность этих средств является признаком социальной компетентности подростка.

Формирование ответственности в этом возрасте тесно связано также с другим центральным личностным новообразованием этого периода – становлением нового уровня самосознания, Я-концепции. Отрочество характеризуется, прежде всего, повышением значимости Я-концепции, системы представлений о себе, формированием сложной системы самооценок на основании самоанализа и сравнения себя с другими.

Стремление оценивать себя по объективным критериям, интерес к себе как к равноправному члену общества, создание внутренних критериев самооценки, базирующихся на реальных и потенциальных достижениях подростка, выстраивание социально одобряемого идеального Я способствуют его социализации и социальной компетентности. Степень реализованности стремления отражается в адекватной самооценке и уровне притязаний школьника, которые и могут служить признаком социальной компетентности.

При рассмотрении особенностей формирования Я-концепции подростка нельзя обойти вопрос о мотивации. Центральное место в мотивации занимает мотив самоутверждения. Он открывает возможности для развития произвольности поведения, стратегии преодоления трудности. Это происходит в случае, если у подростка мотив достижения успеха преобладает над мотивом избегания неудачи. Мотивация достижения проявляется как в учебной, так и в других видах деятельности. Она определяет чувство собственного достоинства и представление об уровне достижений, снижение которого оказывается чрезвычайно болезненным для подростка: он не может позволить себе упасть в собственных глазах. Следовательно, характер мотивации свидетельствует о развитии у него социальной компетентности и должен быть учтен при ее изучении.

Отрочество – период, когда центральной потребностью человека становится потребность в общении со сверстниками. Именно это общение является ведущей деятельностью подростка. Желание иметь друзей, занять определенное положение в группе занимает основное место во внутренней жизни подростка. Он стремится в группу, которая играет огромную

роль в его самоопределении, в определении его статуса. Решающее влияние начинают оказывать нормы, стихийно складывающиеся в группе. Эти нормы, не всегда социально приемлемые, непосредственно отражаются в поведении подростка. Для социальной компетентности школьника наиболее значимо умение анализировать эти нормы, их действенность, причины привлекательности. Группа нужна подростку для самоутверждения. Своя позиция среди сверстников иногда утверждается уродливыми и даже опасными способами: ложью, агрессией, унижением других. Предотвратить такое поведение можно через расширение способов самоутверждения, что также входит в модель социальной компетентности подростка.

В отличие от младшего средний школьный возраст является периодом качественных изменений в коммуникативном развитии личности, что связано с выходом общения на уровень ведущей деятельности. Формирование теоретического формального рефлексивного мышления, умения рассуждать, делать обобщения и выводы, вскрывать причинно-следственные связи, строить доказательства, спорить, самостоятельно творчески активно мыслить и управлять своей речемыслительной деятельностью – таковы основные линии качественного изменения в коммуникативной деятельности личности подростка. При этом вырабатывается ориентация на способ осуществления деятельности, а не только на ее результат. Формирующиеся функции перспективной саморегуляции, регуляции и дифференцированного воздействия делают речь подростка контролируемой и управляемой, причем письменную больше, чем устную. Складывается индивидуальный стиль речи, усложняется ее структура, в речи появляются специальные термины, абстрактные и метафоричные выражения, что служит значимым показателем коммуникативной компетентности.

Качественные изменения зафиксированы специально проведенными исследованиями в становлении рецептивных видов речевой деятельности: совершенствование техники чтения, глубины понимания прочитанного, возрастание роли осмысления прочитанного, овладение индивидуальными тактиками понимания текста. Совершенствуется деятельность аудирования, улучшается запоминание, сохранение и дальнейшее воспроизведение услышанного текста за счет работы механизма осмысления, логико-смысловой обработки текста, его реконструкции и т.д. Примечательно, что коммуникативная установка в большей степени, чем нейтральная, способствует сохранению услышанного. В речевой продукции, как письменной, так и устной, отмечается увеличение объема высказывания, совершенствование его синтаксического и интонационного оформления, растут комплексированность мысли и связность речи, усложняется предикативная структура высказывания за счет роста числа предикаций более высоких порядков, увеличивается частотность использования фраз оценочного характера, больше внимания уделяется раскрытию каузальных связей. Эти изменения являются важными показателями коммуникативной компетентности подростка.

В юношеском возрасте принципиальное значение для социальной адаптации молодого человека приобретает его готовность к самоопределению. Здесь не утрачивают своего значения все составляющие социальной компетентности подростка, однако задачи возраста определяют специфику этих составляющих.

Общество ставит перед молодым человеком жизненно важную задачу осуществления профессионального самоопределения. В ее решении родители, дезориентированные в вопросе выбора профессии в условиях бурных социально-экономических перемен, и школа не могут оказать молодому человеку сколько-нибудь значимой помощи.

Профессиональное самоопределение не может стать успешным вне самоопределения личностного, включающего построение целостного замысла жизни, самопроектирования себя в будущем. Центральным новообразованием возраста становится «готовность к личност-

ному и жизненному самоопределению». Эта готовность и определяет социальную компетентность юноши.

Способность к самоопределению, обретение идентичности выражаются в «простраивании» собственной временной перспективы, осмыслении жизненных целей, определении жизненных планов. Обращенность в будущее, планирование жизни составляют «эффективный» центр (Л. И. Божович) жизни юноши. Однако осмысление себя в будущем – нелегкий процесс. У юноши он часто сочетается с нежеланием замечать течение времени, с откладыванием важных решений «на потом». Это опасно для социализации личности.

«Простраивание» временной перспективы прямо связано со способностью человека осмысливать жизнь, ставить перед собой цели, адекватные его внутренней сущности. Этот процесс важен для сохранения психического и психологического здоровья. В период юности проблема осмысленности жизни становится ключевой для социализации. Юноша, обретающий смысл жизни, планирующий свое будущее, чувствующий себя хозяином жизни, может быть признан социально компетентным.

Осмысление собственной жизни и «простраивание» будущего тесно связаны с развитием мотивации. В нашей стране долгое время цели и ценности спускались «сверху». Это создавало определенный внутренний комфорт и тормозило формирование потребности в самостоятельной постановке жизненных целей. Сегодня в обществе наблюдается конфликт между необходимостью самостоятельного жизненного планирования и недостаточной его внутренней мотивированностью. Молодые люди, которые ничего не хотят в жизни или не знают, чего они хотят, оказываются дезадаптированными в обществе и составляют наиболее сложную категорию «клиентов» практического психолога. Исследования молодых людей с асоциальным поведением показывают, что у них в отличие от социально позитивных сверстников слабая мотивация достижения и невыстроенная временная перспектива будущего.

Очевидно, что для осмысления жизни и построения временной перспективы, а значит, и для социальной компетентности в юношеском возрасте большое значение имеют сформированность у юноши мотивации достижения и высокий уровень самоуважения, самопринятия. «Простраивание» временной перспективы, жизненное целеполагание требуют достаточного уровня развития ценностных представлений, волевой сферы, самостоятельности и ответственности. Выработка жизненной стратегии требует от человека потребности и способности осуществлять личный, самостоятельный и свободный выбор, освоения практически полезных навыков планирования, соотнесения ближних и дальних перспектив. Эти показатели также входят в структуру социальной компетентности.

Старший школьный возраст изучен во всех отношениях, в том числе в плане речевого и коммуникативного развития, значительно меньше, чем другие возрастные группы, хотя является важнейшим этапом психического взросления личности, а также периодом качественных изменений в формировании речемыслительной и коммуникативной деятельности. Учебно-профессиональная деятельность как ведущая деятельность этого возраста способствует овладению самообразованием, переходу к творческой исследовательской деятельности, обогащению понятийного аппарата, овладению сложными интеллектуальными операциями, стремлению к систематизации полученных знаний, причинному объяснению явлений, аргументированности и доказательности суждений, отражающим коммуникативную компетентность старшеклассника.

Старшеклассники осознают не только предметное содержание своего мышления, но и процессы мышления, подчиняя их задачам деятельности, и умело пользуются этим при проведении дискуссий, споров по теоретическим и мировоззренческим проблемам. Определяю-

щими для речевого развития в этот период являются функции перспективной саморегуляции и обобщающая, реализация которых значима для проявления коммуникативной компетентности в данном возрасте. Впервые письменная речь начинает опережать развитие устной речи, в письменных сочинениях увеличивается количество микротем, их языковая и смысловая насыщенность, совершенствуются языковые параметры речи, ее связность, цельность, контекстность.

В формировании рецептивных видов речевой деятельности отмечаются совершенствование умений в области чтения, использование разнообразных стратегий и тактик понимания прочитанного, увеличение глубины и полноты осмысления текста, лучшее его сохранение и дальнейшее воспроизведение, совершенствуются механизмы речевой деятельности, что отражает коммуникативную компетентность юноши. Несколько иные тенденции обнаруживаются в становлении продуктивных видов речевой деятельности: наряду с общей тенденцией к совершенствованию коммуникативных умений, способов воздействия на различных партнеров общения, речевых и языковых характеристик высказывания, как устного, так и письменного, отмечается некоторое снижение ряда показателей речевого и коммуникативного становления, как, например, менее полное и детальное отражение действительности в тексте, уменьшение объема высказывания, количества предикаций в тексте. Однако эти тенденции свидетельствуют о «скрытом» совершенствовании устной и письменной речевой продукции старшеклассников, поскольку одновременно предложения становятся более емкими и содержательными, лаконичными, возрастает комплексированность мысли, что является показателем коммуникативной компетентности данного возраста. В коммуникативном развитии отмечаются вместе с тем и недостатки: недостаточная полнота аргументов, подмена обоснования пересказом, нарушения логической структуры доказательства.

Представленные здесь возрастные особенности развития социальной и коммуникативной компетентностей младших школьников, подростков и юношей построены исходя из основных задач, ценностей и особенностей каждого периода развития личности. Они не претендуют на исчерпывающую полноту, так как была поставлена задача определения наиболее существенных проявлений для того или иного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодалев, А. А. Личность и общение / А. А. Бодалев. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.
2. Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – СПб.: Союз, 2004. – 224 с.
3. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
4. Калинина, Н. В. Формирование социальной компетентности как механизм укрепления психического здоровья подрастающего поколения / Н. В. Калинина // Психологическая наука и образование. – 2001. – № 4.
5. Мудрик, А. В. Общение в процессе воспитания / А. В. Мудрик. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 320 с.
6. Тестирование детей / сост. В. Богомолов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 347 с.
7. Шилова, Т. А. Диагностика психолого-социальной дезадаптации детей и подростков: практ. пособие / Т. А. Шилова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 112 с.
8. Щеглова, С. Социологический портрет детства / С. Щеглова // Воспитание школьников. – 1996. – № 5. – С. 48-59.

Олещук В. А., Дмитриев Э. А.
V.A.Oleschuk, E.A.Dmitriev

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

EDUCATING METALLURGICAL AND MACHINE-BUILDING ENGINEERS FOR MODERN INDUSTRY IN RUSSIA'S FAR EASTERN REGION

Олещук Валентина Александровна – кандидат технических наук, доцент кафедры «Технология машиностроения» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: tm@knastu.ru.

Ms. Valentina A. Oleschuk – PhD in Engineering, Associate Professor, Department of Mechanical Engineering Technology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: tm@knastu.ru

Дмитриев Эдуард Анатольевич – доктор технических наук, доцент, директор института компьютерного проектирования машиностроительных технологий и оборудования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: msf@knastu.ru.

Mr. Eduard A. Dmitriev - Doctor of Engineering, Associate Professor, Director of the Institute for Computer-Aided Design of Mechanical Engineering Technologies and Equipment
E-mail: msf@knastu.ru

Аннотация. В статье приводятся цели и задачи, стоящие перед высшим учебным заведением в подготовке инженеров машиностроительного и металлургического профиля для предприятий Дальнего Востока, находящихся в фазе активного переоснащения современным высокотехнологичным оборудованием.

Summary. The article deals with goals and objectives for a higher education establishment in the context of educating metallurgical and machine-building engineers for enterprises in Russia's Far East, where industry has been actively reequipped and modernized with modern high-technology plants and machinery.

Ключевые слова: инженер, автоматизированное производство, машиностроение, металлургия, высокотехнологичное производство.

Key-words: engineer, automated production, mechanical engineering, metallurgy, high-technology production.

УДК 378.6

С ростом промышленного производства активизировались процессы технологического перевооружения предприятий современным высокотехнологичным оборудованием. Для эффективной работы высокотехнологичного оборудования предприятиям требуются специалисты, обладающие глубокими знаниями в области современного автоматизированного производства (САПР) и автоматизации технологических процессов.

С целью обеспечения предприятий Дальневосточного региона специалистами, отвечающими требованиям современного автоматизированного производства, ведущими преподавателями Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета совместно с ведущими специалистами ОАО «КнААПО» и ОАО «Амурметалл» (г. Комсомольск-на-Амуре) была разработана и реализована концепция подготовки специалистов машиностроительного и металлургического профиля, владеющих необходимыми для современного

Олещук В. А., Дмитриев Э. А.

**ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРОВ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

производства знаниями в области автоматизированного управления технологическими процессами [1]. Для реализации разработанной концепции подготовки специалистов были кардинально переработаны курсы лекций и, в особенности, лабораторный практикум по дисциплинам «Управление в технических системах» и «Автоматизация технологических процессов».

Лабораторный практикум по дисциплине «Управление в технических системах» разработан с учетом его реализации с помощью современных стендов (см. рис. 1).

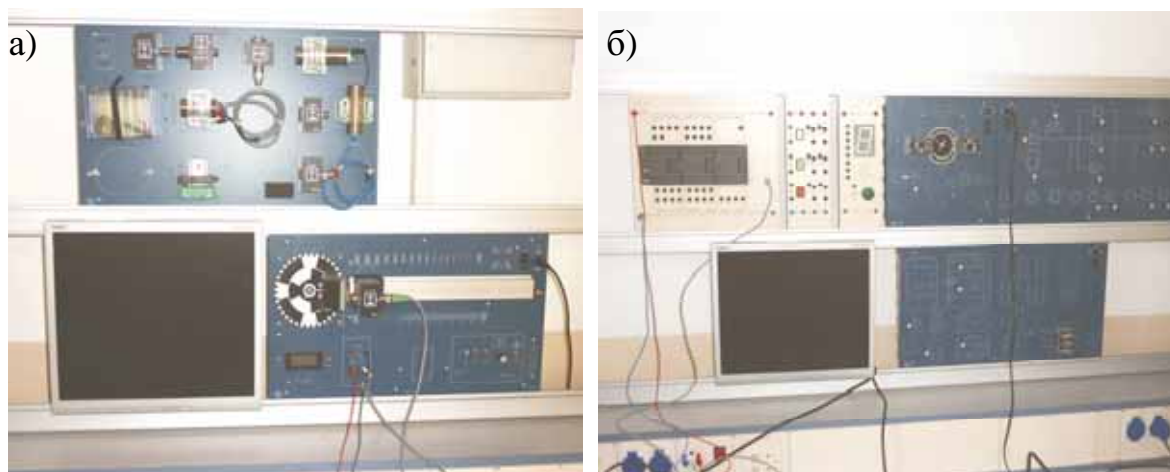

Рис. 1. Фрагменты лабораторных стендов: а – фрагмент стенда для изучения характеристик датчиков; б – фрагмент стенда для изучения работы и основ программирования ПЛК

Используемые в лабораторных работах стенды позволяют выполнить три блока лабораторных работ:

- 1) основные закономерности управления в технических системах;
- 2) элементная база (датчики, программируемый логический контроллер (ПЛК));
- 3) управление силовой электроникой.

Причем каждый блок позволяет реализовать от трех до пяти лабораторных работ. В зависимости от специфики специальности количество и тематика лабораторных работ в каждом блоке варьируются. Так, например, для специальностей металлургического профиля учебной программой предусмотрены две лабораторные работы по закономерностям в управлении техническими системами, две работы по изучению элементной базы и одна работа по управлению силовой электроникой. Для специальности «Технология машиностроения» количество лабораторных работ по изучению элементной базы расширено до трех за счет более глубокого изучения основ работы программируемого логического контроллера.

Лабораторный практикум по дисциплине «Автоматизация технологических процессов» построен на изучении автоматизированных систем; его реализация осуществляется на базе предприятий с изучением действующих современных высокотехнологичных систем в производственных условиях.

Современные металлорежущие станки с ЧПУ, сборочные стенды и автоматы, испытательные стенды оснащены различными средствами автоматики и автоматизации, которые позволяют в автоматическом режиме поддерживать требуемые параметры технологического процесса и корректировать их в случае появления отклонений.

При изучении теоретических разделов дисциплины «Автоматизация производственных процессов в машиностроении», при выполнении лабораторных работ на стендах студенты изучают принципы действия, назначение, основные характеристики, достоинства и недостатки средств автоматизации.

Для того чтобы понять, как они работают в технических системах в производственных условиях, как проявляются их характеристики и особенности, студенты изучают средства автоматики и автоматизации различных технологических процессов и устройств, применяемые на предприятиях при решении конкретных производственных задач.

Инженерное решение той или иной производственной задачи и проблемы требует не только теоретических знаний, пусть даже очень высокого уровня, но и серьезных практических навыков. Приобрести их можно только в производственных условиях.

К примеру, изучение уникального сборочного стенда, представленного на рис. 2, который является интегрированной измерительной системой (ИИС), позволит студентам понять, что для обслуживания современного высокотехнологичного оборудования требуется целый комплекс средств, каждое из которых решает конкретную задачу, и в то же время все в совокупности они обеспечивают изделию необходимые характеристики.

Рис. 2. Фрагменты автоматизированного сборочного стенда на авиационном объединении

Опыт партнерского сотрудничества вуза и авиационного объединения ОАО «КнАА-ПО им. Ю.А. Гагарина» показывает, что для подготовки специалистов, отвечающих требованиям современного динамичного развития производства с учетом перспектив его развития, необходимо дальнейшее развитие этого сотрудничества.

Не снижая значимости фундаментальных знаний, необходимо обеспечить качественную практическую подготовку студентов.

Взаимодействие объединения и университета предполагается развивать поэтапно по следующим направлениям:

- использование практико-ориентированных форм обучения. Проведение лабораторно-практических занятий на заводе совместно с персоналом основных цехов;
- расширение перечня лабораторно-практических занятий, проводимых на заводе по основным фундаментальным дисциплинам;
- корректировка учебных планов выпускающих кафедр с учетом ситуационных требований производства к квалификации выпускников;
- формирование тем курсовых и дипломных проектов по заданию завода. Выполнение реальных курсовых и дипломных проектов позволит студентам освоить технологии самостоятельного решения различных производственных задач;
- переход на индивидуализацию образовательного процесса. Разработка индивидуальных профессионально-образовательных программ с учетом индивидуальных особенностей студента, его профессиональных возможностей и ожиданий, готовности к свободному профессиональному выбору и, в то же время, с учетом требований производства к квалификационному уровню подготовки конкретного выпускника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев, Э. А. Опыт использования системы компьютерного моделирования литейных процессов «полигон» в учебном процессе / Э. А. Дмитриев // Материалы научно-практического семинара. Новые подходы к подготовке производства в современной литейной промышленности. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2004. – 120 с.

Петрова Е. Ю.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ДЕЛОВОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Петрова С. С.

S.S.Petrova

**РАЗВИТИЕ ПСИХИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ЛИЧНОСТИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**DEVELOPMENT OF MENTAL ASPECTS OF A PERSONALITY AS PART OF LEARNING
A FOREIGN LANGUAGE**

Петрова Светлана Сергеевна – ассистент кафедры общепрофессиональных лингвистических дисциплин и немецкой филологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Пермская, 9-19; 89141633060. E-mail: sosariza@mail.ru.
Svetlana S. Petrova - Assistant Lecturer, Department of General Linguistic Studies and German Philology (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, 9 – 19 Permskaya Str. , tel. + 79141633060. E-mail: sosariza@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены сущность и содержание когнитивных процессов (память, воображение и восприятие) и то, как эти процессы развиваются средствами иностранного языка.

Summary: The paper deals with the nature and content of cognitive processes (memory, imagination and perception) and how these processes develop by means of learning a foreign language.

Ключевые слова: память, восприятие, воображение, метод проектов, дискуссия, «Интегративный лингво-психологический тренинг».

Key-words: memory, perception, imagination, project method, discussion, “Integrative lingvo-psychological training”

УДК 372.8:802.0

Федеральным компонентом государственного стандарта по иностранным языкам определяется, что «изучение иностранных языков направлено на достижение следующих целей: формирование умений общаться на ИЯ с учетом речевых возможностей и потребностей...; развитие личности, его речевых способностей, внимания, мышления, памяти и воображения, мотивации к дальнейшему овладению иностранным языком; обеспечение коммуникативно-психологической адаптации к новому языковому миру для преодоления в дальнейшем психологических барьеров в использовании иностранного языка как средства общения» [3, 3].

Вопрос о взаимосвязи обучения и психического развития учащихся существовал всегда. Между тем этот вопрос является самым темным и невыясненным. На наш взгляд, отсутствие целостного подхода к личности учащегося и процессу обучения, при организации процесса обучения отрицательно сказываются на эффективности учебного процесса и не позволяют в полной мере обеспечить условия для психического развития личности учащегося.

Иностранный язык в силу своей специфики занимает одно из ведущих мест в развитии личности человека. Поэтому мы попытались проанализировать создающиеся на занятиях ИЯ условия и имеющиеся возможности этого предмета для развития таких когнитивных процессов у учащихся, как память и воображение с учетом возрастных особенностей восприятия.

И нам кажется целесообразным дать определение этим понятиям и объяснить, как иностранный язык влияет на развитие этих процессов.

Развитие средствами иностранного языка предусматривает целенаправленное формирование интеллектуальных умений школьников; языковую и речевую наблюдательность, речемыслительную деятельность, готовность к познавательной-поисковому творчеству.

Систематическое, целенаправленное овладение знаниями и навыками предполагает определенный уровень развития памяти, в том числе произвольной, логической, т.е. памяти, основанной на понимании, на специальной мыслительной обработке материала в целях его запоминания и воспроизведения.

Таким образом, память – это способ существования психики во времени, удержание прошлого, т.е. того, чего уже нет в настоящем, для того, чтобы можно было жить в будущем.

Методист А.А. Миролюбов отмечает, что оба вида памяти (кратковременная и долговременная) имеют большое значение для осуществления речевой деятельности. Участие в коммуникативной деятельности возможно лишь в том случае, если в сознании (долговременной памяти) человека прочно хранятся языковые средства. В процессе формирования речевого высказывания необходимые языковые средства подаются в кратковременную память. Запоминаемый материал первоначально поступает в кратковременную память, а затем в результате упражнений должен быть переведен в долговременную память. Перевод языковых средств в долговременную память имеет особое значение для методики обучения иностранным языкам, так как это является условием успешности овладения языком.

В связи с этим необходимо отметить, что объем материала по иностранному языку, подлежащий запоминанию, огромен, а возможность запоминания ограничена барьером человеческой памяти, особенно произвольного запоминания. Поэтому проблема запечатления языкового образа высказывания в памяти обучаемых является одной из актуальнейших и острых проблем методики преподавания иностранных языков.

Иностранные языки многим даются нелегко. Процесс обучения, однако, можно облегчить, используя индивидуальную наблюдательность и способность к организации изучаемого материала.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что с одной стороны, иностранный язык является отличным инструментом для развития памяти личности, с другой – хорошая память необходима для успешного овладения иностранным языком.

По нашему мнению, для того чтобы уметь говорить и понимать речь, человек должен привлекать различные виды памяти. Нам близка позиция А.А. Миролюбова, который считает, что при обучении иностранным языкам особое значение имеет произвольное запоминание. Это связано с тем, что простое запоминание слов, их грамматических форм и т.п. не может обеспечить участие в общении. Необходимо сформировать умения пользоваться языковым материалом, а не просто запоминать. Произвольно можно запомнить лишь отдельные речевые штампы, клише, обороты, слова, стихи; произвольное запоминание должно занимать незначительное место в общем процессе обучения. «Чрезвычайно важной особенностью процесса произвольного запоминания является снижение барьера избирательности памяти, снятия «тревожности» обучаемых, связанного с неуверенностью памяти. Большая эффективность произвольного запоминания доказана в настоящее время с полной убедительностью. Поэтому особое значение приобретает анализ тех условий, которые обеспечивают наиболее благоприятное протекание процесса произвольного запоминания» [1, 8]. Внимания заслуживает и точка зрения А.А. Леонтьева, который в отличие от А.А. Миролюбова и И.Н. Кудиновой акцентирует наше внимание на сочетании памяти произвольной и произвольной в практике обучения иностранному языку. Итак, мы можем сделать вывод о том, что развитие личности не может проходить успешно без такого фактора, как развитая память.

Петрова Е. Ю.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ДЕЛОВОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Следующий процесс – это воображение. Воображение (фантазия) – это мысленное представление того, чего человек в таком виде никогда не воспринимал.

При обучении речи (иноязычной в том числе) мы должны всячески стимулировать развитие творчества учащихся, приучать использовать изученный материал в самых различных ситуациях и сочетаниях друг с другом. Б.В. Беляев пишет: «Пользуясь языком, человек всегда создает свою речь, творчески используя приобретенные речевые навыки».

Восприятие (перцепция) – это совокупность процессов, с помощью которых у человека формируется его собственная модель объективно существующего внешнего мира.

В нашей работе мы опирались на нейролингвистику, которая выделяет три канала восприятия – аудиальный, визуальный и кинестический.

Так как на занятиях иностранного языка слухо-воспринимающие учащиеся успешнее всего обучаются в процессе обсуждения и дискуссий, то поэтому фильмы, любые формы разговорной деятельности, доклады и лекции оказываются особенно полезными в процессе обучения слухо-воспринимающих учащихся. Для этих учащихся целесообразно использование на уроках дискуссий и ролевых игр.

Так, зрительные и моторные учащиеся, очевидно, преуспеют в письменных заданиях и письменных тестах. Поэтому при обучении таких учащихся целесообразно использовать метод проектов.

Мы рассмотрели влияние метода проектов, дискуссии и тренинговой системы упражнений на такие когнитивные процессы, как память, восприятие и воображение.

Атмосфере общения, взаимодействия на уроке способствует дискуссия. Урок-дискуссия позволяет создавать естественные ситуации, побуждающие к высказыванию на иностранном языке, что является одной из самых сложных проблем в обучении иноязычному общению. Проблема обучения дискуссии на иностранном языке достаточно актуальна не только в практическом, но и в воспитательном и развивающем плане, и позволяет реализовывать многочисленные характеристики и свойства личности: логическое мышление, воображение, восприятие, обоснование и доказательность собственной точки зрения, умение утверждать и аргументировано отстаивать свою позицию, находить компромиссы и опровергать необоснованные или бездоказательные мнения.

Что касается метода проектов, то эта технология позволяет создавать на уроке иностранного языка исследовательскую творческую атмосферу. Многие в проектах идет от мечты, от фантазии, но основой фантастического развития мысли остается реальное осознание сегодняшней жизни. Процесс работы над проектом развивает у учащихся интерес к иностранному языку, воображение, память, восприятие и другие качества личности. Наличие элементов поисковой деятельности, творчества создает условия для взаимообогащающего общения как на родном, так и на иностранном языках.

Развивая и формируя речевые процессы учащихся на иностранном языке, мы можем, с одной стороны, способствовать всестороннему развитию личности учащегося и, с другой стороны, значительно повысить эффективность процесса овладения иностранным языком. Воздействуя на речь, мы можем воздействовать на психические процессы личности учащегося и, наоборот, развивая психические процессы, мы положительно влияем на процесс речевосформирования и речепорождения, т.е. овладения иноязычной речью.

Нам кажутся совершенно справедливыми слова И.М. Румянцевой относительно того, что «обучая людей иностранным языкам так, как если бы они все они были лингвистами, мы совершаем огромную ошибку, ибо все, что они выносят из такого обучения, – это разрозненные сведения об устройстве языка, которые с трудом могут пригодиться в жизни» [2, 17].

Теория речевой деятельности, в основе которой лежит обращение к языковому сознанию, не объясняет в достаточной мере механизмов овладения языком. Эти механизмы лежат

в первую очередь в сфере бессознательного – именно поэтому маленькие дети обычно бывают в состоянии освоить основы родного языка уже к трем годам без каких бы то ни было специальных усилий со стороны взрослого. Опыт И.М. Румянцевой свидетельствует о том, что данные механизмы являются определяющими при освоении не только первого, но и второго языка.

Мы считаем, что на уроках иностранного языка имеются огромные возможности для всестороннего развития личности. «Чтобы активно овладеть иноязычной речью, так же требуются тренировка и развитие всего комплекса психических процессов. Так как все психические процессы, и речь в том числе, работают в тесном взаимодействии, в большинстве случаев даже отделить один процесс от другого бывает сложно. И внимание, и восприятие, и память, и мышление, и воображение, и эмоции являются не просто «попутчиками» речи: глубоко проникая в речь, они становятся ее неотъемлемыми компонентами» [3, 189].

В этой связи совершенно нетрадиционным, уникальным и инновационным, на наш взгляд, является разработанный И.М. Румянцевой на основе «интегративной модели речи» метод обучения иноязычной речи взрослых людей «Интегративный лингво-психологический тренинг». Это целостная система целенаправленных, взаимообусловленных и взаимодополняющих техник, упражнений и процедур.

Тренинговый метод полностью положен на психотерапевтическую и коррекционную основу. Он представляет собой целостную систему целенаправленных, взаимообусловленных и взаимодополняющих техник, упражнений и процедур (куда включены и специальные игры), охватывающую все языковые, коммуникативные, когнитивные, психодинамические, поведенческие и деятельностные стороны речевого процесса. Метод базируется на ряде принципов. Всего И.М. Румянцева выделяет 15 принципов. Назовем некоторые из них: принцип единства обучения и развития личности; принцип органичного единства человека, речи и процесса ее обучения; принцип рассмотрения речи не чисто лингвистически, а с включением ее в единую систему психических процессов, свойств и состояний личности; принцип построения системы обучения как психотерапевтической, психокоррекционной, онтогенетической. Обучение в ИЛПТ организуется в следующей последовательности: «понимание – говорение – чтение – письмо», а также «синтез – анализ – синтез» [2].

Таким образом, применение таких технологий, как ролевая игра, проект и дискуссия, развивает у учащихся память, восприятие и воображение. И мы можем сделать вывод о том, что применение ролевой игры, метода проектов, дискуссии и ИЛПТ на занятиях иностранного языка позволяет преподавателю вовлечь в работу всех учащихся и активизировать интерес к предмету. Наряду с развитием психических процессов, повышается уровень знаний обучаемых, создается благоприятная атмосфера на занятии, осуществляется сотрудничество преподавателя с обучаемыми. Кроме того, использование метода проектов, игровых форм, дискуссии и ИЛПТ раскрывает огромные возможности учащихся и позволяет сделать учебный процесс эффективным и интересным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1992. – 584 с.
2. Румянцева, И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И. М. Румянцева. – М.: ПЭР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.
3. Стронин, М. Ф. Обучающие игры на уроках английского языка / М. Ф. Стронин. – М., 1994. – 112 с.

Авдеенко И. А.
I.A.Avdeenko

**КОНТЕКСТНЫЕ АССОЦИАЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИ ОПИСАНИИ
СЕМАНТИКИ СИМВОЛА**

**CONTEXT ASSOCIATIONS AND THEIR INTERPRETATION IN SYMBOL SEMANTICS
DESCRIPTION**

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Language Studies, Amur Humanitarian and Educational State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается многоуровневая система ассоциаций, возможных в различных контекстах упоминания символа, построенная на общности интегральных сем. Эта система позволяет осуществлять количественный и качественный анализ контекстных ассоциаций символа, направленный на его объективную интерпретацию и адекватное культурной среде описание.

Summary: The paper deals with the multilevel system of associations appearing in different contexts of the use of a symbol. This system is built on the basis of a set of integral semes and allows to carry out quantitative and qualitative analysis of symbol context associations. These analysis's goal is to get impartial interpretations of the symbol and its culture-specific descriptions.

Ключевые слова: символ, семантика, номинация.

Key-words: symbol, semantics, nomination

УДК 804.0:801.1

До настоящего момента символ как культурологический, гносеологический, семиотический и языковой феномен остается одним из наименее исследованных. В то же время существует множество языковых явлений, которые не поддаются описанию в традиционных для лингвистики категориях понятия, лексемы, синтагмы и требуют обращения к более ёмкому, с точки зрения семантики, типу единиц – символам. Попытки применить знания о семантике символа к конкретным текстам или ко всей культуре на практике сводятся к контаминационному перечислению всевозможных «процитированных» семантических комплексов [3, 4]. Это, возможно, и не лишено смысла, однако символ представляется семиотическим объектом, существующим в рамках той или иной культуры (субкультуры), что требует изучения символа не по словарям мифов и символов (хотя и с их использованием в качестве эталона для сравнения), а на материале текстов той или иной (уникальной в своем роде) культуры.

Под символом понимается семиотическая (культурная, мыслительная) единица, утратившая связь с понятием и существующая лишь в связях с другими единицами [1], безгранично расширяющая за счет такой утраты свою семантику и, соответственно, способность сочетаться с гораздо более широким кругом знаков. Например, упоминание в следующих контекстах неба не соответствует нормам лексической сочетаемости, которая опирается на

понятийную семантику, не объясняется употреблением в переносных значениях, но, тем не менее, отражает опыт использования и интерпретации знака «небо» как символа: Жизнь *канет*, как *камень*, в *небе* *круги* (Аквариум: Ласточка). Это я плюнул кровью на *дно* / В голубой *небосвод* (Звуки му: Встань пораньше). Где закат высекает позолоченный *мост между небом и болью* (Алиса: Стерх).

Представляется продуктивным такое описание семантики символа, которое опирается на контекст его упоминаний в тексте. Называние в одном контексте с символом каких-либо понятий, категорий и других символов (далее для таких номинаций используется термин «ассоциация») отражает способность символа расширять свою семантику в направлении данной ассоциации. Такое расширение семантики реализуется за счет устойчивых или уникальных для одного контекста ассоциаций. Но в любом случае выявление направления, в котором так или иначе расширяется семантика символа, предполагает поиск относительно общих, повторяющихся элементов в совокупности контекстов. Такое исследование может опираться на интегральные семы встречающихся ассоциаций, которые объединяют уникальные и устойчивые ассоциации в группы. Состав таких групп исчерпаем, что позволяет сопоставлять полученные таким образом описания по одним и тем же основаниям.

Наиболее крупные из групп ассоциаций соответствуют категориям мышления. Это группы объектных, атрибутивных и процессуальных ассоциаций. Объектные ассоциации включают в себя номинации предметов, существ, веществ, то есть всего, что соответствует категории предметности. Атрибутивные ассоциации объединяют названия признаков предметов и действий, а также количеств. Группа процессуальных ассоциаций включает в себе названия действий и процессов. При включении ассоциаций в названные группы имеет смысл учитывать не столько категориально-грамматическое, сколько лексическое значение слов, то есть слово, например, *разговор* будет относиться к группе процессуальных ассоциаций, поскольку называет процесс, а не к группе объектных ассоциаций, несмотря на то, что это имя существительное. Соотношение состава ассоциаций в этих трех основных группах указывает на преобладание, соответственно, предметных, атрибутивных или процессуальных компонентов семантики символа.

Обобщенную систему ассоциаций по семантическим и интерпретационным признакам можно представить следующим образом:

1. Объектные ассоциации, которые отражают связи символа с предметами и явлениями мира. Они объединяются в группы на основании общности архисем. Среди них могут выделяться:

1.1. Номинации существ, которые далее подразделяются на названия людей (субъекта и группы мужчин (*старик, хозяин, отряд*) и женщин (*мать, хозяйка, бабы*), детей (*мальши, дитя*)), животных (особи и группы, диких (*волк, олень, стая*) и домашних (*собака, конь, стадо, табун*)), птиц (*петух, сокол, коростель*) и мифических существ (*бог, архангел, черт, бес*). Состав этих ассоциаций определяет степень и качественные характеристики связи символа с представлениями о существах, живой природе. Очевидно, что многие из ассоциаций этой группы в свою очередь также являются символами, то есть соотносят употребляемую в одном с собой контексте знаковую единицу со всей совокупностью собственных ассоциаций.

1.2. Номинации частей и особенностей строения тела. Выделение этих ассоциаций в отдельную группу имеет смысл вследствие наличия слов, называющих одни и те же органы и другие части организма разных классов существ (*голова, глаз, сердце, кожа* и т.д.), что не позволит классифицировать их в соответствии с названиями целых организмов. Кроме того, представления о части тела могут вступать в символические связи независимо от того, оканчивается ли в таких связях представление об организме в целом. Номинации частей тела далее могут группироваться на основании отношения к голове: *глаза, нос, уши*; корпусу: *брюхо,*

грудь, спина; конечностям: *рука, нога, колено, локоть*; покрову: *кожа, шкура, скальп, шерсть*; повреждениям: *рана, ушиб, порез*.

1.3. Номинации растений, включая грибы, которые далее имеет смысл классифицировать (например, на комнатные: *фикус, цветы (на окне)*; сельскохозяйственные культуры: *рожь, овес, горох*; деревья: *тополь, дуб, сосна*; кусты: *жимолость, малина, смородина* и т.п.) только в случае высокой частотности, которая не наблюдается в текстах русской рок-культуры. Впрочем, даже непредставленность или незначительность числа ассоциаций какой-либо группы, в частности – растений, в текстах может интерпретироваться как отторгаемая, чужеродная для субкультурной картины мира смысловая область.

1.4. Номинации предметов, которые в отличие от предыдущего типа достаточно разнообразны и могут далее объединяться в группы: дом (его части: *крыша, окно, стена* и т.д.), постройки (*сарай, церковь, хлев*), одежда (*рубашка, брюки, платье*), орудия труда (*серп, мотыга, нож*), оружие (*меч, удавка, заточка*), украшения (*колье, браслет, фенька*), приборы (*печь, телевизор, флюгер*), награды (*орден, медаль, кубок*), мебель (*диван, табурет, шкаф*), пища (*суп, чай, хлеб*), плоды сельского хозяйства (*свекла, морковь, молоко*), деньги (*копейка, рубль, бакс*), столовые приборы (*тарелка, ложка, стакан*), транспорт (*трамвай, поезд, авто*), продукты труда, деятельности (*стихи, поэма, легенда*), сообщения (в материальном смысле, например, *письмо, телеграмма* и т.п.), обрядовые предметы (*свеча, крест, икона*). Состав ассоциаций этой группы может характеризовать семантику символа в различных отношениях к быту человека: жилью или хозяйству, труду или защите, оседлости или кочевничеству и т.д.

1.5. Номинации явлений природы: временных (*лето, утро, сумерки*), климатических (*снег, дождь, засуха*), физических (*огонь, тень, след*). Состав этих ассоциаций способен дать представление об отношении компонентов символа к времени года или суток, погодным условиям и физическим взаимодействиям. В дальнейшем эти ассоциативные связи могут быть продолжены семантикой широко используемых в культурах природных символов (утра, вечера, ночи, зимы, весны, осени, дождя, грозы, ветра, огня и т.д.).

1.6. Номинации географических объектов: населенных пунктов (*город, Питер, стойбище*), ненаселенных географических объектов (*гора, лес, болото, Волга*) и территорий (*край, Родина, округа*). Ассоциации этой группы характеризуют семантику символа в аспекте горизонтальной пространственной ориентации с учетом освоенности или неосвоенности пространства человеком, а также площади этого пространства. Так, например, преобладание ассоциаций с населенными пунктами характеризует семантику символа как урбанистическую, а доминирование названий ненаселенных географических объектов – как антиурбанистическую, ассоциации с округой – как тяготеющую к дискретности, а ассоциации с большими территориями – как стремящуюся к континуальности.

1.7. Номинации космических объектов (*луна, солнце, комета, звезда* и т.д.), которые характеризуют вертикальную ориентацию семантики символа с учетом общекультурных и субкультурных символических значений, приписываемых этим номинациям.

1.8. Номинации единиц измерения пространства (*километр, миля, гектар*) и времени (*год, час, век*), которые определяют возможность и характер исчисления семантических компонентов символа, а также его относительную значимость (очевидно, что значимость символа, соотносимого преимущественно с метром и мгновением, воспринимается как меньшая в сравнении со значимостью символа, соотносимого к километрами и веками) в символической системе.

1.9. Номинации форм предметов (*капля, куб, петля* и др.), которые характеризуют как само представление о потенциальной оформленности в компонентах семантики, так и набор привносимых от самих этих номинаций символических компонентов. Набор этих ассоциа-

ций может далее группироваться, например, вокруг используемой в изобразительном искусстве семантики форм [2].

1.10. Номинации веществ, характеризующие свойства материи, которая соотносима с тем, что выражается символом. В предельно общем виде эти номинации объединяются в группы имен твердых (*камень, железо*), жидких (*вода, спирт*), сыпучих (*песок, пепел*) и газообразных (*воздух, дым*) веществ. Сами называемые вещества в культуре часто являются символами, содержание которых соотносится с описываемым символом (ср., например, «Музыка на песке» (Nautilus Pompilius: Музыка на песке) и «А замок на песке растет... / Он так изящен и прозрачен» (В. Берковский: Замок на песке).

1.11. Номинации абстрактных сущностей (*время, добро, закон, причина* и т.п.), которые могут каким-либо образом характеризовать содержание символа. Следует отметить, что использование слов этой группы существенно осложняется, вследствие их собственной абстрактности, которую необходимо учитывать при интерпретации другой, внешней по отношению к ней абстракции символического содержания. Тем не менее, они указывают на тематические сферы, к которым символ имеет отношение: будь то время или добро, закон или проблема.

1.12. Номинации коммуникативных единиц и знаковых систем, которые могут группироваться вокруг языка: *имя, прозвище, слово*; искусств и их стилей: *панк-рок, джаз, музыка*. Эти ассоциации отражают способность и специфику выражения символического содержания в знаках.

1.13. Номинации мыслительных форм: *мысль, фантазия, идея*. Эти единицы характеризуют ментальный аспект восприятия символа.

2. Атрибутивные ассоциации, отражающие характеристики, признаки объектов, сущностей или процессов, которые также объединяются в группы на основании общности архисем.

2.1. Номинации признаков температуры (*горячий, холод, прохладно*), которые могут характеризовать активность того, с чем соотносится символ: горячий – живой, активный (по аналогии с устойчивыми метафорическими номинациями «горячее сердце», «горячка», «погорячился»); холодный – безжизненный, пассивный (по аналогии с устойчивыми метафорическими номинациями – «пришел, а он холодный» (о трупе), «с холодным сердцем» (о действии исключительно разумом)).

2.2. Номинации признаков состава (*монолит, лоскутный, смесь*), которые могут так или иначе отражать однородность или разнородность, того, что обозначено символом.

2.3. Номинации вертикальных и горизонтальных ориентиров (*вверху, нижний, вокруг, далекий*), которые соотносятся с символическими ориентирами в языковой модели (картине) мира [6].

2.4. Номинации признаков цвета (*черный, серый, синий, грязный*), которые могут быть далее соотнесены с цветовой символикой различных культур [5, 7] для выявления специфики символа в изучаемой культуре.

2.5. Номинации признаков времени (*снова, майский, ночной, предупреденный, исстари, иногда*). Они указывают на периодичность и временные интервалы, во время которых актуализируется названное символом.

2.6. Номинации признаков интенсивности звука и света (*тихий, оглушительно, шепотом, яркий, тусклый*), которые отражают характер агрессивности ассоциативного пространства, продуцируемого символом.

2.7. Номинации признаков скорости (*медленно, быстрый*), которые отражают динамические характеристики названного символом.

2.8. Номинации признаков размера (*чуть-чуть, большой*), которые отражают количественные свойства символически обозначаемого.

2.9. Номинации признаков количества (*много, один, втроем*), которые фиксируют уникальность или измеримую (неизмеримую) множественность обозначаемого символом.

2.10. Номинации признаков принадлежности (*птичий, небесный, гробовой, туземный*), которые указывают на сферы, в пределах которых символ обладает ярко выраженной способностью применения с учетом того, что остается универсальным.

2.11. Номинации признаков вещества (*мокрый, песчаный, свинцовый*), которые дополняют, уточняют номинации самих веществ и объектов, соотносимых с веществом (ср. «песок» и «мокрый песок», «буря» и «песчаная буря», «река» и «свинцовая река»).

2.12. Номинации признаков вкуса (*горький, соленый, сладко*), которые так или иначе соотносят содержание символа с символическим содержанием вкусовых ассоциаций, типа «горькая беда», «сладкая жизнь» и т.п.

2.13. Номинации признаков силы (*легкий, тяжелый, сильный, слабо*), которые отражают характер взаимодействия с тем, что названо символом: реакций самого означаемого на какие-либо объекты, сущности, процессы и реакций других объектов, сущностей, процессов на это означаемое.

2.14. Номинации признаков стабильности (устойчивости, крепости) (*крепкий, гнилой, хрупко*), которые фиксируют способность обозначенного символом сохранять целостность при внешних воздействиях.

2.15. Номинации характера человека (*слонявый, молодецки, суровый, блаженный, нрав, смирение*), которые фиксируют постоянные или характерные признаки называемого символом как живого существа, регулярно взаимодействующего с окружающим миром на ментальном уровне.

2.16. Номинации психических состояний человека (*рад, в сердцах, веселый, любовь, тоска, страх*), которые отражают мгновенные, временные признаки называемого символом как живого существа, эпизодически взаимодействующего с окружающим миром на ментальном уровне.

2.17. Номинации обобщенных качеств (*отравленный, новый, достойный, совершенный*), которые выявляют свойства того, что названо символом, по отношению к утилитарным аспектам жизни человека.

2.18. Номинации (иерархические, включения / исключения и т.п.) отношения к объектам, сущностям, событиям, человеку (*главный, чужой, одинокий, полно, зря, чин, плен, почет*), которые отражают аспекты иерархических, организационных, социальных отношений, в которые включается символ.

2.19. Номинации физиологических свойств (*жизнь, голодный, моложе, увядший*), которые фиксируют признаки называемого символом как живого существа, имеющего более биологическую, чем психическую или социальную природу, испытывающего витальные потребности.

2.20. Номинации эстетических свойств (*красивый, страшный (то есть некрасивый), поэтический, возвышенный (в смысле поэтический)* и т.п.), которые выявляют те неутилитарные и невитальные аспекты символа, которые соотносят его со шкалой прекрасное – безобразное.

2.21. Номинации признаков чёткости восприятия (*смутный, внимательно, явно*), которые фиксируют доступность того, что названо символом, для ментального контакта, детальность его отражения в психике человека как культурного феномена.

2.22. Номинации функций объекта в понимании человека (*путеводный, подсобный, парадный*), которые отражают аспекты обусловленности, прямой, косвенной или обратной зависимости называемого символом от объекта, сущности (в том числе символической), процесса, состояния и т.д.

2.23. Номинации идентификационных характеристик (*тот же, другой, тот самый, знакомый, новый*), которые указывают на узнаваемость того, что названо символом в ментальном, культурном пространстве.

3. Процессуальные ассоциации, отражающие взаимодействие названного символом с внешней для него средой или компонентов символа друг с другом в его внутренней среде. На основе общности архисем среди этих ассоциаций выделяются следующие группы:

3.1. Номинации физических процессов горения (*зажечь, загореться, полыхать*), свечения (*светить, блестеть, гореть (то есть светить)*), кипения (*бурлить, кипеть*) и т.д., которые фиксируют энергетический характер называемого символом. В зависимости от того, какие из ассоциаций доминируют, можно делать выводы о поглощении, излучении, распространении и умножении энергии символа.

3.2. Номинации перемещения субъекта или объекта безотносительно других категорий (*течь, идти*), относительно другого субъекта или объекта (*приводить, дотянуться, ис-кать*) или относительно пространства (*унести, вернуть*), которые могут указывать на активность или пассивность того, что названо символом, направленность или рассеянность динамики его взаимодействий.

3.3. Номинации креационных процессов (*создать, построить, разрушить, стереть*), которые выражают способность называемого символом порождать новые сущности или процессы или заглушать, нивелировать, устранять существующие.

3.4. Номинации изменения физических (*упасть, открыться, смять*) или психических (*развитие, тренироваться, уснуть*) состояний, которые отражают внутреннюю, внешнюю или внутреннюю и внешнюю мобильность того, что названо символом.

3.5. Номинации процессов расположения в пространстве (*окружить, вырваться, рассыпать*), которые фиксируют включенность названного символом в различные смысловые структуры и области, а также тенденции отталкивания и притяжения.

3.6. Номинации физиологических процессов (*жить, спать, устать, прожитый*), в том числе употребление пищи (*есть, глотать, жевать*), жидкостей (*пить, хлебнуть*), алкоголя (*бухать, клясть*), табачного дыма (*курить, затянуться*) и т.п., которые характеризуют жизнеспособность того, что названо символом, и формы проявления его жизни.

3.7. Номинации процессов восприятия: зрения (*смотреть, видеть*), слуха (*слышать, прислушаться*), обоняния (*нюхнуть, унюхать*), осязания (*почувствовать, занеметь*), чутья (*почуять*), которые фиксируют формы, отражения культурного пространства, процессов, происходящих в нем, тем, что названо символом.

3.8. Номинации эстетически ценных действий (*танцевать, рисовать*), которые характеризуют потенциал творческого преобразования мира тем, что названо символом или с помощью самого символа.

3.9. Номинации сигнально-коммуникативных действий (*крикнуть, подмигнуть, сто-нать*), которые фиксируют выражаемые в невербальных коммуникативных формах реакции взаимодействий символа с культурным пространством, а также саму способность названного символом выражаться в коммуникативных формах.

3.10. Номинации речевых действий, в том числе коммуникативных (*рассказать, про-читать*), патологических (*бредить*), ритуальных (*молиться*), фатических (*позвать, знако-мить*), эстетических (*петь, слагать (стихи)*), которые проявляют выражаемые в вербальных коммуникативных формах реакции взаимодействий символа с культурным пространством, а также саму способность символического содержания выражаться в слове.

3.11. Номинации выражения отношений (*награждать, хлестать, выбирать*), которые проявляют реакционные свойства называемого символом, то есть то, какие формы реакций соотносимы с характером существования символа.

3.12. Номинации отношений (*любить, сомнение, разочароваться*), которые отражают релятивные процессы, с которыми соотносится называемое символом.

3.13. Номинации интеллектуальных действий (*думать, считать, знать, мечтать*), которые выявляют познаваемость символа.

В основе распределения ассоциаций по группам может лежать хорошо зарекомендовавший себя в семантических исследованиях метод компонентного анализа.

Обозначенные выше группы ассоциаций, в контексте которых может упоминаться символ, имеют универсальный характер, однако частотное распределение совокупности ассоциаций (включая нулевые значения), их качественный состав своеобразны для каждого символа каждой культуры.

Количественный и качественный анализ указанных групп ассоциаций представляется той исследовательской методикой, которая позволяет дать объективное, действительное именно для данной субкультуры описание символа. Предложенная здесь или аналогичная «сетка» описания обеспечивает возможность сравнения данных по различным символам одной культуры или одного символа в разных культурах, создания сопоставимых баз данных. До этого момента имеет смысл соотносить полученные описания с данными словарей мифов и символов и описаниями, полученными другими способами.

Следует, однако, подчеркнуть, что в силу полисемантической языковых единиц один и тот же план выражения может характеризовать тот или иной символ с разных сторон, вызывать двусмысленности и интерпретационные ошибки. Однако возможные единичные ошибки исследователя могут быть сведены к статистически нерелевантным погрешностям, не меняющим сути выявленных свойств, за счет достаточно объемной и адекватной исследуемому феномену выборки текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко, И. А. Символ, концепт, текст: пространство эксперимента / И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(1). – С. 45-48.
2. Иттен, И. Искусство формы. Мой форкурс в Баухаузе и других школах / И. Иттен. – М.: Д. Арон, 2001. – 136 с.
3. Кошелев, В. А. «Время колокольчиков»: литературная история символа / В. А. Кошелев // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. – С. 142-161.
4. Никитина, О. Э. Образы животных в рок-поэзии Б. Гребенщикова. Комментированный указатель / О. Э. Никитина // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 3. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2000. – С. 40-53.
5. Обухов, Л. Я. Символика цвета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.videoton.ru/Articles/sym_color.html#_ftn1.
6. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее роль в создании авантекста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore>.
7. Riedel, I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie / I. Riedel. – Stuttgart: Kreuz, 1999. – 287 p.

Нечаева А. В.
A.V.Nechaeva

ТРАДИЦИИ НАИМЕНОВАНИЯ В АНГОЛОСАКСОНСКИХ КОРОЛЕВСКИХ ДИНАСТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УЭССЕКСКОГО КОРОЛЕВСТВА)

APPELLATION TRADITION OF ANGLO-SAXON ROYAL DYNASTIES (EXEMPLIFIED BY THE WESSEX DYNASTY)

Нечаева Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 25, кв. 1; 8-4217-54-28-94. E-mail: itten4@mail.ru.

Ms. Anastasia V. Nechaeva – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013 Komsomolsk-on-Amur, 25 Lenina St., ap. 25, 8-4217-54-28-94, e-mail: itten4@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена традициям наименования в англосаксонских королевских династиях на примере Уэссекского королевства. Автор статьи дает характеристику личных имен правителей Уэссекса, их жен и детей, а также рассматривает имена собственные англосаксонского периода с точки зрения их фонетической, морфологической и семантической структуры.

Summary: The paper explores the appellation tradition of Anglo-Saxon royal dynasties by the example of the Wessex kingdom. The author of the paper gives characteristics to personal names of Wessex kings, their spouses and children. Also the phonetic, morphemic and semantic structure of Anglo-Saxon names of that period is analysed.

Ключевые слова: имя собственное, простые и сложные имена, аллонимы, семантическая структура.

Key-words: personal names, simple and complex personal names, allonyms, semantic structure

УДК 811(111)

Роль имени в судьбе человека довольно значительна. Мир, в котором мы живем, воистину можно назвать миром имен и названий. Ведь практически каждый реальный объект (а зачастую и вымышленный) имеет или может иметь свое собственное наименование. При этом одни имена настолько древние, что их воспринимают как возникшие сами собой, поскольку неизвестен их автор, а иногда даже и народ, языку которого это слово принадлежало.

Традиционно в англоговорящих странах ребенок при рождении получает два имени: личное имя (first name; personal name) и среднее имя (middle name). Под термином «личное имя» понимается социолингвистическая единица, разновидность имени собственного, один из главных персональных языковых идентификаторов человека или духовной личности.

Из всех ономастических категорий имена собственные первыми получили документальное отражение. Первым документом, зафиксировавшим английские имена собственные, была «Англосаксонская хроника», написанная на Уэссекском диалекте (в первой половине IX века произошло политическое возвышение Уэссекса над остальными тремя королевствами, что сказалось на его культурном подъеме и подняло авторитет Уэссекского диалекта). Она существовала в виде ряда параллельных летописей, начиная с VII века, содержала описание основных событий, происходивших в то время, и отражала имена правителей [1, 37].

Современный словарь английских личных имен под редакцией А.И. Рыбакина содержит 4000 имен, лишь 8 % из которых составляют имена древнеанглийского происхождения.

Нечаева А. В.

ТРАДИЦИИ НАИМЕНОВАНИЯ В АНГОЛОСАКСОНСКИХ КОРОЛЕВСКИХ ДИНАСТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УЭССЕКСКОГО КОРОЛЕВСТВА)

Англосаксы, как и другие древние германские племена, проживавшие на территории современной Великобритании, имели лишь одно имя, которое могло быть простым (*Ceredig* – любезный, милый; *Hwīta* – белый, светлый, блестящий и др.) или сложным (*Eadric* – имущество + богатый; *Ethelbert* – благородный; отличный, превосходный + яркий, блестящий; светлый).

В процессе исторического развития, связанного с историей английского народа и английского языка, простые имена были вытеснены сложными, двухкомпонентными именами; после XIII века они не встречаются в номенклатуре английских личных имен.

Семантику одних древнеанглийских сложных имен можно легко понять из суммы значений, составляющих их компонентов. Например, *Eadward* (собственность + защита) или *Hereweald* (войско + управлять).

Значение других древнеанглийских сложных имен невозможно вывести из суммы значений, составляющих их. Так, имена *Frithuwulf* (мир, безопасность; убежище, приют + волк) или *Wīgfrith* (борьба; спор, раздор; война + мир; безопасность; убежище, приют) имеют противоположные по семантике компоненты.

Компоненты сложных имен черпались из особого фонда древнеанглийских именных слов. Англосаксы верили в магические свойства «благожелательных» именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д.

При именовании детей родители старались сохранить элементы своих имен, тем самым сохраняя статусные свойства семейного имени. В начале VII века племянник короля Нортумбрии Эдвина *Hererīc* (войско + могущественный) и его жена *Brezuswīd* (господин + сильный, деятельный) назвали свою дочь *Hereswīd* (войско + сильный) [5, 123].

Король Уэссекса *Aethelwulf* (благородный; отличный, превосходный + волк), правивший в 839 г., и его жена *Osburga* (божество + замок, крепость) назвали своих сыновей *Aethelstan* (благородный + камень), *Aethelbald* (благородный + смелый), *Aethelbeorht* (благородный + яркий, блестящий; светлый), *Aethelred* (благородный + совет; ум, мудрый), *Aelfred* (хороший советник) и дочь *Aethelswith* (благородный + сильный, неустовый, суровый).

Имена собственные правителей Уэссекса, их жен и детей являются сложными (двухкомпонентными) по своей структуре.

Ниже приведены примеры древнеанглийских слов, являющихся наиболее распространенными компонентами имен собственных правителей Уэссекса.

Древнеанглийское слово	Значение
aelf	эльф
aethel	благородный, отличный, превосходный
beorht	яркий, блестящий, светлый
eald	старинный, старый, прежний
gar	копье
gifu, gyfu	дар, подарок
god	хороший, добро
raed	совет, решение
rice	могущественный, высокого звания, богатый
sige	победа
stan	камень
weard	стража, защита, покровительство, хранитель
wig	борьба, война, доблесть, военная сила
wine	друг
wulf	волк и другие

Некоторые из этих слов имели, по-видимому, строго определенное место в сложном имени, т.е. они могли быть либо только первым, либо только вторым компонентом имени, а часть именных слов могла занимать любое из этих двух мест. Например, слова *aelf*, *athele*, *ead*, *eald*, *god*, *gold* употреблялись лишь в качестве первых компонентов композиты (*Aethelstan*, *Aelfraed*, *Eadrice*, *Godwine*), слова *beald*, *gar*, *gifu*, *raed*, *rice*, *stan*, *weard* — в качестве вторых (*Eadweard*, *Coenraed*, *Eadgar*, *Cynrice*), а *beorht*, *leof*, *maer*, *sige*, *wig*, *wine*, *wulf* — в качестве любых компонентов сложных имен (*Aethelwulf*, *Wulfnorth*, *Cuthwine*, *Leofwine*).

Принадлежность лиц к одной семье указывалась использованием мотивированных аллонимов (от англ. *allonym*. – вариантное наименование лица, географического объекта и т.п.), созданных либо путем аллитерации, либо путем комбинирования компонентов имен родителей. Английский ономотолог Уитикомб приводит следующий любопытный пример аллонимов с аллитерацией согласного [m]. Три дочери англосакса по имени *Merewald* носили имена *Mildthryth* (*мягкий, кроткий, милосердный + сила, мощь*; современное женское имя *Mildred*), *Mildburh* (*мягкий, кроткий, милосердный + обитание за стенами; крепость, замок*) и *Mildgyth* (*"мягкий, кроткий, милосердный + война, битва"*) [4, 11].

В именах собственных правителей Уэссекса и их детей в период с 519 – 688 гг. прослеживается аллитерация согласного [k]: *Cedric*, *Cynric*, *Cutha*, *Ceol*, *Ceolwulf*, *Cyneglis*, *Cwichehm*, *Cuthraed*, *Ceolwald*, *Cuthwine* и т.д., а в период с 865 по 1066 гг. аллитерация гласных [æ]: *Aethelwold*, *Aethelbald*, *Aethelgyth*, *Aethelhelm*, *Aelfthryth*, *Aelfweard* и [e]: *Edward*, *Edwin*, *Elfrida*, *Edwy*, *Edmund*, *Edith*.

По структурным и семантическим признакам древнеанглийские женские имена ничем не отличались от имен мужских. Показателем рода имени выступал второй компонент. У мужских имен он был представлен именами существительными мужского рода: *gar* – копье, дротик; *hafoc* – ястреб; *helm* – шлем; *here* – армия, войско; *man* – человек; *raed* – совет, решение, причина, средство; *sige* – победа; *stan* – камень; *sunu* – сын; *weard* – сторож, хранитель; *wig* – борьба; *wine* – друг.

Вторым компонентом женских имен, соответственно, были имена существительные женского рода: *burg*, *burn* – обитание за стеной, крепость, замок; *frithu* – мир; *gyfu*, *gifu* – дар, подарок; *guth* – битва, война; *hen* – курица; *gun* – тайна, секрет, тайный совет.

В качестве вторых компонентов использовались также имена прилагательные. У мужских имен это, как правило, имена прилагательные, указывающие на общественное положение и черты характера носителя имени: *beald* – смелый, самоуверенный, крутой; *beorht* – яркий, блестящий, светлый; *heah* – высокий; *heard* – твердый; *rice* – могущественный, высокого звания, богатый [4, 11].

Среди женских имен Уэссекса наиболее употребительны словами в качестве первого компонента являются:

- *ael* (33 %) *Aelgifu*, *Aelflaed*;
- *elf* (13 %) *Elfleda*, *Elfrida*;
- *cuth* (13 %) *Cuthburge*;
- *ead* (6 %) *Eadburh*;
- *ethel* (6 %) *Ethelfleda*;

в качестве второго компонента:

- *burh* (33 %) *Seaxburh*, *Eadburh*, *Cuthburga*, *Redburga*;
- *gifu* (13 %) *Aelgifu*, *Aelgifu*.

В общей сложности нами было рассмотрено 118 имен собственных правителей Уэссекса, их жен и детей, 112 из них древнеанглийского происхождения. Остальные были заимствованы из других языков (например, *Agatha* – от др. греч. *agathe* – добрая хорошая; *Margaret* – от лат. *margarita* – жемчужина и т.д.). Из них только 10 % сохранились в современном английском именнике:

Нечаева А. В.

ТРАДИЦИИ НАИМЕНОВАНИЯ В АНГОЛОСАКСОНСКИХ КОРОЛЕВСКИХ ДИНАСТИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УЭССЕКСКОГО КОРОЛЕВСТВА)

Aelfraed – совр. Alfred (Альфред);
Aethelraed – совр. Ethelred (Этелред);
Coenred – совр. Conrad (Конрад);
Eadgar – совр. Edgar (Эдгар);
Eadgyth – совр. Edith (Идит);
Eadmund – совр. Edmund (Эдмунд);
Eadwine – совр. Edwin (Эдуин, Эдвин);
Ealhmund – совр. Almond (Амонд);
Godwine – совр. Godwin (Годуин, Годвин);
Hereweald – совр. Harold (Харолд, Гарольд);
Ine – совр. Ina (Айна).

В VII веке началось обращение Англии в христианскую религию, что повлекло за собой вытеснение англосаксонских языческих имен собственных. Монастыри и школы, преподавание в которых велось на латинском языке, постепенно становятся центрами распространения древнегреческой, римской языческой и христианской культуры. Номенклатура личных имен начинает пополняться библейскими именами, непонятными для основной массы населения. Члены королевской семьи и высшие должностные лица начинают именоваться каноническими христианскими именами.

Крупным историческим событием, повлиявшим на дальнейшее развитие английского народа и английского языка, как известно, является вторжение в Англию норманнов, жителей северной области Франции – Нормандии. В 1066 году, после разгрома войск англосаксов при Гастингсе, герцог Нормандии Вильгельм был провозглашен королем Англии. Высшие гражданские и церковные должности заняли прибывшие с ним и переселявшиеся позже чиновники и представители духовенства, говорившие на нормано-французском языке — разновидности старофранцузского языка. Завоеватели импортировали свои антропонимы (современные имена William, Robert, Richard, Ralph, Roger, Hugo и др.), которые вскоре стали вытеснять англосаксонские имена.

Имена собственные неразрывно связаны с разнообразными сферами человеческой деятельности. Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призмы, через которую можно видеть общество и культуру, в ней отражается познавательный опыт народа, его культурно-историческое развитие. В то же время имена собственные, выполняя ряд схожих социальных функций, имеют свои особенности в каждом конкретном языке, входя в систему данного языка и развиваясь по его законам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильсон, Дэвид М. Англосаксы. Покорители кельтской Британии / Дэвид М. Вильсон. – М.: Центрполиграф, 2004. – 190 с.
2. Из истории английских личных имен. Режим доступа – <http://www.imena.org/enamhist.html>.
3. Мельникова, Е. А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе / Е. А. Мельникова. – М.: Мысль, 1987. – 203 с.
4. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен / А. И. Рыбакин. – М.: Русский язык, 1989. – 224 с.
5. Сборник упражнений по истории английского языка. Древнеанглийский период : учеб. пособие / Ю. С. Григорьева [и др.]. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2008. – 284 с.
6. Ярцева, В. Н. Развитие национального литературного английского языка / В. Н. Ярцева. – М.: Либроком, 2009. – 288 с.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A.A.Shuneyko, I.A.Avdeenko

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

PRECONDITIONS FOR INFORMATION/COMMUNICATIVE EVENT SCENARIO REALIZATION

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue, 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Language Studies, Amur Humanitarian and Educational State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. Предпосылками сценариев информационно-коммуникативных событий называется совокупность факторов, обуславливающих возникновение сценария непосредственно в коммуникативном пространстве. Эти факторы связаны с особенностями состояния инициатора сценария и коммуникативной среды, в которой он в данный момент функционирует. Все они носят личный и социальный характер.

Summary. Preconditions for information and communicative events scenario realization are a range of factors which stipulate the scenario's origin directly in the communicative space. These factors depend on the peculiarities of the state of the scenario initiator and the communicative medium in which he/she is acting at this moment. They all have personal and social nature.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, предпосылка, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Key-words: information-communicative event scenario, precondition, information field, communicative space.

УДК 804.0:801.1

Среди характеристик сценариев информационно-коммуникативных событий [1, 2] особое место занимают их предпосылки. Предпосылками сценариев информационно-коммуникативных событий называется совокупность факторов, обуславливающих возникновение сценария непосредственно в коммуникативном пространстве. Эти факторы связаны с особенностями состояния инициатора сценария и коммуникативной среды, в которой он в данный момент функционирует. Все они носят личный и социальный характер. Предпо-

сылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий формируются в результате самоорганизации коммуникативного пространства при взаимодействии с информационной основой, возникающей в процессе самоорганизации информационного пространства. В своей совокупности предпосылки и информационная основа приводят к возникновению сценария.

Каждый из сценариев имеет уникальные и универсальные (характерные для нескольких сценариев) предпосылки. При этом универсальные предпосылки в каждом сценарии не тождественны, а выступают в наборе и вариантах, специфических для того или иного сценария. Для реализации любого сценария всегда имеется несколько предпосылок, поэтому при их описании целесообразно указать уникальные (свойственные лишь данному сценарию) и перечислить возможные универсальные (свойственные многим сценариям) предпосылки, наиболее характерные для данного сценария.

Предпосылки реализации сценария допроса

Уникальными предпосылками реализации сценария допроса являются недостаточность информации у инициатора и его предположение о наличии недостающих информационных элементов у собеседника, желание что-либо узнать, представление о том, что у собеседника эта информация есть.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего, обещание собеседника, предшествующие поступки, например, человек работает врачом, поэтому задает всем вопросы о здоровье, обещал наступать – поэтому стучит); 2) стечение обстоятельств времени и места (сдача экзамена, прохождение билетного и таможенного контроля, оформление виз, кредитов); 3) запрос информации другим участником (например, проведение социологического опроса); 4) претендование участника коммуникации на что-либо (повышение / сохранение статуса в той или иной области, например, человек задает вопросы, на которые кроме него самого никто ответить не может и этим самоутверждается); 5) игра (интеллектуальная (викторина) или игра в загадочность, например «Что? Где? Когда?», конкурс «Допрос» в рамках «Смеха без правил»); 6) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, «Как вас зовут?»); 7) желание показать свою власть или подчиненность (задавание вопросов, отвечая на которые собеседник демонстрирует свои уязвимость или доминирование); 8) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (например, «Там кто-то есть?»); 9) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, «Ты давно был у врача?»); 10) навязчивые состояния (ревность, паранойя, например, ревнивая жена постоянно спрашивает «Дорогой, где ты был?», стремление к допросным формам как таковым); 11) стремление изменить ход разговора (например, «Это единственная тема, на которую ты можешь говорить?»); 12) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, потребности в общении, например, «Может быть поговорим?»); 13) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, человек не помнит событий вчерашнего вечера и спрашивает о них у свидетелей); 14) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (задавание вопросов «Который час?», «Где я?» и др.); 15) ритуальные или ритуализованные действия (например, компоненты обряда посвящения в масоны, обряда венчания и др.); 16) поиски истины (например, в ситуации врач – больной); 17) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 18) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария отчета

Уникальными предпосылками реализации сценария отчета являются наличие у инициатора информации и желания, потребности, возможности или необходимости вербализовать её и распространить в тех границах, которые в данный момент доступны говорящему (от частной беседы до СМИ мирового уровня).

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые частные или административные обязательства (профессия говорящего, обещание собеседнику, предшествующие поступки, ситуация подведения итогов, например, отчет по науке в конце учебного года); 2) творческие потребности в самореализации (например, написание мемуаров); 3) желание показать и утвердить свое место в иерархии (сообщение окружающим того, как нужно воспринимать говорящего и как к нему относиться; как правило, это отчет о действительных или мнимых победах или достижениях); 4) реализация и вымещение комплексов (например, перечисление своих титулов и званий при покупке унитаза); 5) стечение обстоятельств времени и места (например, озвучивание последней воли, оформление завещания, ненавязчивое, уместное, искреннее поздравление); 6) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, брачное объявление в газете); 7) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (например, пояснения к действиям, событиям, комментирование текстов и происшествий); 8) навязчивые состояния (ревность, паранойя, например, ревнивая жена рассказывает мужу, где он на самом деле, по её мнению, был в рабочее время); 9) стремление изменить ход разговора (например, чтобы не отвечать на вопросы, человек много говорит по своей инициативе); 10) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, потребности в общении, например, разговор с самим собой); 11) ораторский зуд или гипертрофированное желание говорить (сплетничество, эмоциональное или интеллектуальное возбуждение); 12) стремление расширить пространственные или временные рамки существования (создание речевых «памятников», от высоких образцов до «Здесь был Вася»); 13) патологическое стукачество, стремление к отчетным формам как таковым; 14) ритуальные или ритуализованные действия (например, исповедь лукавого прихожанина лживому попу); 15) стремление создать стереотип восприятия (например, серия репортажей типа президент в самолете, президент на подводной лодке, президент в сельской школе, которая направлена на создание стереотипа близости власти к населению России, заинтересованности в жизни людей); 16) желание показать власть над другим человеком или ситуацией (например, знакомство, начинающееся с перечисления собственных титулов и должностей); 17) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 18) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария миротворчества

Уникальными предпосылками реализации сценария миротворчества являются наличие потенциального или актуального, реального или мнимого, внешнего или внутреннего конфликта, а также наличие у инициатора потребности или необходимости его нейтрализовать или устранить.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего, обещание собеседнику, предшествующие поступки, например, человек работает конфликтологом, согласился нейтрализовать данный конфликт, потому что ранее у него это получалось); 2) стечение обстоятельств времени и места (непреднамеренное включение в конфликтную ситуацию, вынужденный контакт с конфликтующими сторонами при том, что продолжение конфликта препятствует намерениям говорящего, например, человек хочет уснуть, а ему мешают скандалящие соседи, или он застрял в лифте с двумя дерущимися); 3) претендование участника коммуникации на что-либо (повышение / сохранение статуса в той или иной области, например, в застольном споре человек пытается показать, что он главный среди собравшихся); 4) игра (человек выступает в роли рефери или судьи в неофициальном соревновании); 5) стремление установить отношения (познакомиться с кем-либо, например, человек наблюдает какой-либо конфликт, спрашивает, может ли он чем-то помочь, и тем самым знакомится); 6) желание показать свою власть (например, начальник говорит подчиненным, что он принял волевое решение, чтобы все не передрались); 7) стремление преодолеть преграду разногласий или субъективных восприятий (например, сын предлагает завести собаку, потому что она не царапается, дочь – кошку, по-

тому что она не кусается, отец тогда предлагает завести канарейку, потому что она не царапается и не кусается; человек решает всех примирить, чтобы его оставили в покое); 8) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, человек предлагает собеседнику успокоиться, определиться и т.д.); 9) навязчивые состояния, ораторский зуд или гипертрофированное желание говорить (например, человек хочет говорить долго и переходит на решение конфликтов, проявляет стремление всех перемирить как таковое); 10) стремление изменить ход разговора (человек пытается перевести разговор из конфликтного в нейтральный); 11) стремление преодолеть информационный вакуум (человек решает сделать хоть что-нибудь, например, помирить кого-нибудь); 12) стремление рекрутировать себе собеседников в каком-либо деле или увеличить их число (например, чтобы люди выступили вместе, их нужно примирить); 13) стремление расширить пространственные или временные рамки существования (например, человек стремится войти в историю, как Молотов и Риббентроп); 14) ритуальные или ритуализованные действия (например, «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись»); 15) стремление сохранить групповое, социальное, национальное единство (например, человек примиряет двух друзей из компании, чтобы вся компания не раскололась); 16) стремление сохранить стабильность в чем-либо (например, Илья Ильич Обломов, который любит стабильность и всех в рамках стабильности); 17) желание высказать третью, компромиссную точку зрения; 18) желание ощутить свою власть над ситуацией и другим человеком; 19) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 20) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария провокации

Уникальной предпосылкой реализации сценария провокации является наличие у инициатора потребности (нравственной, идеологической, меркантильной и др.) в том, чтобы собеседник совершил нужное или ненужное говорящему или ему самому действие, реализуемое в поступке, который предполагает, что эта потребность будет полностью удовлетворена.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые или навязанные обязательства (профессия человека, например, тамада), или данные обещания (например, человек, который обещал другому, что разбудит его в шесть, после чего, соответственно, будит, или другой человек – профессиональный стукач и провокатор); 2) стечение обстоятельств времени и места (например, покупатель в магазине просит продавца подать какой-либо товар); 3) устранение нежелательных факторов ситуации (например, чтобы сократить очередь, подошедший говорит, что за углом кто-то уронил кошелек); 4) претендование участника коммуникации на что-либо (повышение / сохранение статуса в той или иной области, сохранение контроля, например, человек провоцирует другого на необдуманное высказывание, чтобы самому выглядеть умнее); 5) игра (например, подталкивание к неверному ходу); 6) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо, то есть тем или иным способом (например, изобразив обморок) сконцентрировать внимание на себе; 7) желание показать свою власть или подчиненность (эта предпосылка напрямую реализуется в приказе и его предвосхищении подчиненным); 8) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (например, говорящий провоцирует другого на поступок, выдающий его истинную сущность); 9) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (выговор, замечание, поучение, высказывания типа «Без отца в школу не являйся», «Я ему говорю – как об стену горох», «Выпорю как сидорову козу», «Лишу сладкого», «В угол поставлю», «Я тебе покажу, где раки зимуют») или заслуживающего похвалы (поощрение, благодарность); 10) навязчивые состояния (например, патологический сплетник, пакостник, бретер, стремление к провокации как таковой); 11) стремление изменить ход разговора (например, говорящий отвлекает внимание собеседника); 12) стремление преодолеть информационный и событийный вакуум (например, человек разговаривает сам с собой, чтобы включиться в разговор с окружающими); 13) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, говорящий активизирует

умственную деятельность собеседника словами «Пока не вспомнишь – не уйдешь», «Думай быстрее», «Я тебе в сотый раз повторяю: будь внимателен»); 14) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, удары ночью в стену, чтобы услышать фразу «Кто там бьется о стену в три часа ночи?»); 15) ритуальные или ритуализованные действия (например, поздравление, подарок, чествования, награды и др., инаугурационная речь президента); 16) стремление к объединению или разъединению людей и групп (например, создание образа общего врага объединяет людей), сводничество; 17) нежелание выполнять действие самостоятельно (например, «Вынеси мусор», «Помой посуду») или желание переложить часть своих забот на другого; 18) стремление к дестабилизации (например, человек вмешивается в естественное движение событий, чтобы изменить их итог самим фактом включения (например, окликнуть лунатика)); 19) стремление скрыть некомпетентность, незнание («А самому слабо?»); 20) желание ощутить свою власть на другом человеком; 21) стремление перенаправить активность человека в другое русло; 22) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 23) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария самонавязывания

Уникальными предпосылками реализации сценария самонавязывания являются наличие у инициатора дискомфорта от недостатка внимания (соответствующего или не соответствующего действительности представления, что внимания уделяется недостаточно) и потребности максимально увеличить внимание к себе со стороны конкретного человека, определенной или неопределенной группы.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего, обещание собеседнику или третьему лицу, например, инициатор договаривается с третьим лицом, что полностью завладеет вниманием собеседника, внедряется спецслужбами как провокатор или зарабатывает легальным или нелегальным аферизмом, а также является квалифицированным врачом, адвокатом, преподавателем и т.д.); 2) стечение обстоятельств места и времени (существование человека в обществе требует включения человека в контакт, что осуществляется путем самонавязывания, например, для большинства людей поездка в поезде – условие неперемногого самонавязывания, так же как для многих – многодневный поход, стояние в очереди, отбывание срока в тюрьме и другие ситуации вынужденного контакта); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (например, человек участвует в избирательной кампании, ищет единомышленников или работу); 4) игра (например, кто быстрее познакомится); 5) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, «Дайте воды напиться, а то так есть хочется, что аж переночевать негде», «Не такой плохой я прям уж, выходи за меня замуж» (Горячие головы)); 6) желание показать свою власть или подчиненность (например, начальник каждое утро проводит бессмысленные планерки, на которых требует отчета о том, что сделано за ночь; подчиненный советуется по каждому делу с начальником); 7) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия или деформировать представление о себе (например, «Не смотрите, что я такой невзрачный. Зато я умею много говорить, я побывал во многих странах и меня за это нужно уважать и слушать мое мнение»); 8) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, «Что ты всё газету читаешь, обрати внимание на меня или я пустое место?»); 9) навязчивые состояния (например, мания величия, которая в истории неоднократно обращалась в попытки навязать себя всему миру, или поведение бытового патологического прилипалы, стремление к самонавязыванию как таковому); 10) стремление изменить ход разговора (например, «Что ты только о себе говоришь? Поинтересуйся моими проблемами»); 11) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, потребности в общении, например, люди, которые ничего не знают, говорят исключительно о себе); 12) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, барышня обращается ко

всем за оценкой своего нового платья); 13) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, «Помогите мне, я не местный, как мне проехать к вокзалу, только не автобусом, а то меня укачивает» и др.); 14) крайнее себялюбие, сопряженное с заботой о ближнем, разговорчивостью, болтливостью (например, человек не может не озвучить свое мнение, поскольку считает себя мудрым наставником для всех); 15) стремление расширить пространственные или временные рамки существования (включение себя в контекст вечных категорий, великих людей и т.п.); 16) потребность избавиться от внутренних комплексов (человек, который ощущает себя ничтожным, тем более склонен привлекать к себе внимание); 17) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (например, брошенный супруг раздражает бросившего звонками, письмами и т.д.); 18) паразитизм, вампиризм на бытовом и социальном уровне (например, акции НБП направлены на то, чтобы оказаться на волне и в случае удачного стечения обстоятельств приписать заслуги себе); 19) избыток жизненной активности человека, направленный в социум (например, Андрей Макаревич – и поэт, и музыкант, и певец, и повар, и телеведущий, и путешественник, и актер, и шоумен); 20) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (например, «Это принадлежит мне по природному праву»); 21) восприятие себя в качестве образца для подражания других людей; 22) стремление скрыть некомпетентность, отсутствие знаний в какой-либо области; 23) желание ощутить свою власть над другим человеком; 24) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 25) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария отпугивания

Уникальными предпосылками реализации сценария отпугивания являются желание сделать невозможным двусторонний равноправный контакт с собеседником путем актуализации своих действительных или мнимых характеристик, которые со стороны собеседника делают продолжение такого контакта по тем или иным причинам существенно затруднительным; осознание того, что в рамках данной коммуникативной ситуации конкретный собеседник или группа собеседников являются для говорящего ненужными, необязательными или излишними в качестве активных деятелей, и что по этой причине их необходимо вытеснить за рамки данной коммуникативной ситуации или превратить в пассивных слушателей; иными словами осознание того, что коммуникативный контакт с лицом или лицами необходимо прекратить или перевести в пассивный план за счет того, чтобы тем или иным способом их напугать, а также создать труднопреодолимую преграду для общения; желание утвердить себя в рамках коммуникативной ситуации в качестве единственного активного деятеля, полностью контролирующего её ход вне зависимости от коммуникативных потребностей собеседника. Две главные предпосылки: устранить собеседника вообще или сделать пассивным – связаны со стремлением расчистить себе поле для коммуникативной деятельности.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего, обещание собеседнику или третьему лицу, например, вышибала, телохранитель); 2) стечение обстоятельств места и времени (попадание в ситуацию, в которой продолжение контакта опасно, например, встреча с гопником в темном переулке); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (например, в криминальных структурах кого больше боятся – тот и авторитетнее); 4) игра (например, в фильме «Как отделаться от парня за 10 дней» героиня ведет себя в рамках этого сценария исключительно по игровым соображениям); 5) стремление установить отношения (например, при желании установить контакт с кем-либо преступник терроризирует его родственника); 6) желание показать свою власть (например, начальник каждое утро демонстрирует агрессию в отношении подчиненных, чтобы препятствовать их инициативе, ср. образ Органчика из «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина); 7) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия или деформировать представление о себе (например, «Вы не думайте, что я такой добрый и беззащитный, я злой»; «Для нас любовь и истина, и пища, но

можем дать и по лицу за родную Катманду» (Крематорий)); 8) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (типичный пример – поведение учителей и воспитателей: «Я тебя из класса выгоню, уши надеру, родителей вызову, двойку поставлю»); 9) навязчивые состояния (например, комплекс Бармалея, который казался себе слишком добрым для Бармалея, а также стремление к самоценному отпугиванию); 10) стремление изменить ход разговора (например, анекдот: Звери хвастаются друг перед другом. Медведь слушал-слушал и говорит: «А я! А у меня! А я вам всем морду набью»); 11) стремление преодолеть информационный вакуум, свой или собеседника (состояние скуки, потребности в общении, например, гопники, которые пугают людей от нечего делать, рассказывание страшилок); 12) крайнее себялюбие, связанное с крайней мизантропией (например, человек старается всех распугать и один остаться); 13) стремление расширить пространственные или временные рамки существования (например, слава Герострата); 14) потребность избавиться от внутренних комплексов (человек, который ощущает себя трусом, тем более склонен запугивать окружающих); 15) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека или социума (например, злая, требовательная жена или администратор, проникающий в сознание своей злобой и т.д., ср. также фразу В. В. Путина, с которой он вошел в национальное сознание: «Мы будем бандитов мочить в сортирах»); 16) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (например, воинственные крики спортсменов, тупой наезд); 17) стремление устранить излишнюю активность (например, «Программа Максимум» создает такой поток ужаса, что человек успокаивается в отношении своих проблем); 18) потребность установить режим молчания и безропотного подчинения (на этом строится армия, упоминания о каре за грехи в христианстве и любое тоталитарное государство); 19) ритуальные или ритуализованные действия (например, элементы масонского посвящения, связанные с испытаниями); 20) стремление скрыть незнание, неумение, некомпетентность («Еще слово на эту тему и ты в глаз получишь»); 21) желание ощутить свою власть над другим человеком; 22) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 23) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария состязания

Уникальными предпосылками реализации сценария состязания являются осознание инициатором того, что его статус в данной коммуникативной ситуации не соответствует его потребностям, желаниям, намерениям, устремлениям, нуждам для предполагаемого комфортного существования, реальному или мнимому положению дел и, в связи с этим, стремление повысить свой статус посредством соперничества, соревнования с другими участниками коммуникативной ситуации; понимание необходимости устранить помехи, обусловленные реальным или мнимым статусом инициатора, собеседников, а также связанными с этим статусом вещами.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего, обещание собеседнику или третьему лицу, например, игра КВН, где команды обязаны спонсору, адвокат и прокурор во время судебного разбирательства); 2) стечение обстоятельств места и времени (невольное попадание в ситуацию спора, например, отстаивание своего места в очереди или права на покупку какой-либо вещи на распродаже); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (например, выборы и связанное с ними участие в теледебатах); 4) игра (например, «Своя игра», «Что? Где? Когда?», «Смех без правил», где в отличие от КВНа у участников есть обязательства только перед собой); 5) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, борьба за потенциального воображаемого или реального жениха); 6) желание показать свою власть или более высокую степень подчиненности другому лицу (например, бытовой спор, кто в доме хозяин, или состязание в подхалимстве, при котором доказывается более высокая степень подхалимства, чем у другого лица, либо ситуация «ты мне не начальник, мои начальники находятся выше»); 7) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия или деформировать представление о себе (например, «Что ж вы такие бед-

ные, если такие умные», «Я здесь главное, хотя и университетов не заканчивал»); 8) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, насмешки над ограниченным, ущербным в коммуникативном отношении человеком); 9) навязчивые состояния (например, мания величия, ревность, сутяжничество, стремление к соревновательности как таковой – не ради победы, а ради участия); 10) стремление изменить ход разговора (например, состязание, кто кого перекричит в сваре); 11) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, потребности в доминировании, например, спор от нечего делать или желание растоптать кого-либо, чтобы хоть чем-то заняться); 12) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, спор о том, когда и где произошло событие); 13) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, спор двух главных персонажей в начале фильма «Кин-дза-дза» о том, в какой пустыне они находятся); 14) крайнее себялюбие, эгоцентризм (например, человек вступает в состязание потому, что всех считает ничтожествами); 15) стремление расширить пространственные или временные рамки существования (вступление в эпохальные споры, чтобы войти в историю); 16) потребность избавиться от внутренних комплексов (человек, который ощущает себя ничтожным, тем более склонен вызывать других на поединки); 17) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (например, жена спорит по любому поводу и тем постоянно актуализируется); 18) паразитизм, вампиризм на бытовом и социальном уровне (вся совокупность ситуаций, описанных в басне «Слон и Моська»: «Знать она сильна, коль лает на слона»); 19) избыток жизненной активности человека, направленный в социум (в терминологии Н. Гумилева, пассионарность, например, Петр I спорил со всей Россией и не только с ней); 20) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (например, любое судебное разбирательство по имущественным спорам); 21) осознание себя арбитром, который устанавливает правила игры (например, манера поведения Сократа, который осознал свою миссию как родовспоможение в поиске истины); 22) стремление к истине, осознание собственной правоты (научный спор); 23) ритуальные или ритуализованные действия (например, защита квалификационных работ, споры различных сторон при канонизации святых); 24) стремление взять на себя ответственность («Только я решу все ваши проблемы»); 25) стремление оказать покровительство; 26) признание за собой способности играть руководящую роль; 27) желание ощутить свою власть над ситуацией и другим человеком; 28) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 29) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария подчинения

Универсальными предпосылками реализации сценария подчинения являются осознание инициатором того, что его статус в данной коммуникативной ситуации не соответствует его потребностям, желаниям, намерениям, устремлениям, нуждам для предполагаемого комфортного существования, реальному или мнимому положению дел и, в связи с этим, стремление понизить свой статус посредством подчеркивания своего подчиненного положения по отношению с другими участниками коммуникативной ситуации, своей зависимости от них и того, что в актуальных для данной ситуации отношениях он уступает по значимости (хуже соображает, меньше знает, обладает меньшими правами и возможностями, не способен к самостоятельным действиям). Актуализация всех этих характеристик так или иначе должна показать зависимость инициатора от другого участника или участников ситуации. Предпосылкой реализации сценария является также понимание необходимости устранить помехи, обусловленные реальным или мнимым излишне высоким статусом инициатора, заниженным статусом собеседников, а также связанными с этим вещами.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего (слуга), обещание собеседнику или третьему лицу (исполнение последней воли или строгого наказа: «Слушайся учителя» и т.п.; служба в армии (присягой солдат дает обязательство подчиняться); действия спортивного судьи, ссылающе-

гося на правила); 2) стечение обстоятельств места и времени (места заключения, сдача в плен, подчинение с целью самосохранения); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (типичный шестерка, прислужник, Молчалин); 4) игра (поддавки); 5) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, «Вы не объясните мне...»); 6) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия или деформировать представление о себе (например, «Да, что ты, не комплексуй. Я знаю гораздо меньше, чем ты»); 7) навязчивые состояния (комплексы, фобии, чрезмерная религиозность); 8) стремление изменить ход разговора (например, смена темы под предлогом того, что инициатор не разбирается в текущей схеме или «Что об этом спорить, я со всеми претензиями согласен»); 9) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, желание послушать какой-либо разговор, лишая себя права голоса); 10) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, в ситуации реального непонимания, незнания, хотя в этом случае реализуется и сценарий допроса или провокации: «Расскажите, пожалуйста, что происходило в то время...»); 11) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (с аналогичным обозначенному в предыдущем пункте соотношением с провокацией и допросом); 12) крайнее самоедство (например, «Я несовершеннолетний, девушки меня не любят, всё из рук валится»); 13) стремление влиться в пространственные или временные рамки существования (стать таким как все (конформизм)) или расширить их (стать самым преданным подчиненным того, кто точно войдет в историю); 14) потребность избавиться от внутренних комплексов (например, завышенной самооценки), хотя при этом прививаются другие комплексы; 15) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (например, делегирование ответственности за себя как несчастного, ущербного, убогого); 16) паразитизм, вампиризм на бытовом и социальном уровне (вся совокупность ситуаций типа «Жираф большой! Ему видней»); 17) недостаток жизненной активности человека («Не могу уже с этим бороться», «Пусть всё идет, как идет», «куда кривая выведет»); 18) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (например, в качестве награды за собственную службу или как право убогого); 19) осознание другого арбитром, который устанавливает правила игры (например, «Ты начальник, тебе и решать»); 20) стремление к истине (признание своей неправоты и переход к другим действиям, соответствующим принятой позиции); 21) ритуальные или ритуализованные действия (например, армейские, тюремные, спортивные посвящения, хадж и т.п., этикетные формулы типа «Недостойный раб твой Ивашка челом бьет», сдача ключей от города); 22) стремление снять с себя ответственность («Да делайте, что хотите! Я умываю руки, подчиняясь вашей воле»); 23) стремление усыпить бдительность, быть незаметным, избегая тем самым наказания за инициативность и необходимости что-либо делать; 24) стремление получить защиту в лице покровителя; 25) тактическая уступка (гамбит), желание, проигрывая в части, выиграть в целом; 26) фактический проигрыш в состязании как сценарии; 27) искреннее признание руководящей роли за кем-либо; 28) стремление включиться в объединение людей (через подчинение групповым интересам); 29) стремление скрыть незнание, отсутствие умений, способностей («Я с вами полностью согласен»); 30) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 31) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария создания

Уникальными предпосылками реализации сценария создания являются ощущение инициатором того, что существующая картина мира не даёт впечатления полноты, неверна, включает в себя какие-то пробелы или ложные положения, и связанное с этим желание что-либо изменить, то есть внутренний дискомфорт, обусловленный не личностным существованием, а миропорядком.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) наличие резонирующей с настроением инициатора группы; 2) обострение в окружающем мире факторов,

которые дестабилизируют, подчеркивают несовершенство устойчивых представлений; 3) стечение обстоятельств места и времени (невольное попадание в среду, способствующую дестабилизации инициатора); 4) желание показать свою независимость от мира, власть над ним; 5) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (мир – это не то, чем кажется); 6) восприятие поведения коллектива в качестве неадекватного (например, люди строят свою жизнь или делают ложные умозаключения на основе ложных ценностей и постулатов); 7) навязчивые состояния (например, повышенная чувствительность, невроз, обостренные аналитические способности, видения); 8) стремление изменить ход исторического процесса («Куда мы катимся?»); 9) стремление преодолеть информационный вакуум (вследствие идеологических, эстетических и физических внешних ограничений); 10) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (например, в чём смысл жизни; кто мы, откуда и куда идём); 11) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, для чего я здесь); 12) крайнее себялюбие, эгоцентризм («Я эталон. Все должны жить, как я»); 13) наличие в судьбе таких событий, которые могут свидетельствовать о её исключительности (например, таинственное происхождение, природные знамения и т.д.); 14) стремление расширить пространственные или временные рамки существования («Как нужно жить, чтобы жить вечно»); 15) потребность избавиться от внутренних комплексов («Я бедный и со мной не общаются... Так, может, в бедности истина»); 16) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека («Следуя за мной, вы познаете истину»); 17) вампиризм на бытовом и социальном уровне (подпитываясь энергией других людей, человек стремится удерживать и наращивать количество жертв и последователей); 18) избыток жизненной активности человека, направленный в социум («У меня столько сил, что могу всё решить»); 19) стремление к истине (служение ей), осознание собственной правоты (научный спор); 20) ритуальные или ритуализованные действия, вызывающие явное отторжение (например, языческое жертвоприношение, которое наводит на мысль, что жертвовать нужно чем-то другим); 21) ощущение ответственности за судьбу мира; 22) признание собственной исключительности; 23) ощущение потенциальной возможности власти над ситуацией и другим человеком; 24) желание противодействовать грядущим следствиям из нынешнего положения вещей; 25) гипертрофированные коммуникативные способности; 26) высокая степень внутренней свободы, неподверженность стереотипам или их незнание; 27) экстраординарная способность к самоорганизации, концентрации, развитая наблюдательность; 28) незнание того, что делать нельзя, и того, что сделать невозможно (деятельность Кюри и алхимиков); 29) способность напрямую подключаться к информационному пространству; 30) результаты реализации других сценариев; 31) случай.

Предпосылки реализации сценария уничтожения

Уникальными предпосылками реализации сценария уничтожения являются ощущение инициатором того, что существующая картина мира неверна, избыточна, включает в себя лишние компоненты, ложные положения, и связанное с этим желание что-либо изменить, то есть внутренний дискомфорт, обусловленный не личностным существованием, а миропорядком; стремление удалить эти лишние компоненты, потребность уменьшить количество актуальных для картины мира идеальных или материальных объектов.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (например, человек обещал отцу, что будет бороться с несправедливостью), профессия (милиционер, начальник городской свалки, дворник); 2) наличие резонирующей с настроением инициатора группы; 3) обострение в окружающем мире факторов подчеркивают излишество представлений; 4) стечение обстоятельств места и времени (включение в среду, исповедующую аналогичные представления); 5) желание показать свою независимость от мира, власть над ним; 6) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (мир на самом деле проще, вы легко обойдетесь без этого); 7) восприятие поведения коллектива в качестве неадекватного (например, «Вам это не нужно, а только мешает жить»); 8) на-

вязчивые состояния (фобии, при которых человек чего-либо боится и стремится устранить условия, в которых существует опасность); 9) стремление изменить ход исторического процесса («Пусть не будет такого государства, такой нации и т.п.»); 10) стремление преодолеть информационный вакуум («Если об этом сказать нечего, то зачем оно нужно?»); 11) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий («Без этого всё встанет на свои места»); 12) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении («Если я вырублю этот лес, мне станет понятно, где я нахожусь»); 13) крайнее себялюбие, эгоцентризм («В мире ничего не нужно, кроме меня»); 14) наличие в судьбе таких событий, которые могут свидетельствовать о её исключительности (например, таинственное происхождение, природные знамения и т.д.); 15) стремление расширить пространственные или временные рамки существования («Я войду в историю, как человек, который уничтожил Берлинскую стену»); 16) потребность избавиться от внутренних комплексов («Я могу без этого жить»); 17) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (в том числе путем злонамеренного разрушения этого внутреннего мира или более значимых его компонентов); 18) вампиризм на бытовом и социальном уровне («Я вас этого лишу, и вы помучаетесь»); 19) избыток жизненной активности человека, направленный в социум («Делать нечего. Дайка я сломаю что-нибудь»); 20) стремление к истине (служение ей), осознание собственной правоты (научный спор); 21) ритуальные или ритуализованные действия, вызывающие явное отторжение (например, языческое жертвоприношение, которое наводит на мысль, что жертвовать вообще не надо); 22) ощущение ответственности за судьбу мира; 23) признание собственной исключительности; 24) ощущение потенциальной возможности власти над ситуацией и другим человеком; 25) желание противодействовать грядущим следствиям из нынешнего положения вещей; 26) гипертрофированные коммуникативные способности; 27) высокая степень внутренней свободы, неподверженность стереотипам или их незнание; 28) экстраординарная способность к самоорганизации, концентрации, развитая наблюдательность; 29) незнание того, что делать нельзя, и того, что сделать невозможно; 30) способность напрямую подключаться к информационному пространству; 31) результаты реализации других сценариев; 32) случай.

Предпосылки реализации сценария эксперимента

Уникальными предпосылками реализации сценария эксперимента являются осознание инициатором того, что его знания о коммуникативных формах в данной коммуникативной ситуации или вне зависимости от нее не удовлетворяют его потребности, желания, намерения, устремления, нужды для предполагаемого комфортного существования, не вполне адекватны реальному или мнимому положению дел и, в связи с этим, стремление расширить эти знания, проверить истинность прежних знаний, заменить старые знания на новые, выявить неведомые аспекты бытования материала. Вся эта деятельность находится в сфере осознанных или неосознанных, планируемых или непланируемых метаязыковых процедур. Стремление к той или иной деформации имеющихся знаний подчинено познавательным устремлениям, замкнутым исключительно на коммуникативных формах и не выходящим за их пределы. Обращение к языковым формам в рамках этого сценария во многом обусловлено потребностью человека в постоянном совершенствовании языка как основной сферы существования, определяющей мировидение и осознание человеком действительности. Эти действия неизменно побуждают инициатора находиться в постоянном взаимодействии с диктатором языка, отказаться от внеязыковой реальности с необязательной перспективой возврата к ней через совокупность собственных языковых представлений. Таким образом, основная предпосылка этого сценария сводится к удовлетворению личного или группового интереса, затрагивающего коммуникативные формы.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего (тренер кадрового агентства, профессиональный лингвист, лингвоэксперт, преподаватель любой дисциплины), обещание собеседнику или треть-

ему лицу (обещание соблюдать какие-либо речевые правила, покровительство, договор с издательством); 2) стечение обстоятельств места и времени (необходимость ситуативно или постоянно существовать в так или иначе чужеродной языковой среде другой культуры или субкультуры); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (деятельность, связанная с квалификационными процедурами или требованиями статуса; привлечение внимания к собственной персоне, подчинение другого человека своей воле); 4) игра (буриме, снежный ком, 20 вопросов и др.); 5) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, «Вы не знаете, где находится нофелет?»); 6) стремление преодолеть преграду непосредственного восприятия (переформулировки вопроса, направленные на повышение его доступности и общее понимание); 7) навязчивые состояния (комплексы, фобии, чрезмерная религиозность, синдром экспериментатора, графомания, навязчивое стремление быть оригинальным); 8) стремление изменить ход разговора (например, смена темы путем перехода к языковой игре: « – Пойдем вечером в кино? / – А ты знаешь рифму к слову «пойдем»?»); 9) стремление преодолеть информационный вакуум (состояние скуки, желание чем-нибудь занять свое сознание, например, рифмоплетство); 10) стремление разобрататься в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (установление времени языковых изменений, ареала распространения языкового явления) или его языковой проекции (как то или иное событие назвать, в какие смысловые категории поместить); 11) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, задавая вопросы на разных языках, если не известно, как оказался в чужой стране); 12) крайнее самоедство или себялюбие (например, «А правильно ли я говорю?», «А что, если бы все говорили так же правильно, как и я?»); 13) стремление влиться в пространственные или временные рамки существования (знакомство с новым языком, речевой конформизм) или расширить их (сказать так, чтобы войти в историю, как Северянин вошел в словарь со словом «бездарь»); 14) потребность избавиться от внутренних комплексов (например, заниженной самооценки); 15) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (заставляя его задумываться над нетривиально сказанным); 16) паразитизм на бытовом и социальном уровне (собственная интерпретация и включение в свою деятельность словесных монстров типа «бизнес-инкубатор», «инновационный человек»; сознательное перевираание текста с целью самоутвердиться, становясь выше автора); 17) избыток или недостаток жизненной активности человека (незапланированные выступления на митингах со стремлением зажечь толпу идиотскими идеями; смешные и глупые попытки выдать продукт своего речетворчества за деятельность); 18) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (приоритет авторства, связанный с первой номинацией чего-либо, например, новой науки, новой элементарной частицы); 19) осознание арбитром, который устанавливает правила игры, себя (например, «Не я ли своему слову хозяин? Говорю, как считаю нужным, не считаясь с мнением окружающих») или другого (подстройка под его речь с целью узнать, получится ли говорить так же); 20) стремление к истине (решение высоких задач чистой науки, попытка выяснить, какая манера речи более органична, а какая чужда); 21) ритуальные или ритуализованные действия (например, гадание, камлание шамана); 22) стремление снять с себя ответственность (проявить неадекватность в речи); 23) стремление усыпить бдительность, быть незаметным (забалтывание, подстройка к речи окружающих); 24) переосмысление стереотипных установок (например, садистские стишки, пародия); 25) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, согласие следовать неадекватному плану, чтобы выявить несостоятельность руководителя); 26) стремление к творческой самореализации (языкотворчество (в том числе создание шифров), художественное творчество вообще); 27) стремление заключить речевые проявления в определенные рамки, сделать свою и / или чужую речь лучше в том или ином отношении (нормализаторская деятельность, строительство литературных языков и языковая политика); 28) стремление скрыть незнание, заполняя паузы импровизированным текстом; 29) стремление ощутить свою власть над коммуникативными формами («Что хочу, то и де-

лаю: хочу – слова наоборот произношу, хочу – пишу со всеми возможными ошибками»); 30) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 31) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Предпосылки реализации сценария мимикрии

Уникальными предпосылками реализации сценария мимикрии являются осознание инициатором того, что прямая реализация его цели не приведет к необходимому эффекту, а следовательно, её нужно скрыть за коммуникативной формой, связанной с достижением какой-либо другой цели; понимание того, что действие в лоб, напрямую, поведение в строгом соответствии с коммуникативными стереотипами, ожиданиями собеседника не удовлетворяет его потребностей, желаний, намерений, устремлений, нужд для предполагаемого комфортного существования. Вся эта деятельность находится в сфере осознанных или неосознанных, планируемых или непланируемых процедур подстановки и замены коммуникативных форм (например, реализация одного сценария под маской другого: допросить провоцируя, подчиниться самонавязываясь, отпугнуть экспериментируя и т.д., при этом следует подчеркнуть, что любой сценарий может быть реализован под маской другого). Стремление к той или иной замене коммуникативных форм подчинено желанию обмануть, создать иллюзию использования этих форм в их прямых значениях. Обращение к языковым формам в рамках этого сценария во многом обусловлено потребностью человека адаптироваться к изменяющимся условиям, лгать, скрытничать, создавать о себе ложное впечатление, действовать из-под маски, скрывать свое истинное лицо и действительные цели, замещать правду правдоподобием.

Кроме того, в состав предпосылок этого сценария могут включаться: 1) ранее взятые обязательства (профессия говорящего (актер, пародист, аферист, страховой агент, коммивояжер, шпион), обещание собеседнику или третьему лицу (например, переодевание родителей в Деда Мороза и Снегурочку); 2) стечение обстоятельств места и времени (например, неподготовившийся к экзамену студент делает вид, что всё знает); 3) желание получить или закрепить свое место в социальной структуре (например, оборотни в погонах); 4) игра («обмани меня»); 5) стремление установить отношения, познакомиться с кем-либо (например, стерва может прикинуться непосредственной, милой, пушистой); 6) стремление создать или преодолеть преграду непосредственного восприятия (смена имиджа, направленная на то, чтобы быть понятым или непонятым, например, стать временно злым, чтобы собеседник понял доброту в остальных случаях); 7) навязчивые состояния (комплексы); 8) стремление изменить ход разговора (например, притвориться уснувшим, непонимающим, сосредоточенным на другой проблеме); 9) стремление преодолеть информационный вакуум (например, разыгрывать самому сценки с участием разных персонажей); 10) стремление разобраться в чем-либо, сконцентрироваться на пространственно-временном плане событий (поместить себя в воображаемые условия, представить себя кем-либо, например, Наполеоном); 11) стремление уточнить, выяснить, скорректировать свое положение в пространственном и временном отношении (например, при похищении можно разыгрывать из себя подслеповатого и глуховатого, чтобы похитители проговорились о месте содержания); 12) крайнее самоедство или себялюбие (например, возлюбить себя так, что наряжаться царем); 13) стремление влиться в пространственные или временные рамки существования (притвориться таким как все) или расширить их (например, выдавая себя за другое известное лицо, выступать в качестве исторического самозванца); 14) потребность избавиться от внутренних комплексов (например, стараться казаться развязным, чтобы избавиться от излишней робости); 15) желание активно существовать во внутреннем мире другого человека (показывать безразличие к человеку, чтобы он старался привлечь к себе внимание, либо показывать наиболее приятную этому человеку манеру поведения); 16) паразитизм на бытовом и социальном уровне (аферисты и нищие); 17) избыток или недостаток жизненной активности человека (самоценная ложь); 18) желание застолбить пространство, объявить права собственности на что-либо (например, притвориться иностранцем, чтобы получить столик в ресторане);

19) осознание арбитром, который устанавливает правила игры, себя (например, использование речевых масок арбитров) или другого (подстройка под его речь с целью показаться подражателем); 20) стремление к истине (попытка выяснить, какая роль более органична, а какая чужда); 21) ритуальные или ритуализованные действия (например, маскарад, переодевание в Деда Мороза); 22) стремление снять с себя ответственность (сымитировать неадекватность поведения); 23) стремление усыпить бдительность, быть незаметным (слиться с коммуникативным фоном и не выделяться на нем – приспособленчество); 24) восприятие поведения собеседника в качестве неадекватного (например, казаться еще более неадекватным, разыграть роль врача-психиатра); 25) стремление к имитации творческой самореализации (неистребимое актерство, писание на потребу дня в соответствии с идеологией, с которой не согласен); 26) стремление заключить речевые проявления в определенные рамки, сделать свою и/или чужую речь лучше в том или ином отношении (подражание классическим образцам, демократическим ориентирам и абсолютным либеральным ценностям); 27) стремление скрыть незнание (симулировать рассуждение на эту тему или замещающие рассуждение формы); 28) стремление к смене социальных ролей («Я могу быть таким, таким, таким и таким»); 29) стремление к включению в общество или группу (подстраиваясь под тип поведения); 30) коммуникативное заражение (подражание более сильным коммуникативным образцам, в том числе – мимикрическим); 31) основанное на знании или предположении предвосхищение желания другого реализовать нежелательный сценарий; 32) подготовка почвы для реализации другого сценария.

Уникальные предпосылки дифференцируют сценарии информационно-коммуникативных событий, а универсальные – объединяют их. Взаимодействие уникальных и универсальных предпосылок в том или ином сочетании задает динамику развития информационно-коммуникативных событий, коммуникативного пространства, коммуникативных способностей человека, является одним из факторов самоорганизации и обеспечивает многообразие коммуникативных форм, где тождественное известному часто оказывается новым. Знание человеком предпосылок реализации сценариев повышает меру его адекватности в коммуникативном поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(1). – С. 58-64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 2-2(2). – С. 86-98.

Уважаемые читатели, в прошлом номере произошла досадная ошибка: при наборе было пропущено окончание статьи Шунейко А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – № 2-2(2). – С. 86-98. Публикуем его здесь:

Целевые установки сценария мимикрии

Цель реализации данного сценария – проверить коммуникативные формы на проницаемость, скрыть настоящую целевую установку, ради которой реализуется коммуникативный контакт, обратить форму в инструмент достижения тайной цели, спрятанной за внешне несоответствующими ей коммуникативными единицами. Такой характер использования коммуникативных единиц может продуцироваться за счет того, что инициатор переводит

свои истинные желания в подтекст, делает их неочевидными, прячет, никак внешне не проявляет, маскирует, использует одни коммуникативные единицы вместо других, надевает на себя маску, не соответствующую действительной задаче, декларирует не те установки, которые преследует на самом деле, заменяет действительность мнимостью. Например, допрос можно реализовать в форме провокации (подтолкнуть собеседника к тому, что он сам выложит всю информацию), миротворчество можно реализовать в форме отчета (рассказывать о чем-либо постороннем, пока все не успокоится), отпугивание – в форме самонавязывания (перегрузить собеседника информацией, которая оттолкнет его) и т.д. Эти действия инициатор может пытаться производить практически в любой сфере. В частности – в сфере бытовой или государственной дезинформации (Я в этом ничего не понимаю, поэтому буду задавать умные вопросы. Я ничего не могу, поэтому буду много говорить), терапии (Расскажите мне и сами все поймете), в создании мифов и стереотипов (Думайте, что это правда), в рекламе (Это не реклама), в квазинауке (Это настоящая наука), СМИ (Мы настоящие свободные СМИ, нам никто не диктует, мы никого не обманываем, ничего не говорим за деньги), аферизма (Это подарок, доставку которого нужно оплатить. Вложи рубль – получишь десять).

Все эти устремления сводятся к формуле «Я могу всех обмануть», то есть инициатора волнует категория использования коммуникативных форм, подлинная целевая установка которых известна только ему. Он принимает на себя роль питона, прикидывающегося веточкой, чтобы поймать кролика. При этом его может интересовать или не интересовать реальная польза от такого поведения. Главное – спрятать его истинную цель, создать иллюзию того, что коммуникативные единицы используются по прямому назначению.

Такая подмена требует использования различных форм маскировки, камуфляжа, прикрытия и в зависимости от конкретных целей, условий, отпущенного времени и характера собеседника способов их оптимизации, но наиболее часто – смены одной нормы на другую, дезинформации, ролевой игры, актерских навыков, манипуляции коммуникативными стереотипами, быстрого переключения, мгновенной реакции, способности быть иным, знания всего многообразия форм и их функций, усыпления и переключения внимания собеседника.

Принятие собеседником маскировочных коммуникативных единиц инициатора за чистую монету, успешная реализация обмана является показателем завершения сценария.

Любой сценарий – это всегда игра с реальностью, попытка заменить одну реальность другой, причем замещение может иметь прагматические цели со стороны инициатора или не иметь таковых. В первом случае желание инициатора совпадает с целевыми установками сценария, а во втором – не совпадает или противоречит. В последнем случае инициатор всё равно втягивается в сценарий, хочет он того или нет. В этом смысле осознанный контроль целевых установок сценария позволяет ему быть адекватным ситуации, экономить силы и нервы, не обращая внимания на иллюзии и фантомы. Впрочем, в подавляющем большинстве случаев инициатор действует автоматически, неосознанно. В любом случае, механизмы, запускающие сценарии, гораздо сильнее воли человека.

Замещение реальностей в ходе сценария может реализоваться в жизнеподобных или в нежизнеподобных формах (карнавал, мифотворчество, небылица). Подмена реальностей может быть опасна тем, что для участника сценария велика вероятность заблудиться, запутаться в реальностях и потерять актуальную для данного момента действительность. И в то же время она способна открывать новые горизонты восприятия сущего.

ЛИТЕРАТУРА

1 Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(1). – С. 58-64.

Шушарина Г. А.

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Шушарина Г. А.

G.A.Shusharina

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

METHODS OF LINGUISTIC MANIPULATION IN USA'S POLITICAL DISCOURSE

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольско-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amure Technical University (Russia, Komsomolsk-na-Amure). Komsomolsk-na-Amure, pr. Lenina 9 - 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

Аннотация. В современном политическом дискурсе США активно используются приемы речевого манипулирования, среди которых рассматриваются языковая игра, навешивание ярлыков, намеки и др.

Summary. Different methods of verbal manipulation are widely used in the political discourse of the USA. The article deals with such ones as quibbling, pinning labels, hinting, etc.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевое манипулирование, пресуппозиция, намек, ярлыки.

Key-words: Discourse, political discourse, linguistic manipulation, presupposition, hint, labels.

УДК 81 (075)

Теория дискурса является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания. Неслучайно современный этап развития лингвистики характеризуют принятием «принципиально новой онтологии социально-психологического человеческого гуманитарного мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального физического мира» [5, 16]. Эту онтологию условно называют дискурсивной. Если в старой онтологии важную роль играли пространственно-временные рамки: «какая-либо сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени», то для дискурсивных изысканий решающее значение имеют вопросы «кто это сказал, кому, как, о чем, с какой целью» [5, 17].

В современной лингвистике все более утверждается понимание дискурса как ментального пространства или особого ментального мира, за которым следует особый отбор языковых средств [7, 34]. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина» [8, 6]. В. З. Демьянков называет дискурсом «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [2, 12]. Интерпретируя текст, адресат находит в нем «реальное и желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел» [2, 12]. Интерпретатор находит в этом «мысленном мире» характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий, например по-

ступков действующих лиц, и т.д. Этот мир включает также домысливаемые интерпретатором на основе собственного жизненного опыта детали и оценки.

Приведенные определения дискурса позволяют вычлениить политический дискурс как тип дискурса. В настоящей работе под политическим дискурсом понимается «дискурс, употребляемый в определенных (политических) ситуациях» [2, 12].

В когнитивных исследованиях политического дискурса выделилось направление, изучающее способы воздействия на сознание, что означает манипуляцию сознанием. Манипуляция представляет собой «специфическое поведение, осуществляемое путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [3, 25]. Главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием считается США, где велико влияние СМИ. Исходным в основе технологии манипуляции лежит постулат о внушаемости посредством слов [10, 51].

Для современного политического дискурса США характерны способы речевого воздействия, направленные на введение того знания в модель мира человека, которое удобно и необходимо для политика в данный момент. Более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное, очевидное знание, а «такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия, тратить ресурсы» [1, 176].

Рассмотрим некоторые наиболее частотные приемы речевого воздействия, представляющие собой неотъемлемую часть политического дискурса.

Среди приемов речевого воздействия, которые приводят к возникновению нескольких смысловых планов в содержании высказывания, можно назвать языковую игру. Языковая игра – это нестандартное, отклоняющееся от нормы использование языковых выражений, целью которого является не передача информации, а затруднение понимания [1, 229]. Языковая игра позволяет фиксировать в сознании адресата нужную говорящему языковую форму и при этом избежать ответственности за необоснованные обвинения. Например, в контексте «*I would say that the cost of the various left-wing policies starting with the grotesque health bills in the House and Senate. The giant energy tax passed by the House. The terribly weak policies on terrorism. The huge deficits*» многочисленные эпитеты указывают на крайне негативную ситуацию, сложившуюся в парламенте. Левое крыло Палаты представителей и Сената принимает нелепые законы (grotesque bills), облагает граждан гигантскими налогами (giant tax), проводит ужасно слабую политику в отношении терроризма (terribly weak policies). В стране наблюдается огромный дефицит (huge deficits).

But the president is going to use the most over-used words in Washington and the most meaningless words and that is (F. Thompson, Senator). В рассматриваемом контексте языковая игра в форме неоднократного повтора корневой морфемы «use» и употребление превосходной степени сравнения прилагательных подчеркивают слишком частое использование президентом одних и тех же (most over-used) совершенно бессмысленных слов (most meaningless).

It is still an infrastructural nightmare if you get outside of major cities and certainly if you start going to the Far East. So I think we should be calm (C. Rice).

В приведенном фрагменте выступления государственного секретаря США Кондолизы Райс ситуация с инфраструктурой в России сравнивается с ночным кошмаром (nightmare), который становится все более пугающим за пределами крупных городов, и особенно на Дальнем Востоке. В результате такого речевого воздействия в сознании граждан США укрепляется образ России как отсталой, слабо развитой страны.

Значительная часть приемов речевого воздействия предназначена для скрытого манипулирования сознанием адресата. Один из приемов такого типа является «навязывание пресуппозиции» [1, 191]. Под пресуппозицией понимают такую часть смысла высказывания, которая, с точки зрения говорящего, является общеизвестной. Пресуппозиция противопоставляется утверждению, которое относится к эксплицитной части плана содержания высказывания. Прием речевого воздействия заключается в том, что семантическая информация, важная для говорящего, подается им не как новое знание, которое требует рационального и осознанного анализа, а как нечто само собой разумеющееся и известное [1, 193]. Такие пресуппозиции носят название «прагматические пресуппозиции» [5, 136]. Так, в контексте «*If our leaders don't wake up soon, the economy will be brought to its knees. Great danger lies ahead* (Ron Paul, Congressman)» в виде пресуппозиции представлена информация о том, что лидеры государства не предпринимают каких-либо действий для поддержания экономики, они закрывают глаза на существующие в стране проблемы.

При навязывании пресуппозиции адресат некритически воспринимает информацию, помещенную в пресуппозиционную часть плана содержания высказывания. Например, во фразе «*Pretending that politicians, central bankers, and regulators have the knowledge to centrally plan the economy and police the world, only makes matters worse* (R. Paul, Congressman)» фокус внимания сосредоточен на идее «pretending», т.е. на том, что банкиры, эксперты и политики лишь создают видимость централизации экономики. Между тем «отсутствие у руководителей единого плана развития экономики» подается как очевидное, известное, о чем свидетельствует все ухудшающаяся ситуация в государстве (*only makes matters worse*).

Пресуппозиция может вводиться с помощью вопроса: *Are we to believe that 30000 more troops are needed to defeat 100 al-Qaeda fighters?* (R. Paul, Congressman). Общеизвестная информация в приведенном фрагменте содержится в модальной грамматической структуре «to be to + инфинитив», которая используется для выражения приказов или инструкций. Очевидно, что граждан заставляют поверить в необходимость отправить еще десятки тысяч солдат на войну с террористами.

С помощью сослагательного наклонения в вопросительном предложении «*How else would he propose hundreds of billions in tax breaks for big corporations and oil companies but not one penny of tax relief to more than 100 mln Americans?*» адресант демонстрирует свою иллюзивную цель. И это, на наш взгляд, обеспечивает успешность осуществления задуманного им действия. Первая часть высказывания *How else would he* представляет собой констатив: говорящий внушает адресату информацию, представленную во второй части высказывания. Таким образом, в сознании народа прочно закрепляется мысль о том, что министр сделал налоговое послабление в миллиарды долларов крупным нефтяным корпорациям и не уменьшил выплату налогов простым обывателям.

Навязывание пресуппозиции в виде вопроса широко используется конгрессменами. Так, в вопросе Рона Пола «*We are going to spend millions of dollars to help create jobs in Yemen as we continue to shed jobs in the US?*» актуализируется информация о том, что в США продолжают избавляться от рабочих мест и создают их в других странах. Интересно, что в вышеприведенном примере отсутствуют формальные признаки вопроса (вспомогательный глагол, инвертированный порядок слов). Тем самым подчеркивается утвердительный характер высказывания.

В качестве формы пресуппозиции часто употребляется антитеза. Политические противники противопоставляют себя друг другу, тем самым в сознании адресата складывается

положительный образ одного человека и отрицательный образ другого. В своих предвыборных выступлениях Барак Обама с помощью антитез «keep low – raise, open – close» актуализировал концептуальную оппозицию «свой – другой/чужой». «Свой» кандидат в президенты снижает налоги, «чужой» поднимает: *I'll keep taxes low and cut them where I can. My opponent will raise them.* «Свой» политик открывает новые рынки для США, «чужой» их закрывает: *I'll open new markets to our goods and services. My opponent will close them.* Психологическое воздействие усиливается и за счет использования глаголов в активном залоге (open, close, raise, etc), который, по мнению исследователей, привлекает внимание адресата непосредственно к тому, кто совершает действие [11, 17].

Среди способов имплицитного речевого воздействия присутствует намек. В толковых словарях слово «намек» толкуется как «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке». Иными словами, читатель должен сам прийти к каким-то выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека. «Эксплицитный комментарий автора текста превратил бы намек в обычное речевое высказывание, не несущее скрытого содержания, реализующего скрытую интенцию автора» [1, 207]. *By the way, I went there [Abkhazia] once, and we went inside and there was a huge poster. And this is – this is Georgian territory. And there was a huge poster of Vladimir Putin, and it said, "Vladimir Putin, our president". It was very clear, the Russian intentions towards Georgia. They were just waiting to seize the opportunity.* В приведенном примере американский политик на основе увиденного им в Абхазии огромного (huge) портрета российского премьера с надписью «Владимир Путин – наш президент» намекает на то, что военный конфликт России и Грузии не случаен, Россия уже давно намеревалась захватить принадлежащую Грузии территорию.

Дискредитация политического оппонента осуществляется по различным основаниям и различными способами, в том числе с помощью «аргументации, относящейся к недостаткам оппонента, как человека» [1, 184]. Так, в отношении политики американских президентов часто применяется причастие «failed», имеющее значение «провальный»: *that is the failed idea that if the us sends enough money to a foreign government* (R. Paul); *where the failed policies of interventionism, militarism* (R. Paul). Критикуя правительство, конгрессмены заявляют, что оно не уважает Сенат «*and not respecting the separation of powers*» (R. Paul), не понимает нависшей угрозы «*we have a president who simply does not acknowledge the nature of the threat that we face*» (F. Thompson). Главнокомандующий абсолютно пренебрегает своими обязанностями «*an extraordinary neglect of responsibilities of the commander-in-chief*» (C. Rice). Известный политик Джон Маккейн никогда не проявлял независимость *Senator McCain has been anything but independent.* Сенатор Маккейн, заявляя, что готов преследовать террористов и в аду, тем не менее, даже не приближался к месту их обитания: *John McCain likes to say that he will follow Bin Laden to the gates of hell – but he won't even go to the cave where he lives.* Исследователи политического дискурса, в частности Е.С. Шейгал, О.Л. Михалева, относят «переход на личности» к речевой агрессии как одной из форм речевого манипулирования [9; 6]. Оскорбление политического оппонента помогает реализовать основную цель политического дискурса, которая заключается в борьбе за власть. В. З. Демьянков метафоризирует политический дискурс как поле боя, в обоих случаях необходимо уничтожить «боевую мощь противника – вооружение (то есть мнение и аргументы) и личный состав (дискредитация личности оппонента)» [2, 15].

Несмотря на то, что в настоящее время США переживает нелегкий период, связанный с экономическим кризисом, страна высказывает недовольство и политикой других государств. По мнению Дж. Макейна, российские лидеры коррумпированы, отвергают демократические идеалы и не несут ответственности за свои поступки: *Russia's leaders, rich with oil wealth and corrupt with power, have rejected democratic ideals and the obligations of a responsible power.* Россией руководит офицер КГБ, у которого в глазах отчетливо «видна» аббревиатура печально известного комитета государственной безопасности: «*Russia <...> is basically a KGB apparatchik-run government. I looked into Mr. Putin's eyes, and I saw three letters, a "K", a "G", and a "B"»* (J. McCain). В указанных отрывках можно наблюдать такой прием речевого манипулирования, как навешивание ярлыков, суть которого заключается в его обвинительной направленности и «закреплении в сознании аудитории чьего-либо дискредитирующего образа» [3, 87]. Распространенными ярлыками являются политические термины, официальные и экспрессивно-разговорные названия политических партий и движений, например, фашисты, национал-патриоты. Причиной активного функционирования ярлыков в современном политическом дискурсе исследователи называют «широкую политизацию и идеологическую дифференциацию современного общества в сочетании с низким уровнем дискутирования» [3, 88]. Ярлыки легко внедряются в сознание аудитории, поскольку они, как правило, являются краткими, выразительными, запоминающимися, широко цитируемыми речевыми оборотами.

Таким образом, в результате исследования установлено, что политический дискурс США изобилует приемами речевого манипулирования, которые направлены на реализацию основной цели политического дискурса, а именно борьбы за власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 592 с.
2. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – С. 154-157.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 224 с.
4. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
5. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
6. Михалева, О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009.
7. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. Н. Плотникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
8. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – 1995.
9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.; Волгоград, 2000.
10. Языковая репрезентация образа России в публицистическом дискурсе стран Запада и Востока: моногр. – Владивосток: Изд-во дальневосточного ун-та, 2009. – 248 с.
11. Nordlund, M. Linguistic manipulation. Cambridge, MA: Mit Press, 2000. – 302 p.
12. www1.voanews.com.
13. www.newsweek.com.
14. www.house.gov.

Есаулкова Л.С.
L.S.Esaulkova

**ФУНКЦИИ УСТОЙЧИВОСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ
В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

STABILITY AND CONTINUITY OF TRADITION IN CHINESE CULTURE

Лариса Сергеевна Есаулкова – старший преподаватель кафедры восточных языков Хабаровского пограничного института ФСБ России (Россия, Хабаровск); г. Хабаровск, ул. Ким Ю Чена, 43-163; 8(4212)22-77-02. E-mail: esaulkova.larisa@mail.ru

Ms. Larisa S. Esaulkova – Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Khabarovsk Border Guard Institute of the Russian Federation Federal Security Service, E-mail: esaulkova.larisa@mail.ru

Аннотация. В данной статье делается акцент на традиционной китайской культуре. В ней показано насколько китайцы чтят свои традиции и передают их из поколения в поколение. Также отражена колоссальная роль конфуцианских канонов в становлении и развитии культуры китайской нации.

Summary: The paper presents a close view of the traditional Chinese culture. It demonstrates the extent to which Chinese people revere their customs and traditions passed on from one generation to another. Also it conveys how greatly Confucian canons influenced the process of formation and development of Chinese culture.

Ключевые слова: Китай, конфуцианство, культура, культ предков, миропонимание, преемственность, традиция, ценности, этикет.

Key-words: China, Confucianism, culture, ancestor cult, worldview, succession, tradition, moral values, etiquette.

УДК 007

Исследованию различных аспектов китайского общества и его культуры посвящены многочисленные работы таких известных китаеведов, как В.В. Малявина [4], В.Я. Сидихменова [6], Л.С. Васильева [2], А.И. Кобзева [2] и др. Анализом традиционной культуры китайцев занимаются Л.С. Васильев, А.И. Кобзев, А.С. Мартынов и др., к современному состоянию культуры Китая обращено незначительное количество работ, в ряду которых следует отметить исследования Р. Соломона, В. Бауэра.

Исследователи уделяют значительное внимание проблемам этнокультурных архетипов, взаимосвязи и взаимообусловленности различных элементов китайской культуры, проводят анализ содержания духовных ценностей, исследуют актуальные проблемы сохранения социокультурной идентичности и межкультурного диалога, разрабатывают проблемы развития китайской культуры на современном этапе. Знание традиционной культуры поведения даёт нам не только возможность общаться с представителями других национальностей, но и основания для уважения чужих обычаев, какими бы непривычными они не казались бы на первый взгляд.

Культура – это опыт, который вбирает в себя человек в процессе деятельности, ее результаты, смыслы и ценности. Переломившись в сознании индивида, культура передается

как метапрограмма социально и исторически значимого опыта последующим поколениям в форме особого духовного кода жизнедеятельности. Миропонимание китайцев по своей сути традиционно, оно ориентировано на традицию, которая предполагает присутствие в обществе того, кто ее передает, и того, кто ее принимает. Таким образом, можно предположить, что «реальность» постоянно воспроизводится, передаваясь из поколения в поколение. Следовательно, она предполагает определенный иерархический строй субъектов: учитель – ученик, старший – младший, отец – сын и т.д. Причем каждая из сторон нуждается в другой, чтобы быть собой: учитель становится учителем, лишь имея ученика, и т.д. Отметим, что традиции, предназначенные для передачи последующим поколениям, переходят в новое состояние. Не что иное, как традиция, учит мудрости, – отмечает В.В. Малявин [4, 10]. Главный смысл социального значимого опыта культуры состоит в том, что он выступает для каждого отдельного человека, овладевшего им, в качестве руководства к действию, в качестве программы его поведения. Культура содержит программы человеческого поведения, воплощающие в себе духовный опыт многих поколений.

Китайскую культуру можно определить как результат тысячелетнего мировоззренческого общественно значимого опыта этноса, обладающего уникальными знаниями об окружающем мире и передающего эти знания в закодированном виде на уровне межличностного общения в форме наиболее значимых ценностей. Считается, что Китай является единственной мировой цивилизацией, которая зародилась еще в неолитическую эпоху и продолжает существовать по сей день. При этом важна не сама длительность ее бытия, сколько устойчивость и преемственность культурных традиций. Они никогда не прерывались, даже в периоды владычества чужеземных династий. Китайцы держатся традиционных взглядов на жизнь, занятий, обычаев и верований; они редко изменяют своим убеждениям. Наоборот, в большинстве случаев ко всему новому или чужому относятся недоверчиво, с предубеждением.

Эта культура сформировалась в своей основе в период правления Чжоуской династии (XI-VIII вв. до н.э.): именно тогда сложились основные государственные институты, нравственные ценности, определившие и характер китайской империи, и ядро китайской культуры, воспроизводящей и поддерживающей устойчивые представления ее носителей о нравственных обязанностях, нормах поведения, добре и зле, благе и совести, чести и долге. Механизм формирования ментальных основ китайской культуры был определен положениями этико-философского учения Конфуция.

Представим китайскую культуру в форме пирамиды, где основанием является отношение к «земле предков» и языку. В органическом единстве с природой китайцы, как и многие другие народы, формировали определенные менталитетом образ мышления, жизни, стереотипы поведения, ставшие основанием национальной картины мира в культуре китайцев. Фундаментом ступеней пирамиды стали установки культуры на формирование доминантных духовных идеалов, которые реализовались в мудрости, почитании предков, свободе.

На вершине пирамиды находятся ценности. Всякое суждение китайцев о ценностях культуры, так или иначе, касается проблемы преемственности в духовной практике человека, это следствие особого типа мышления. Ценности формируют ядро китайской культуры, определяют семантику таких категорий, как «почтительность», «разум», «человечность», «гуманность и человеколюбие», «честность и справедливость», «миролюбие и стремление к спокойствию». Почтительность в китайской культуре ассоциируется с воспитанностью, скромностью, хорошими манерами. Разум определяет мышление и поведение китайца, отвечает за то, чтобы принципы китайской этики не нарушались. Человечность ассоциируется с состраданием к людям, готовностью оказать им помощь. Гуманность, человеколюбие детер-

минированы способностью человека относиться ко всем окружающим его живым существам и предметам как связанным с ним кровным родством. Это согласуется с одним из положений учения Конфуция, которое гласит: «Человеколюбивый человек – это тот, кто, стремясь укрепить себя на правильном пути, помогает в этом и другим, стремясь добиться лучшего осуществления дел, помогает в этом и другим. Когда человек в состоянии руководствоваться примерами, взятыми из его непосредственной практики, это можно назвать способом осуществления человеколюбия ... Углублять знания, закалять волю, пытливо расспрашивать, всесторонне обдумывать – все это основа человеколюбия» [5, 43, 145].

Честность и справедливость определяют способность человека поступать открыто: «Руководствуйся преданностью и искренностью, действуй во имя справедливости – так приумножишь добродетель» [5, 85]. Миролюбие и стремление к спокойствию – эти понятия, согласно учению Конфуция, определяются следующим наставлением: «Совершенствуй себя, чтобы принести спокойствие другим. Совершенствуй себя, чтобы принести спокойствие народу» [5, 112]. По мнению Конфуция и его последователей, каждый человек, прежде всего, должен начать с себя, с процесса самосовершенствования с тем, чтобы принести спокойствие и миролюбие всем окружающим.

Семантически значимую функцию в культуре китайцев выполняет память о предках, которая по-прежнему является сердцевинной духовной жизни нации. Конфуций и его последователи повсеместно внедрили и строжайше регламентировали культ предков, в продолжение многих веков существовавший в почти неизменном виде. И именно с Конфуцием связан процесс преобразования культа предков в этико-религиозную систему, пронизывающую все слои общества и формирующую социокультурные отношения в государстве и обществе [1, 265]. В соответствии с его учением каждый китаец, будь то представитель знати или обычный простолюдин, должен: «при жизни родителей служить им, следуя ритуалу. Когда они умрут, похоронить их в соответствии с ритуалом и приносить им жертвы, руководствуясь ритуалом» [5, 8].

Если первый долг китайца состоял в выражении признательности Небу, то второй долг – в признательности предкам. На протяжении многих веков именно культ предков, т.е. обожествление и почитание общего предка рода по мужской линии, обрел особое значение. Китайцы должны знать своих предков, преклоняться перед ними, преподносить жертвоприношения к «алтарю предков». Они и по сей день имеются в деревенских домах, а в крупных городах китайцы покупают места в храмах для того, чтобы почтить память своих предков. Каждый китаец четко представляет свое место в роду, определяющееся традиционной системой отношений: «отец – сын», «старший – младший», «дети – родители», «муж – жена», «хозяин – гость» и т.д. Ни в одной структуре отношений человек не должен был уронить честь и достоинство, а значит, честь и достоинство своего рода, предков.

Старший по возрасту в семье и сейчас воспринимается как наиболее близко стоящий к предкам, а значит, богам, Небу. Поэтому уважение к старшим, почтительность, честь и достоинство человека являются одним из структуроопределяющих начал ядра китайской культуры. Сосредоточием культа предков является принцип «сыновней почтительности» – *сяо*. Его суть заключена в том, чтобы служить родителям, похоронить их, соблюдая установления, и приносить им жертвы, придерживаясь установлений. «Если при жизни отца следовать его воле, а после его смерти следовать его поступкам и в течение трех лет не изменять порядков, заведенных отцом, то это можно назвать сыновней почтительностью» [5, 5] – говорил Конфуций. Тем самым культ предков приобрел всеобъемлющее социокультурное значение: добродетельный сын – от простолюдина до императора – посвящает свою жизнь служению родителям и при их жизни, и после смерти [1, 266]. Идея значимости «сыновней почтительно-

Есаулкова Л. С.

ФУНКЦИИ УСТОЙЧИВОСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

сти» как составляющей части культа предков определяет «Луньюй» – основной труд Конфуция и его последователей: «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно тратить на чтение книг» [5, 3-4]. Французский китаевед А. Масперо так определил роль культа предков в жизни китайской семьи: «Она (китайская семья) – одновременно религиозное объединение. Каждая семья, собственно говоря, представляет собой религиозный мир, и религия воплощается в культе предков, от которого она происходит. Каждый семейный дом одновременно является храмом, где происходит чествование культа предков» [6, 130].

Такая форма культа усопших предков долгое время сохранялась в культуре Китая, несмотря на то, что неизбежно со временем вносились изменения в ритуалы, связанные с этим культом. Однако вплоть до падения феодальной монархии культ предков имел принципиальное значение во всех слоях китайского общества, будь то представители знати или простолюдины. Тем не менее, как бы простой человек ни верил в жизнь после смерти, он предпочитал ей земную. В китайской пословице об этом говорилось: «Лучше быть живым бедняком, чем мертвым императором» [6, 130].

Ментальное ядро культуры, определяющее код жизнедеятельности наций, состоит из структурно упорядоченных элементов: этические установки, ценности, характер отношения к миру, нравы, обычаи, традиции, поведенческие нормы и модели и др. В процессе межкультурных контактов обнаруживается разница между тем, как воспринимаются одни и те же ценности людьми разных культур. Тем не менее, можно выделить группу таких ценностей, которые всегда совпадают и по содержанию, и по характеру оценок. Такого рода ценности получили название универсальных или общечеловеческих. Их универсальный характер обусловлен свойствами социокультурного взаимодействия.

Ядро китайской культуры состоит из иерархически упорядоченных установок и ценностей, репрезентированных в быту и различных сферах деятельности по отношению к себе (Я), по отношению к старшим, женщинам, детям.

Установки/отношения			
Я	Старшие	Женщина	Дети
Справедливость, скромность, чувство меры, настойчивость, терпение, верность долгу	Почтительность, преклонение	Хозяйственность, коварство, тщеславие, легкомыслие, глупость	Забота, строгость, неограниченность отцовской власти

Ценности/предпочтения

Я	Старшие	Женщина	Дети
Честь, настойчивость, терпение	Вежливость	Повиновение мужу и свекрови, сдержанность, бесстрастность	Стойкое перенесение трудностей

По установкам и ценностям в своей среде:

В среде знати

Установки/отношения

Я	Старшие	Женщина	Дети
Высший по происхождению, свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	Чуткость (заботливость), почитание	Покорность, сдержанность	Избегать всего, что может изнежить юную душу

Ценности/предпочтения

Я	Старшие	Женщина	Дети
Свобода, наличие хороших и верных друзей	Вежливость, почтительность	Бесстрастность, покорность	Стойкое перенесение трудностей
В среде крестьян			

Установки/отношения

Я	Старшие	Женщина	Дети
Служить верно клану (роду)	Чуткость (заботливость)	Скромность, хозяйственность, покорность	Строгость

Ценности/предпочтения

Я	Старшие	Женщина	Дети
Честь	Чуткость (заботливость)	Скромность	Стойкое перенесение трудностей

Представители высших сословий имели наибольшую возможность соблюдения всех требований, установок и ценностей. Они выполняли их более детально и скрупулезно. Именно состоятельные слои населения имели возможность придерживаться закрепленных в этикете ценностных ориентаций. Этикет – ядро, центр традиционной культуры китайцев, обусловивший почитание старших, гостеприимство, умение контролировать свои чувства, эмоции, верность, умеренность, достоинство и т.д. Первые два – это, скорее, комплексы качеств, и их проявления строго регулируются этикетом: как приветствовать, прощаться, что спрашивать, отвечать, как предлагать, как благодарить, как входить в помещение, стоять, или сидеть и т.п.

Таким образом, на всех исторических этапах своего развития китайская культура осознавалась их носителями как целостность принципов, правил жизни, этических предписаний, обусловленных конфуцианской идеологией. Их выполнение являлось для жителей Поднебесной обязательным. Все события в жизни китайского народа сопровождались исполнением соответствующих церемоний, которые продолжают оказывать влияние на жизнь китайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, И. А. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая / И. А. Алимов, М. Е. Ермаков, А. С. Мартынов. – М.: Муравей, 1998. – С. 265-266.
2. Бокацин, А. А. Этика и ритуал в традиционном Китае: сб. статей / А. А. Бокацин, Л. С. Васильев, А. И. Кобзев. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 331 с.
3. Малявин, В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: ООО «Изд-во Астрель»: «ООО Издательство АСТ», 2001. – 632 с.
4. Малявин, В. В. Книга прозрений / В. В. Малявин. – М.: Наталис, 1997. – С. 10.
5. Переломов, Л. С. Конфуций: Луньюй / Л. С. Переломов. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 3-5, 8, 43, 85, 112, 145.
6. Сидихменов, В. Я. Китай: страницы прошлого / В. Я. Сидихменов. – Смоленск: Русич, 2000. – С. 130.

Иванов А. А., Захаров В. С.

ЛАНДШАФТНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ ИГРАХ ENCOUNTER

Иванов Ант.А., Захаров В.С.

A.A.Ivanov, V.S.Zacharov

**ЛАНДШАФТНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ ИГРАХ
ENCOUNTER**

**LANDSCAPE DESIGN PRACTICES IN CONTEMPORARY
URBAN “ENCOUNTER”-GAMES**

Иванов Антон Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681026, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 81/4, кв. 49; 8-924-227-12-66. E-mail: humungus72@mail.ru.

Mr. Anton A. Ivanov – PhD in Culturology, Senior Lecturer at the Department of Culture Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 81/4 Lenina St., flat 49, 8-924-227-12-66, humungus72@mail.ru.

Захаров Василий Сергеевич – ООО «Энигма», организатор игр «Encounter» в Комсомольске-на-Амуре (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681026, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 81/4, кв. 25; 8-924-228-84-11. E-mail: vampirusus@mail.ru.

Mr. Vasily S. Zacharov – ООО «Enigma», author and organizer of «Encounter» games in Komsomolsk-on-Amur, 681035 Komsomolsk-on-Amur, 81/4 Lenina St., flat 25, 8-924-228-84-11, e-mail: vampirusus@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены пространственные и ландшафтные практики в современных городских играх Encounter как феномен постмодернистской культуры. Игровые технологии трансформации городского пространства рассмотрены как механизмы виртуализации картины мира.

Summary: The spatial and landscape design practices in modern urban “Encounter”-games are presented in this paper as a post-modern culture phenomenon. Game technologies used for transformation of urban areas are considered as instruments of virtualization of worldview.

Ключевые слова: культурное пространство, культурный ландшафт, хронотоп, постмодернизм, виртуальность, игра, ризома, лабиринт.

Key-words: cultural space, cultural landscape, chronotopos, postmodernism, virtuality, game, rhizome, labyrinth.

УДК 008.001(07)

Параллельно с релятивистским размыванием корпуса ценностей современного человека идентичные процессы происходят в его внешнем пространственном и телесном измерении. Несмотря на однообразие повседневной рутинной деятельности современного рядового гражданина (в классическом смысле *civis* – горожанина) провинциального города, возникли в городской жизни иные пространственно-временные зоны, где не столько сами *топос* и *ландшафт*, сколько их *перцептуальные* (или *феноменологические*) модели существенно меняются.

Принципиальной значимостью в данном отношении обладают концепции городского пространства как *модели мира*, восходящие к работам классических исследователей культурного *топоса* Элиаде М., Вебера М., Бахтина М., а также концепции культурного ландшафта Туровского Р.Ф. и Веденина Ю.А.

Мирча Элиаде предложил центристскую модель традиционного городского пространства, метаморфозы которой в современной культуре мы постараемся осветить. Городской центр, репрезентируя *imago mundi*, «сакрален» и «элитарен». Потому он является локусом концентрации религиозных и культовых строений, институтов власти, деловой активности, массовых центров потребления и других узлов практической и символической деятельности признанных социальных групп и культурных элит. Другие компоненты городского пространства стремятся зафиксировать в своих зонах ментальные и аксиологические знаки центра, «размещая» на своей территории его священные атрибуты.

Пространство выступает одновременно как социальный интегратор и социальный дифференциатор. Оно выражает формы существования различных ландшафтных практик, в рамках которых реализовались различные модели освоения и поведения. Географическое пространство становится социально и символически сегментированным пространством, социальной картой, сконструированной так, по мнению Бурдьё П., «что агенты, группы или институции, размещенные в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга» [1]. Так, центр всегда традиционно закреплялся за культурной, финансовой и властной элитой, периферии оставались для люмпенизированных социальных групп. Возникает столь характерная организация пространства с «ухаженым», репрезентативным центром и эксплуатируемой, невзрачной периферией.

Топос становится феноменом культуры по мере накопления в нем, прежде всего, социальных признаков: освоенности, структурированности, осмысленности. Визуальный аспект такого культурного топоса выражает понятие *культурного ландшафта*. Туровский Р.Ф. толкует это понятие как «результат соприкосновения духовной жизни человека и территории; составной частью ландшафта являются исторические события, происходившие на данной местности, знаменитые люди, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные на этой местности и описывающие эту местность» [5, 29]. Ландшафт воспринимается как совокупность увиденных с разных точек зрения визуальных образов. Городские образы формируются набором элементов и метрическими соотношениями отдаленности или близости, создавая для жителя некую «иконографию» города. Характер этой иконографии может меняться в зависимости от темпоральных факторов: например, ночной или вечерний, повседневный или праздничный образы города. Город включает несколько временных шкал: географическое время, социальное время, индивидуальное время. Горожанин одновременно живет в нескольких временных и онтологических координатах. При этом городской ландшафт репрезентирует себя для жителей в двух формах:

- символический фоновый ландшафт (ярко выделяющиеся объекты: высокие здания и строения различного назначения, становящиеся привычными знаками особой иконографии города). В Комсомольске-на-Амуре к таким высотным фоновым символам города можно причислить здание со шпилем на площади Ленина, трубу ТЭЦ-1 и т.д.
- системы городских доминант: центральные улицы и площади, также формирующие городскую символику.

Исследователь Порозов Р.Ю. выделил следующие уровни культурного пространства города:

1. Макроуровень, на котором городское пространство представляется человеком как обобщенный образ, «гештальт». Он реализуется в семантической форме – городском именном пласте, городской топонимике, которая представлена как в прагматическом плане (в частности, в городской символике), так и в эмоционально-оценочном (на уровне отдельных субкультурных образований).

2. Мезоуровень, на котором выделяются конкретные элементы и локусы: дом, квартал, район. Данный уровень представлен в частности архитектурной городского пространства, под которой понимают общее устройство городской территории: архитектурно-

эстетический план, инфраструктурный план, а также дискурс отдельных элементов: рекламы, СМИ, транспорта, символики. Человек разрабатывает городскую архитектуру на трех уровнях: воздушном, наземном, подземном.

3. Микроуровень культурно-образовательного пространства города представлен личностью и индивидуальностью человека. Индивидуальное пространство задано тремя координатами, характеризующими отношения: «я могу», «мне нужно», «я нужен». Зоны частного самочувствия формируются на основе устойчивого эмоционального отношения к определенной части городского пространства. Зоной частного самочувствия в городском пространстве может быть дом, памятное место, природный ландшафт. Микроуровень городского пространства формирует индивидуальное восприятие города, перцептуальную модель города, новейшие образцы которой нас интересуют.

Различные социальные группы формируют особое пространственное кодированное поведение – это ландшафтные практики или патерны, представляющие собой привычные, символически или функционально значимые маршруты как знаки определенных социальных групп и городских субкультур. Схема маршрутов разворачивает определенный визуальный текст или нарратив о городе, а также текст о человеке как субъекте ландшафтной практики.

Важно отметить фрагментарность современного нарратива, отмеченную Порозовым Р.Ю. в работе «Виртуализация городского пространства: социокультурный аспект». Эта фрагментарность связана с умножением различных ландшафтных паттернов в социокультурном пространстве, а также с децентрализацией и неизбежной пространственной локализацией образа города. Как отмечает Губанова Е.Н., одной из причин пространственной локализации является «фрактальность, соположенность пространства человеку» [2, 8]. Образ города тем самым формируется из фрагментов городского пространства, складывающихся в схемы привычных маршрутов с соответствующим визуальным фоном.

Сегодня особый научный интерес вызывает процесс виртуализации культуры, и в этом отношении важен вопрос соотношения виртуального пространства с действительным. Эта проблема значима в общем контексте постмодернистской культуры. Исследователь Губанова Е.Н. выделила следующие характеристики перцептуального пространства в постмодернистских текстах: полисемантизм, интертекстуальность, амбивалентность, фрактальность, фрагментированность, плюральность, деформированность и т. д. Губановой Е.Н. отмечено характерное размывание границ пространственного объекта, «он утратил свои границы, целостность и стабильность, ... знак порывает с референциальностью в нелинейном дискурсе, существующем вне причинно-следственных связей и иерархической определенности» [2, 9].

Полисемантизм и интертекстуальность обуславливают взаимооборачивание реального и нереального. В этом отношении весьма показательным становится процесс переноса характеристик виртуального компьютерного пространства в действительное, как это происходит в современных городских играх Encounter, где город начинает осваиваться как зона компьютерной игры. Пространство города ассоциируется с компьютерной сетью, содержащей гиперссылки и позволяющей бесконечно долго перемещаться между «смыслами», каждый из которых не похож на предыдущий и последующий.

Encounter – это относительно молодое явление современной культуры повседневности, представляющее собой международную сеть городских игр. В переводе с английского термин означает «случайная встреча», «схватка», «неожиданное столкновение». Как таковая игра Encounter появилась впервые в Белоруссии в 2001 г. и первоначально существовала только в компьютерном виде как система игровых заданий и впоследствии вышла из виртуального в действительное пространство. Исследуя специальные характеристики игры, в качестве эмпирической базы мы взяли игры (чертежи, сценарии, схемы маршрутов), происходившие в г. Комсомольске-на-Амуре в 2007-2009 гг. Зона игр, как правило, охватывала территории города и Комсомольского района.

Из всех разновидностей игры (фотоохота, фотоэкстрим, мокрые войны, мозговой штурм) в ракурсе данного исследования нас интересует наиболее репрезентативный в топологическом аспекте и обладающий наибольшим количеством задач, высоким уровнем сложности и востребованности в командной игре первоначальный тип – схватка. В ней команда делится на штабных и полевых игроков. Штаб получает задание на сайте, полевые

выполняют различные миссии в реальном пространстве. Внутри игры существуют различные типы заданий:

- обычные логические задания, как правило, содержат слова, сходные с названиями улиц, остановок и других городских объектов, также могут в виде фотографий, планов, схем;
- ориентирование поисковое задание. Целью такого задания является код или ключ, который необходимо найти на местности;
- агентский уровень. Это поиск агент-человека, обладающего нужной информацией для прохождения уровня, здесь может быть задействован набор различных кодовых слов, опознавательных знаков, внешних признаков;
- уровень-конкурс. Например, конкурсы «флешмоб»;
- экстремальные задания, связанные с определенным риском для игроков. Чаще всего это поиск кода на высотных объектах.

К первичным предпосылкам трансформации перцептуального пространства относятся ролевые поведенческие типы, способствующие изменению привычных ландшафтных образцов. Прежде всего, это виртуальный персональный образ каждого участника, номинированный в виртуальном пространстве сети. Никнеймы или сетевые псевдонимы становятся обязательным ритуалом регистрации в командной группе. Далее следует распределение ролей в команде, связанное с уже устоявшейся функциональной структурой. В составе каждой команды есть установленные командные персоналии: капитан, драйвер (водитель), букер (координатор), навигатор, полевой игрок, штабной игрок. Хотя это довольно условное распределение, так как очень многие участники полифункциональны и совмещают различные игровые обязанности.

Наиболее репрезентативным в ракурсе нашего исследования направлением специфического ролевого поведения в Encounter являются упомянутые агентские уровни и флешмобы. Флешмоб – «это заранее спланированная массовая акция в общественном месте, в течение которой группа людей с максимально серьезным видом выполняют заранее оговоренные действия абсурдного содержания или предусмотренные сценарием и затем быстро расходятся...» [7]. Так, например, были разыграны сцены из «Мастер и Маргарита» на площади возле Театра Драмы (в сценарии «Патриаршие пруды») или импровизированный военный парад на площади Юности (в сценарии «Красная площадь»). Здесь важен эффект карнавализации пространства, достигаемый особым игровым поведением по сценарию и провокационными для окружающих костюмированными шествиями.

Сценарий игры, как правило, строится путем переименования существующих пространственных объектов. Тем самым осуществляется семиотическое перекодирование городского топоса в соответствии с различными культурными архетипами, актуализированными в сценарии. На символический код реального города накладывается иной код, пространственно идентичный, однако номинально нетождественный, созданный в соответствии с эстетикой игрового текста. Задача команды распознать во втором виртуально-игровом коде действительные локусы города. Так, площадь имени Кирова будет площадью Ленина (при уже существующей действительно площади Ленина в центре Комсомольска-на-Амуре), Дом культуры «Металлург» – Рейхстагом, пл. Юности – Красной площадью.

Специфические непривычные маршруты поисков, необходимые для создания определенного символического образа игры, иконически трансформируют городской ландшафт. В игре возможны различные последовательности прохождения топологических ориентиров, которые может выбрать автор игры: *линейная* – задания для всех команд расположены в одинаковом порядке, и последовательность установлена автором игры; *случайная* – задания для каждой команды приходят в случайно генерированном процессором алгоритме; *индивидуальная* – для каждой команды или участника; *штурмовая* – все команды в установленное время получают все задания, запланированные автором в игре. Просмотр планов маршрутов по пространственным ориентирам и кодовых систем-сценариев показал возможность их пересечения, вариативность следования экипажей, возможность возвращения на уже посещенные объекты.

Код не однозначен, в игре предполагается вариативность интерпретации сценария, иначе теряется радость разгадки. Одно кодовое имя в знаковой системе игры может значить

выход в два или больше мест, игра тем самым воспроизводит полисемантическую и нелинейную модель лабиринта как нового топоса города. Пространство игры – это «пространство догадки» и ризоматического лабиринта, выражаясь словами «Заметок на полях «Имени розы»» итальянского семиотика. Идеал топоса игры – это полисемантическая ризома, устроенная так, «что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой» [6, 602]. Линейное структурированное пространство города трансформируется в нелинейное ризоматическое пространство игровых маршрутов как множества децентрированных и асимметричных пространственных схем.

Также для игрового пространства Encounter характерен аксиологический перенос культурных центров, центробежная динамика игровых маршрутов и инверсия значения зон периферии и центра. Это показательно по критериям выбора маршрутов и мест для игры. Выбор объектов определяется, прежде всего, сюжетным контекстом игры; во-вторых, типом игровых заданий (флешмоб, поисковое задание и т.д.); в-третьих, удаленностью от других объектов, используемых в игре. Локусы флешмоб, как правило, являются часто посещаемыми общественными объектами символического значения для города, такие как: пл. Ленина, пл. Юности, Силюнский парк, парк Гагарина и т.д.

Для поискового уровня, как правило, используются удаленные от центра заброшенные постройки и разрушенные промышленные здания. В семиотическом плане это своеобразная подмена значений и создание альтернативной иконографии города. Поисковая игра происходит в зоне объектов, исключенных из повседневного обихода и потребностей городских жителей. Ветхость, заброшенность, связанные с чувством опасности и некой трансгрессии, создают в определенном смысле инверсивный хронотоп города. Периферия становится более значимой в игре и символически, и функционально, городской центр актуализируется, как правило, только в абсурдистском аспекте, например, как зона провокации флешмоб.

Учитывая пространственные характеристики игры, ее можно рассматривать как тоску по утраченному мифу, по утраченному мифологическому пространству. Текст (сценарий) игры, конструирующий новые смыслы привычного топоса, разворачивается не как миф, а именно как «игра в миф», утративший свои жизнеориентирующие функции. Своеобразная мифологическая семантика игры воспринимается как развлечение, столкновение-схватка мифологических, праздничных и повседневно-утилитарных смыслов культурного топоса. Пространство игры Encounter воспроизводит мифологическую модель лабиринта как пути-инициации в ее деконструктивно-ризоматической и иронической форме. Это есть командная инициация как центробежный поиск лиминального места и времени для свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё // Режим доступа: <http://bourdieu.narod.ru>.
2. Губанова, Е. Н. Семантика пространства в постмодернистском художественном тексте (на материале произведений Джона Фаулза): автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук / Е. Н. Губанова. – М., 2009. – 25 с.
3. Порозов, Р. Ю. Культурно-образовательный потенциал городского пространства: теоретико-культурологический анализ: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук / Р. Ю. Порозов. – Челябинск, 2009. – 20 с.
4. Порозов, Р. Ю. Виртуализация городского пространства: социокультурный аспект / Р. Ю. Порозов // Вестник Челябинского государственного университета: Философия. Социология. Культурология. Вып. № 11, 2009. – С. 154-156.
5. Туровский, Р. Ф. Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. – М.: Институт наследия, 1998. – 210 с.
6. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Имя розы. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 629 с.
7. Режим доступа: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Флешмоб>.

Мироненко Л. А.
L.A.Mironenko

БЭБИ-БУМА НЕ БУДЕТ, ИЛИ К ВОПРОСУ О РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

„THERE WILL BE NO BABY-BOOM!”, OR ON THE ISSUE OF REPRODUCTIVE INTENTIONS OF SCHOOL PUPILS AND UNIVERSITY STUDENTS IN THE CITY OF KOMSOMOLSK-NA-AMURE

Мироненко Лариса Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, Член Российской социологической ассоциации (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Дзержинского, 38/2-34; (4217)55-44-39. E-mail: l.mironenko@list.ru

Ms. Larissa A. Mironenko – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, Komsomolsk-on-Amure State Technical University (Russia, Komsomolsk-na-Amure). Full Member of the Russian Sociological Association. Address: 681003 Komsomolsk-na-Amure, 38/2-34 Dzerzhinskogo st., phone: +7(4217)55-44-39 E-mail: l.mironenko@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме уменьшения численности населения и падению рождаемости в Комсомольске-на-Амуре и Дальнем Востоке России. Приводятся результаты опроса школьников и студентов, проведенного весной 2010 года, в результате которого устанавливаются данные относительно их репродуктивных намерений.

Summary. The paper deals with the problem of decrease of population and a fall in the birth rate in the city of Komsomolsk-on-Amure and in the Far Eastern region of Russia. Presented are the results of a survey of pupils and students done in Spring 2010: the survey's goal was to assess reproductive intentions of the respondents.

Ключевые слова: демографическая социология, репродуктивная мотивация, стареющее население, результаты опроса.

Key-words. Demographic sociology, reproductive motivation, ageing population, survey results, baby boom.

УДК 316.356.2

Актуальность данного материала обусловлена сложившейся демографической ситуацией в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровском крае, Дальнем Востоке и в целом по России, а именно такими её факторами, как: уменьшение численности населения, естественная убыль, падение рождаемости и миграционный прирост из-за пределов России.

Если говорить о демографической ситуации в целом по России, то стало общим местом упоминание о «демографическом провале» [5], который приводит к крайне неблагоприятным для всего общества последствиям: сокращению трудового и экономического потенциала, старению населения, увеличению демографической нагрузки, и в комплексе с другими демографическими явлениями, – к ускорению депопуляции населения. В 2008 году (Году семьи) в Российской Федерации родилось 1.7 млн детей, это на 6 % больше, чем в 2007 году, и рост данного показателя оказался наибольшим за период с 2000 года, когда в России, после

Мироненко Л. А.

БЭБИ-БУМА НЕ БУДЕТ, ИЛИ К ВОПРОСУ О РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

падения уровня рождаемости, началось его увеличение. Но при этом суммарный коэффициент рождаемости составил всего 1.5 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста.

В нашем крае и Комсомольске-на-Амуре демографическая ситуация обостряется гораздо быстрее. К началу 2008 года численность населения г. Комсомольска-на-Амуре составила 272.5 тыс. человек. Падение рождаемости, рост смертности, миграционный отток привели к снижению численности населения города за последние 15 лет почти на 50 тыс. человек, или на 15%. Если в начале обозначенного периода население уменьшалось, в основном, за счет уехавших, то после 2002 года – за счет естественной убыли, которая впервые была зарегистрирована в городе в 1992 году. В 2003, 2005 годах естественная убыль населения Комсомольска-на-Амуре составляла 7 % ежегодно, в 2007 году она уменьшилась до 3 %. Уровень рождаемости в 2006 году составил 10.7, в 2007 – 10.5 на 1000 человек населения. Число родившихся в 2006 году было меньше, чем в 2002 году, на 159 человек, или на 5.8 %. Доля детей и подростков до 15 лет за 2002-2006 годы по городу снизилась до 15.4 %, или на 7.6 тыс. человек. Зато возросла доля пожилого населения, и теперь в городе Юности почти каждый пятый житель достиг пенсионного возраста. В 2008 (Году семьи), 2009 и начале 2010 года рождаемость немного повысилась. По данным Хабаровскстата [7; 8], в крае в 2010 году (январь-март) родилось 4231 человек, что составляет 102,6 % по отношению к 2009 году, но, учитывая количество смертей (5008), население не прибавилось. Естественная убыль в первом квартале 2010 года составила 1.9 на 1000 населения (в 2009 году – 1,5 на 1000 населения). За последние 5 лет численность населения Хабаровского края уменьшилась почти на 20 тыс. человек. По среднему варианту прогноза Росстата [6] на ближайшие 20 лет, число родившихся в Хабаровском крае будет наибольшим в 2011 году и составит 18 285 человек, затем будет уменьшаться, и в 2030 году ожидается всего 13 219 рождений.

Есть основания полагать, что на решение демографической проблемы может решительным образом повлиять только многодетность. Вот если бы каким-то образом существующие и потенциальные семьи обзавелись бы тремя-четырьмя детьми, мы могли бы быть спокойны за то, что российский Дальний Восток не обезлюдет. Зачем такое количество людей, если уже живущим здесь нет работы, негде жить и уровень их жизни существенно ниже, чем в западных районах России, – спросит любой, осведомленный о существующем положении дел. Ответ таков: когда мы обнаружим, что способны создать условия, при которых любое общество, обладающее подобным количеством ресурсов, не имеет права не процветать – у нас может уже не оказаться людей, которые будут жить такой замечательной жизнью. «Покуда травка подрастет, лошадка с голоду помрет», – сказал великий классик. Так что, если мы способны задуматься о будущем, сейчас мы должны рожать детей, даже если нам трудно и будет трудно им, нашим детям.

К сожалению, не только в общественном сознании, но и в социально-гуманитарной науке нет осознания такой серьезности ситуации, при которой необходимо срочно разрабатывать и принимать экстренные меры. Как пишет профессор А.И. Антонов [3], в социологии и демографии все еще затруднено восприятие потребности в детях как мотивирующего механизма поведения. Социальные науки и технологии, занимаясь проблемой планирования семьи, имеют в виду, прежде всего, «репродуктивное здоровье» или «репродуктивные права» членов общества. «Репродуктивные намерения» часто остаются за пределами исследований. Репродуктивные установки – это состояние личности, определяющее взаимную согласованность разного рода действий, характеризующихся положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей (отчасти и к полу ребенка), установки на интервалы между рождением детей, к контрацепции. Нормы детности являются обуслови-

вающими в регуляции репродуктивного поведения, они направляют действие многих других норм. Они обладают инерционностью, то есть длительно сохраняются после изменения вызвавших их к жизни условий и обстоятельств. Отсутствие данных не позволяет точно указать, когда заканчивается период формирования репродуктивных установок, но по видимому, это происходит в детстве и отрочестве, до момента вступления в брак. Хотя, конечно, впоследствии может иметь место изменение репродуктивных установок.

То есть в настоящий момент повлиять на то, чтобы у сегодняшней молодежи появилось желание иметь много детей, шансов нет. Но, если систематически изучать репродуктивные установки в течение ближайших лет с тем, чтобы планировать соответствующие социальные и культурные изменения, возможно, это привело бы к соответствующим демографическим улучшениям. Современное состояние репродуктивности, при преобладании норм малодетности, заставляет видеть не устремленность к деторождению, но, напротив, к отказу от него. Изменится установка на деторождения – увеличится рождаемость.

В марте 2010 года при кафедре философии и социологии ГОУВПО «КнАГТУ» был проведено анкетирование школьников четырех школ и студентов двух университетов (всего участвовало 246 респондентов) на предмет их репродуктивных установок. Цели исследования: определить репродуктивные намерения студентов и школьников Комсомольска-на-Амуре, а также попытаться определить те условия, при которых было бы возможно изменение их репродуктивных установок «в сторону» многодетности.

В анкете респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1. Сколько детей вы хотели бы иметь? 2. Вы планируете иметь детей в узаконенном; гражданском браке; вне брака; не имеет значения? 3. Планируемый возраст, в котором появятся дети: первый, второй, последний. 4. Можете ли вы привести удачные примеры многодетных семей? 5. Можете ли вы привести неудачные примеры многодетных семей? 6. При каких гарантиях вы бы решились иметь много детей?

Желаемое количество детей.

Прежде всего, среднее желаемое количество детей всех опрошенных составило 1.90. Школьники хотят иметь меньше детей (1.89), чем студенты (1.92), независимо от пола. Большинство хотят иметь двоих детей (такой тип рождаемости, или, лучше сказать, репродуктивная установка сформировалась еще в середине 1960-х годов [4, 72-73]). О желании иметь троих детей заявили всего 12 % респондентов – это вдвое меньше, чем желающих иметь единственного ребенка (см. табл. 1 – 2).

Таблица 1

Желаемое количество детей (школьники и студенты)

Желаемое количество детей	Школьники абс., 118	Школьники, %	Студенты абс., 128	Студенты, %	Все абс., 246	Все, %
0	1	0.80	3	2.30	4	1.60
1	27	22.90	36	28.10	63	25.60
2	73	61.90	68	53.10	141	57.40
3	14	12.00	16	12.50	30	12.20
4	2	1.60	2	1.60	4	1.60
5	0	0.00	0	0	0	0
6	0	0.00	0	0	0	0
7	0	0.00	0	0	0	0
8	0	0.00	0	0	0	0
Более 8	0	0.00	2	1.60	2	0.80
Нет ответа	1	0.80	1	0.80	2	0.80

Мироненко Л. А.**БЭБИ-БУМА НЕ БУДЕТ, ИЛИ К ВОПРОСУ О РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ**

Таблица 2

Желаемое количество детей (девушки и юноши)

Желаемое количество детей	Девушки абс., 123	Девушки, %	Юноши абс., 123	Юноши, %
0	2	1.60	2	1.60
1	27	22.00	36	29.30
2	75	61.00	66	53.70
3	18	14.60	12	9.80
4	1	0.80	3	2.40
5	0	0.00	0	0.00
6	0	0.00	0	0.00
7	0	0.00	0	0.00
8	0	0.00	0	0.00
Более 8	0	0.00	2	1.60
Нет ответа	0	0.00	2	1.60

Дети появятся в браке?

Безусловно, у школьников и студентов наблюдается стремление вступить в брак (83.4 %), у подавляющего большинства (73.2 %) в узаконенный, перед появлением детей. Только 16.6 % не придают значения этому состоянию. У студентов, по сравнению со школьниками, это стремление возрастает почти на 12 %. У юношей стремление узаконить брак в связи с появлением детей, несколько ниже, чем у девушек (на 5 %) (см. табл. 3 – 4).

Таблица 3

Отношение к браку в связи с появлением детей (школьники и студенты)

Иметь детей	Школьники абс., 118	Школьники, %	Студенты абс., 128	Студенты, %	Все абс., 246	Все, %
В узаконенном браке	79	67	101	78.90	180	73.20
В гражданском браке	18	15.30	7	5.50	25	10.20
Вне брака	1	0.80	0	0	1	0.40
Не имеет значения	20	16.90	20	15.60	40	16.20
Нет ответа	0	0.00	0	0	0	0

Таблица 4

Отношение к браку в связи с появлением детей (девушки и юноши)

Иметь детей	Девушки абс., 123	Девушки, %	Юноши абс., 123	Юноши, %
В узаконенном браке	93	75.60	87	70.70
В гражданском браке	10	8.10	15	12.20
Вне брака	1	0.80	0	0
Не имеет значения	19	15.50	21	17.10
Нет ответа	0	0.00	0	0.00

Возраст появления детей.

Первого ребенка молодые комсомольчане планируют родить в возрасте около 24 лет, второго – почти в 27 лет, последнего – в 29.5 лет. При этом школьники называют чуть более

ранний возраст, чем студенты; девушки планируют обзаводиться первыми и вторыми детьми в среднем на 1 год, а последними – на 4 года раньше, чем юноши.

Примеры многодетных семей.

Людам свойственно ориентироваться на чужой опыт. Они создают стереотипы и принимают решения в зависимости от того, что видят вокруг. Исходя из ответов наших респондентов, можно заключить, что 30.9 % из них не наблюдали неудачных многодетных семей. Аналогично, удачных примеров многодетных семей не смогли привести только 20.1 % опрошенных. Остальные такой опыт наблюдения имеют и приводят практически одинаковое количество примеров многодетных семей – в среднем по одному примеру, как удачному, так и неудачному.

При каких условиях, возможно, решились бы на многодетность?

Респондентов просили отметить не более пяти вариантов, включая свой вариант ответа. В итоге рейтинг условий выглядит так (см. табл. 5 – 6):

- гарантии жилья;
- уверенность в экономической состоятельности супруга, семьи;
- гарантии обучения детей;
- гарантии здравоохранения;
- уверенность в психологической поддержке супруга, семьи;
- социально-экономическая стабильность государства;
- пособие на ребенка (средний размер – 14 965 р. в месяц);
- развитие сферы услуг в обществе;
- моральное одобрение окружающих;
- пенсия в старости за многодетность (средний размер – 29 803 р. в месяц).

Таблица 5

Условия возможной многодетности (школьники и студенты)

Условия многодетности	Школьники абс., 118	Школьники, %	Студенты абс., 128	Студенты, %	Все абс., 246	Все, %
Гарантии жилья	96	81.40	96	75	192	78
Экономическая состоятельность супруга, семьи	84	71.20	99	77.30	183	74.40
Психологическая поддержка супруга, семьи	44	37.30	45	35.20	89	36.20
Пособие на ребенка	39	33	41	32	80	32.50
Пенсия за многодетность	8	6.80	10	7.80	18	7.30
Гарантии здравоохранения	66	55.90	70	54.70	136	55.30
Гарантии обучения детей	85	72	75	58.60	160	65
Стабильность государства	30	25.40	55	43	85	34.60
Моральное одобрение окружающих	15	12.70	6	4.70	21	8.50
Развитие сферы услуг в обществе	10	8.50	17	13	27	11
Другое	0	0	0	0	0	0

Мироненко Л. А.БЭБИ-БУМА НЕ БУДЕТ, ИЛИ К ВОПРОСУ О РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВКАХ
ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Таблица 6

Условия возможной многодетности (девушки и юноши)

Условия многодетности	Девушки абс., 123	Девушки, %	Юноши абс., 123	Юноши, %
Гарантии жилья	95	77.20	97	78.90
Экономическая состоятельность супруга, семьи	105	85.40	78	63.40
Психологическая поддержка супруга, семьи	53	43	36	29.30
Пособие на ребенка	44	35.80	36	29.30
Пенсия за многодетность	11	8.90	7	5.70
Гарантии здравоохранения	65	52.80	71	57.70
Гарантии обучения детей	82	66.70	78	63.40
Стабильность государства	33	26.80	52	42.30
Моральное одобрение окружающих	9	7.30	12	0.70
Развитие сферы услуг в обществе	4	3.20	23	18.70
Другое	0	0.00	0	0.00

Если сравнить результаты проведенного исследования с результатами выборочного исследования «Семья и рождаемость» [9], проведенного Росстатом в сентябре-октябре 2009 года по общероссийской выборке, то можно увидеть, насколько они похожи. Но в некоторых моментах репродуктивные установки нашей молодежи менее утешительны. Так, среднее желаемое количество детей молодых комсомольчан (1.9) значительно ниже, чем в среднем по России (2.33).

Владимир Борисов [1], анализируя демографическую ситуацию в современной России, сказал, что глобальную демографическую проблему необходимо пытаться решить в «отдельно взятой стране», поменяв образ жизни, повернув его «лицом к семье», и это будет трудно, долго и дорого. Я бы добавила, применительно к Дальнему Востоку: очень трудно, очень дорого. Но если это будет очень долго – Дальний Восток мы потеряем.

В заключение, благодарю студентов, помогавших в проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов, В. А. Демографическая ситуация в современной России / В. А. Борисов // Демографические исследования. – 2010. – № 1.
Доступно на http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=76 дата публикации 01.02.2010.
2. О возрастном-половом составе населения г. Комсомольска-на-Амуре: аналитическая записка. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – 5 с.
3. Социология семьи: учебник / Под ред. А. И. Антонова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 640 с.
4. Тенденции социокультурного развития России. 1960-1990-е гг. / отв. ред. И. А. Бутенко, К. Э. Разлогов. – М.: РИК, 1996. – 520 с.
5. http://www.gks.ru/free_doc/2010/demo/edn03-10.htm
6. http://habstat.gks.ru/digital/region1/OsnPokaz/Demografiia_naselen.htm
7. http://habstat.gks.ru/digital/region1/OperInfo/Estestvennoe_dvizhenie.htm
8. http://habstat.gks.ru/digital/region1/OsnPokaz/Chislennost_naselen.htm
9. http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

Некрасова Е.Е.

E.E.Nekrasova

ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

PHYSICAL SPACE/HABITAT AS A COMPONENT OF NATIONAL CULTURAL SPACE

Некрасова Екатерина Евгеньевна – преподаватель кафедры восточных языков Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, пер. Саратовский 2, кв. 57; +7(4212) 27-41-20. E-mail: nekrasovaekaterina@yandex.ru

Ms. Ekaterina E. Nekrasova – lecturer at the Department of Oriental Languages, the Boarder-guard Institute of the Federal Security Service of Russia (Khabarovsk, 680000 Saratovsky line 2, 57. +7(4212) 27-41-20). E-mail: nekrasovaekaterina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние характера среды обитания японцев на сознание, мироощущение и мировосприятие (этнопсихологический настрой народа), выявляются истоки и причины «натурализма».

Summary: The paper deals with the influence of the nature of habitat of the Japanesees on their consciousness and worldview (ethno-psychology of a people); it reveals the reasons and roots of the so-called “naturalism”.

Ключевые слова: физическое пространство, национальная культура, стереотип поведения, мироощущение, натурализм, направление развития, географический детерминизм.

Key-words: physical space, national culture, behavior pattern, worldview, mentality, naturalism, way of development, geographical determinism.

УДК 007

Вопросы понимания и организации пространства и времени и их категориального оформления в национальных культурах все больше привлекают внимание современных гуманитарных наук. Исследователей интересует не просто сам факт существования национальных пространственно-временных представлений, но и связь их с судьбами народов, моделями поведения, образами мышления, мировоззрением. Время и пространство – неперенные общие формы организации человеческим разумом полученных из внешнего мира чувственных данных, равно как и разумного оформления нашего личного опыта [8, 119].

Форма пространства и времени, в которой мы живем, образована нашим образом жизни, именуемом понятием «культура» во всей ее исторической глубине и региональном многообразии. Существует столь же много видов форм пространства и времени, как и культур, поскольку человеческий опыт, смоделированный под влиянием этих пространственно-временных форм, столь же многообразен, как и культуры. В последние годы японоведы, занимающиеся изучением категории пространства в традиционной японской культуре как формы организации культуры, пытаются представить культуру как системное целое, части которого функционально взаимосвязаны, и основной функцией их является воспроизводство национальной культуры. В результате чего появились концепции социально-релятивистского, контекстуалистского изучения этосов японской культуры, включающего в качестве важной составной части теоретическое системное осмысление японского понимания пространства и его категории.

Некрасова Е. Е.

**ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Одним из составляющих национально-культурного пространства в национальной культуре является представление народа о физическом пространстве, т.е. о природной среде его обитания. Следовательно, при характеристике параметров любого общества, наряду с социально-экономическими, политическими и биологическими, в меньшей степени следует учитывать природные и географические категории, вследствие того, что человек существует в природной и социальной среде с одновременной принадлежностью к этносу и социуму. До настоящего времени еще не сложилось единого мнения относительно понятия этнос. Приведем определение этого понятия, данного Л. Гумилевым: «Этнос – коллектив ..., имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическим явлениям» [2, 56]. Этнос существует в историческом пространстве, взаимодействуя через производственную деятельность с природной средой.

Каждый этнос, народ и государство находятся в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, иначе говоря, на этнопсихологический настрой народа, а на более высоком уровне формирует в известной мере и его политическое сознание. Природная среда оказывает чрезвычайно сильное влияние на хозяйственную деятельность общества, его уклад, определяет направление развития. На протяжении многих веков ученые, философы, политики обращали внимание на воздействие географических факторов на все стороны развития общества, что впоследствии получило название географического детерминизма.

По мнению ряда исследователей, из всех составляющих географической среды с возникновением и существованием этноса наиболее тесно связан ландшафт. Он фактически является неотъемлемой частью этнической системы, и каждый этнос адаптируется к природному окружению. Но приспособляясь к ландшафту, человек одновременно использует его для своих потребностей. Он творчески подходит к изменению окружающей среды, создавая уже антропогенный ландшафт (архитектура городов, поселений, плотины, дамбы, дороги и пр.), который в значительной мере зависит от характера деятельности каждого этноса.

Не менее важную роль играет и климат. Причем именно с особенностями государственного устройства и политической культурой различных народов этот факт связывают многие исследователи [3, 11].

Для обозначения понятия «физический мир», «природа» японцы обыкновенно пользуются словом «сидзэн». Концепция «сидзэн», отмечает известный французский японовед О. Берк, напоминает аристотелевское определение природы как обладающей в себе началом саморазвития. В японской культурной традиции природа понимается не только как существующая «сама по себе», она воспринимается как «данность», наделенная способностью к спонтанному саморазвитию и обладающая равным с человеком статусом. Отношения человека и природы определяются понятием «натурализм» (сидзэнсюги). Оно предполагает полное слияние человека с естественным миром, принятие явлений таковыми, каковы они есть на самом деле.

Истоки и причины «натурализма» японцев лежат в физико-географических, экономико-географических и исторических условиях жизни на японских островах.

Природная среда Японии с ее отличительными чертами – островным положением, преобладанием горного ландшафта, водами, морем и горными лесами, землетрясениями, вулканами, тайфунами, климатическими особенностями – предопределяет представление японцев о физическом пространстве, его основных границах и доминантах, она детерминирует их. Человек лишь отражает природу, пассивно адаптируясь к ней в своей жизни и даже

раскрывая себя как некоего абстрактного человека. А для адаптации к природным условиям хватало небольшого компромисса с его стороны ввиду относительно легкого физического существования. В Японии необходимость предприимчивости и в действии, и в мышлении была крайне невелика [8, 124]. Японское мышление насколько это возможно избегает любого рода конфронтаций. Это, в свою очередь, приводит японцев к готовности поддерживать существующую стабильность с помощью минимальных изменений, позволяющих принять необходимые решения. Очевидно, оно сторонится любой формы рационального компромисса, основанного на выборе из альтернативных возможностей [9, 52]. Восточная цивилизация проявляет тонкую мудрость, создавая удобные для человеческого существования условия с помощью адаптации самого человека к естественным условиям.

Природа на японских островах нередко выступает и как грозная разрушительная сила. Извержения вулканов, землетрясения, наводнения, горные обвалы и ураганы испокон веку сопутствовали жизни японцев; не в последнюю очередь природные катаклизмы способствовали выработке таких национальных качеств, как мужество, терпеливость, самообладание, сноровка. Природа вызывает в душах японцев и чувство обреченности, и одновременно чувство благоговения [7, 4].

Японские острова вытянулись с севера на юг тонкой цепочкой на протяжении около 4 тыс. км. Отсюда удивительно богатое сочетание природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температуры, ветров и осадков в зависимости от места и времени года. Япония на протяжении веков, несмотря на островное положение и небольшую территорию, ощущала себя как теллурократическое, т.е. континентальное государство. Менталитет японцев можно скорее определить как континентальный. Двухсот пятидесяти летняя изоляция страны была необходимым тактическим ходом, обеспечивающим национальную независимость. Вместе с тем российский исследователь древней Японии М.В. Воробьев утверждает, что «привязанность к континенту имела для Японии большее значение, чем изоляция, столь часто отмечаемая» [1, 29]. Япония всегда проявляла чрезвычайно большой интерес к проблемам континента, не говоря уже о заимствовании достижений китайской цивилизации. Полагаясь на умельцев и мыслителей с материка, японцы научились распознавать полезные знания и приспособлять их к своим нуждам. Всё, чем сегодня славится в мире японская культура, было заимствовано в Китае. Однако верно и то, что именно благодаря Японии эти ценности получили мировую известность [6, 52]. По свидетельству крупнейшего японского этнолога Янагида Кунио, его народу издревле была свойственна тяга к поиску чего-то нового за морем. Он считает, что в основном японцы стремились плыть в южном направлении, что это было своего рода магией. Возможно – это генетический код, свидетельствующий о предках, пришедших с Южных морей.

Видение физического пространства в японской культуре также связывают с традиционными занятиями японцев, с хозяйственной деятельностью на Японских островах. Некоторые исследователи отмечают, что хотя природные условия Японских островов и оказали заметное влияние на формирование национальной психологии японцев, нельзя не учитывать и способ производства, в силу того, «что то, что представляют собой люди, совпадают с тем, что они производят, и с тем, как они производят» [7, 4]. Японцы издревле занимались охотой, морским промыслом, животноводством, но большая часть самодельного населения возделывала рисовые поля. Выращивание тропической культуры мокрого риса в условиях Японии потребовало от японцев коренного преобразования почв, и сегодня в районах его возделывания нет естественных почв, более того, культура поливного риса определила основные особенности японской культуры. Трудовые навыки, привычки, система поведения, тесно связанные со сложнейшими социальными условиями Японии, формировали у японцев такие черты, как трудолюбие, дисциплинированность, стремление к согласованным действиям в

Некрасова Е. Е.

**ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

группе, а также готовность четко выполнять указания признанного лидера группы. Поскольку на поведение японцев столетиями влияли условия жизни и социальные факторы высокой стабильности, отмеченные черты закрепились в национальном японском характере.

Как отмечалось ранее, именно ландшафт наиболее тесно связан с существованием этноса. 70 % территории страны занимают горы, которые разрезают всю ее площадь на бесчисленное количество небольших, но самодостаточных (из-за обилия воды в горных реках и богатства растительного и животного мира) маленьких территорий. Естественно, что люди, живущие раздельно в узких и значительно различающихся районах, склонны замыкаться в этих маленьких мирках. И сама Япония в целом как островная страна оказалась более замкнутой, по сравнению с материковыми странами, в своей природе, и, будучи закрытым обществом, она еще более дробилась рельефом местности. Вследствие этого в культурно-историческом развитии страны доминировала тенденция естественного возникновения бесчисленного множества мелких замкнутых общностей. Горы и реки, окружавшие долины, как и сам природный мир, становились естественной оборонной линией, и, очевидно, этот факт наложил свою печать на поразительно отличающееся от континентальных народов представление японцев о защите и о дипломатии [8, 128].

Вместе с тем к концу I тысячелетия в отношениях японцев с внешним миром начинают происходить изменения. Он все меньше их интересует и постепенно отодвигается на второй план. Обитателей древнего государства не привлекают дальние страны, поездки и связанные с ними впечатления. Им интереснее находиться внутри своего небольшого обустроенного мира, где все знакомо и предсказуемо. Эта особенность мировосприятия стала важной составляющей национального японского характера. Ощущение внутреннего комфорта и спокойствия, которое дает существование в ограниченном коллективе или пространстве, присутствует в японском менталитете и сегодня. Проживший много лет в Японии американский ученый Роберт Марш сравнивает японское бытие с жизнью в ящике, символизирующем ограниченное пространство. «Жить в ящике – значит жить в обстановке, где все хорошо знакомо. Всем известны мысли и чувства окружающих, поэтому потребность в информативном общении понижена. Закрытая для других людей сфера личной жизни минимальна. Все согласны, что гармония межличностных отношений возможна только в малом коллективе. Традиции, ритуал и правила общения стандартизированы, они гарантируют каждому уважение его личного достоинства, что является условием «всеобщей гармонии». Люди владеют искусством подстраиваться друг к другу и подавлять агрессивные устремления. Единообразие и унифицированность пространства, ограниченного стенами ящика, не имеют аналогов. Обитатели замкнутого пространства уверены, что это их единственный мир, бежать из которого некуда. Ограниченный объем ящика предопределяет абсолютную ценность таких параметров жизни, как эффективность, точность, статусная иерархичность, экономия пространства, безотходность производства и пр. Контроль и организация жизни в ящике требует высокой степени упорядоченности и безопасности» [6, 53]. Ориентированность на свою маленькую «замкнутую общность», равно как и на богатые, но стремительно меняющиеся природные и климатические условия, способствовали развитию у японцев локоцентризма и особого отношения к миру и к природе, в основе которого анимистическое мироощущение, стремление «следовать природе, полагаясь на зависимость от нее и на благожелательный ответ с ее стороны» [4, 27]. Но сам характер природной среды, замкнутость сельских общин и тесная взаимосвязь их членов стали стимулом для развития у японцев чувства трудолюбия и прилежания.

Слияние с природой нашло свое отражение и в передаче физического пространства в японской духовной культуре и быте. В частности, на японских свитках и рисунках тушью человек занимает скромное, иногда почти незаметное место, являясь как бы частью пейзажа. И в искусстве, и в повседневной жизни японцы любят использовать образы природы для выражения человеческих чувств. Японские писатели мастерски вплетают природные метафоры

и образы в ткань повествования. Написанные японцами письма и почтовые открытки всегда начинаются с краткого описания времени года. В японском мировосприятии культура, особенно произведения искусства, воспринимается как высшее выражение природы, а она сама – как завершение культуры. Подтверждением этого является понятие «фудо», означающее одновременно и климат, и состояние нравов. Неразрывность природы и культуры можно заметить и в искусстве разбивки японских садов, и градостроительстве, основной принцип которых создание подобия природных ландшафтов. При этом зачастую отдельные элементы садов являются точной копией какого-нибудь уголка природы. Японские градостроители во многом стараются следовать естественной топографии местности, что ведет к хаотичной застройке, к стремлению вписывать здания в окружающий ландшафт. Традиционный японский дом сооружается не как укрепление, что характерно для многих культур в мире («мой дом – моя крепость»). Он представляет собой непрочное деревянное строение, которое можно открыть на все четыре стороны. Японцы не воспринимают пространство своего дома как замкнутое, независимое от природы. Граница между внешним и внутренним в планировке дома очень подвижна. Люди получают эстетическое удовольствие от созерцания приближенной к их жилищу природы, от созданных мастерством человека предметов быта и искусства. Им нравится размышлять над внутренней сущностью окружающих их предметов. И сами эти предметы тоже уменьшаются в размерах, приобретают чарующую элегантность простоты. Как отмечают исследователи, «японцы открыли в простоте бесконечный источник красоты. Это сдержанная красота» [6, 54]. Отдельно стоящий в вазе цветок или ветка кажутся японцу более эстетичными, чем яркий букет. А прыжок одинокой лягушки в пруду и круги на воде возбуждают больше чувств и ассоциаций, чем их нестройный хор на закате. Японские поэты и писатели часто передают свое восхищение природой через одну – единственную деталь, причем не саму по себе, а через восприятие этой детали человеком. Единичное важнее множественного, а детали существеннее целого – в этом суть японского восприятия мира, которое находит отражение в художественном творчестве.

Главная характерная черта японской культуры состоит в том, что это культура природоподражательная, то есть построенная по образу природы, хотя культура обычно рассматривается как антитезис природы. Источник развития японской культуры – любовь к природе, подобная тому чувству, которое дети испытывают к своим родителям [5, 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев, М. В. Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьев. – М.: Наука, 1980. – С. 29.
2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1991. – С. 56.
3. Молодякова, Э. В. Японское общество: книга перемен: (Полтора века эволюции) / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян. – М.: Наука, 1996. – С. 11.
4. Накано, Т. Нихон-но сидзэн / Т. Накано, К. Кобаяси. – Токио: Иванами сэтэн, 1959. – С. 27.
5. Овчинников, В. В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба / В. В. Овчинников. – М.: Дрофа-Плюс, 2008. – С. 33.
6. Прасол, А. Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере / А. Ф. Прасол. – М.: Наталис, 2009. – С. 52-54.
7. Пронников, В. А. Японцы (этнопсихологические очерки) / В. А. Пронников, И. Д. Ладанов. – М.: Наука, 1985. – С. 4.
8. Япония: общество и культура / под общ. ред. А. И. Фурсова. – М.: ИНИОН, 1999. – С. 119, 124, 128.
9. Yukawa, Hideki. Modern trend of Western civilization and cultural peculiarities in Japan // The Japanese mind. – Tokyo, 1973. – С. 52.

Усанов Г. И. , Харченко С. В.
G.I.Usanov, S.V.Kharchenko

**ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

**INTENSIFICATION OF INNOVATION PROCESSES AT SHIPBUILDING
ENTERPRISES OF THE FAR-EASTERN REGION OF RUSSIA**

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: fem@knast.ru.

Mr.Gennady I. Usanov – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: fem@knast.ru

Харченко Сергей Владимирович – доцент кафедры менеджмента и организации промышленного производства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Charchenko63@mail.ru.

Mr.Sergey V. Kharchenko – Associate Professor, Department of Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: Charchenko63@mail.ru.

Аннотация. Рассматривается возможность изменения высокого уровня неопределенности ожидаемых результатов от инновационных стратегий, которые получили признание в качестве радикального средства достижения целей организации.

Summary: The paper deals with the problem of changing the high level of uncertainty of expected results and investment risks related to innovative strategies, that have been found to be a radical means of achieving strategic purposes of a business enterprise.

Ключевые слова: инновационный процесс.

Key-words: Innovation process.

Появление теории инноватики обусловлено историческим развитием общественного производства. Экономисты первой половины XIX в. обратили внимание на процессы колебательного характера продолжительностью 7-11 лет, названные как промышленно-капиталистические циклы, каждый из которых состоит из трех фаз: «подъем – кризис – депрессия». Исследовав цикличность чередования сменяющихся фаз в промышленном производстве, отечественный экономист Н.Д. Кондратьев установил существование длинных волн протяженностью в 40-60 лет [2].

В отличие от больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьев выделял отдельно средние промышленно-капиталистические циклы протяженностью в 9 лет. Это было необходимо для выравнивания статистических данных, кроме того, гасило влияние малых циклов с более короткими колебаниями в 3-3,5 года, на которые обращал внимание английский экономист Дж. Китчин.

Помимо этого Н.Д. Кондратьев установил, что перед началом повышательной волны каждого большого цикла происходили глубокие изменения в технике и технологии производства, вследствие появления кардинальных изобретений, открытий и радикальных нововведений.

Более того, большие циклы конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором проявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии.

Н.Д. Кондратьев сделал вывод, что повышательная волна большого цикла, связанная с обновлением и радикальными изменениями в производительных силах общества, требует накопления запасов капитала для смены его пассивной части в виде зданий, сооружений, коммуникаций и т.п. (см. рис. 1). На рис. 1 отражена динамика изменения оптовых (тонкие линии) и идеализированных (толстые линии) цен в США в 1780-1930 гг.

Рис. 1. Циклы конъюнктуры по теории Н.Д. Кондратьева

Австрийский экономист Й. Шумпетер [2], исследуя экономические изменения в факторах производства, разработал теорию мультицикличности деловых циклов. Согласно этой теории толчок развитию дают не только внешние факторы, но и внутренние, которые изнутри «взрывают» хозяйственный кругооборот рыночной системы. Ими становятся новые производственные комбинации, а именно:

- создание нового продукта;
- использование новой технологии производства;
- использование новой организации производства;
- открытие новых рынков сбыта;
- открытие новых источников сырья.

В терминологии Й. Шумпетера комбинация факторов, получившая название «нововведение», не является синонимом слова «изобретение», поскольку предпринимательская деятельность связана с применением уже имеющихся средств, а не с созданием новых.

Являясь приверженцем школы предпринимательства, Й. Шумпетер считал, что нововведения, реализуемые в разные сроки, приводят к различным изменениям, проявления которых усложняются на фоне крупного экономического подъема. Создавая теорию мультицикличности, он учитывал одновременно несколько синхронных движений деловых циклов, объединенных волновыми колебаниями.

Согласно этой теории в каждый большой цикл конъюнктуры периодом в 55 лет входит несколько средних циклов продолжительностью 10 лет, а в каждый средний – несколько коротких циклов длительностью около 2,5 лет (см. рис. 2).

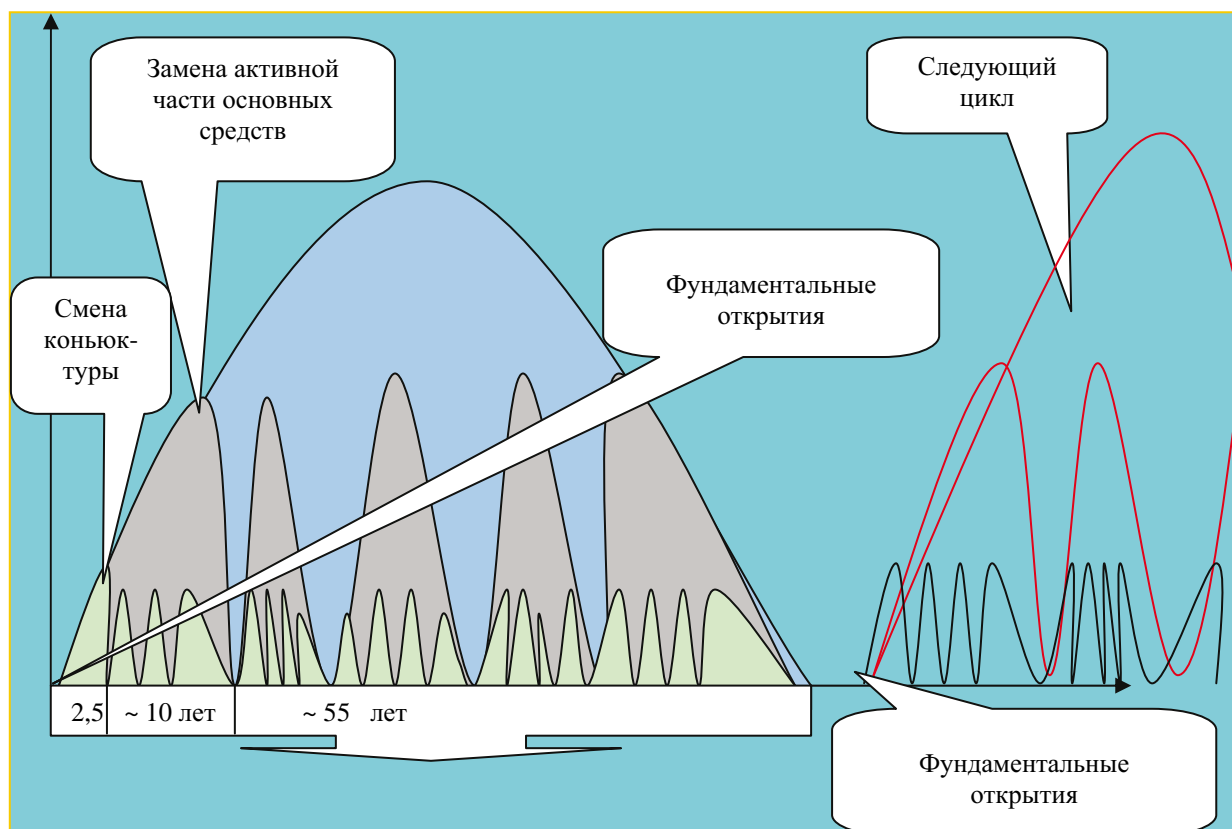

Рис. 2. Графический вид теории мультициклическости Й. Шумпетера

Средние циклы связаны с заменой активной части капитала в форме станочного оборудования, транспортных средств и др., а короткие – с изменением рыночной конъюнктуры по отношению к определенным видам продукции.

Динамические изменения моделей Й. Шумпетер [2] объяснял вторжением предпринимателей-новаторов, которые отрывают и перераспределяют от существующих каналов факторы производства, открывая начало новой динамической фазе. Благодаря активности в инновационной деятельности первичных субъектов хозяйствования создаются новые ценности и в средствах производства происходит технический прогресс.

В современной концепции инноватики различают нововведения-продукты, нововведения-процессы и модификацию продуктов (включая сферу услуг).

Возможность диффузии инноваций определяется их инвариантностью, т.е. способностью сохранения неизменными имеющихся количественных характеристик по отношению к преобразованиям и переменам внешней среды.

Инвариантность технологических инноваций способствует ускоренному притоку капиталов в новый технологический уклад. Доминирование нового технологического уклада в экономике приводит к постепенному снижению прибыльности производства продукции и оказанию услуг в предшествующем укладе.

Исследование конкурентного поведения в стратегии крупных фирм и компаний приводит к выводам, что они являются технологическими лидерами в сфере массового и крупносерийного производства, определяя приоритеты национальной и мировой экономики. На их долю приходится до половины всего ВВП и объема выпускаемой продукции. Крупные фирмы и компании проводят НИОКР, осваивают наукоемкие технологии и выпускают продукцию высокого качества по доступным ценам. В то же время значительная часть крупных производителей продукции не всегда идет на риск и предпочитает оставаться на вторых ро-

лях, уделяя основное внимание снижению издержек производства за счет применения ресурсосберегающих технологий и модернизации выпускаемой продукции [2].

В условиях высокого уровня неопределенности ожидаемых результатов и инвестиционных рисков инновационные стратегии получили признание в качестве радикального средства достижения целей организации. Такие стратегии подразделяют на несколько специальных: продуктовые, функциональные, ресурсные и организационно-управленческие.

В соответствии с этими стратегиями, в контексте современной управленческой парадигмы, инновационный процесс можно представить как типологизированный по признакам интенсивного преобразования ресурсов в продукты и услуги (см. рис. 3).

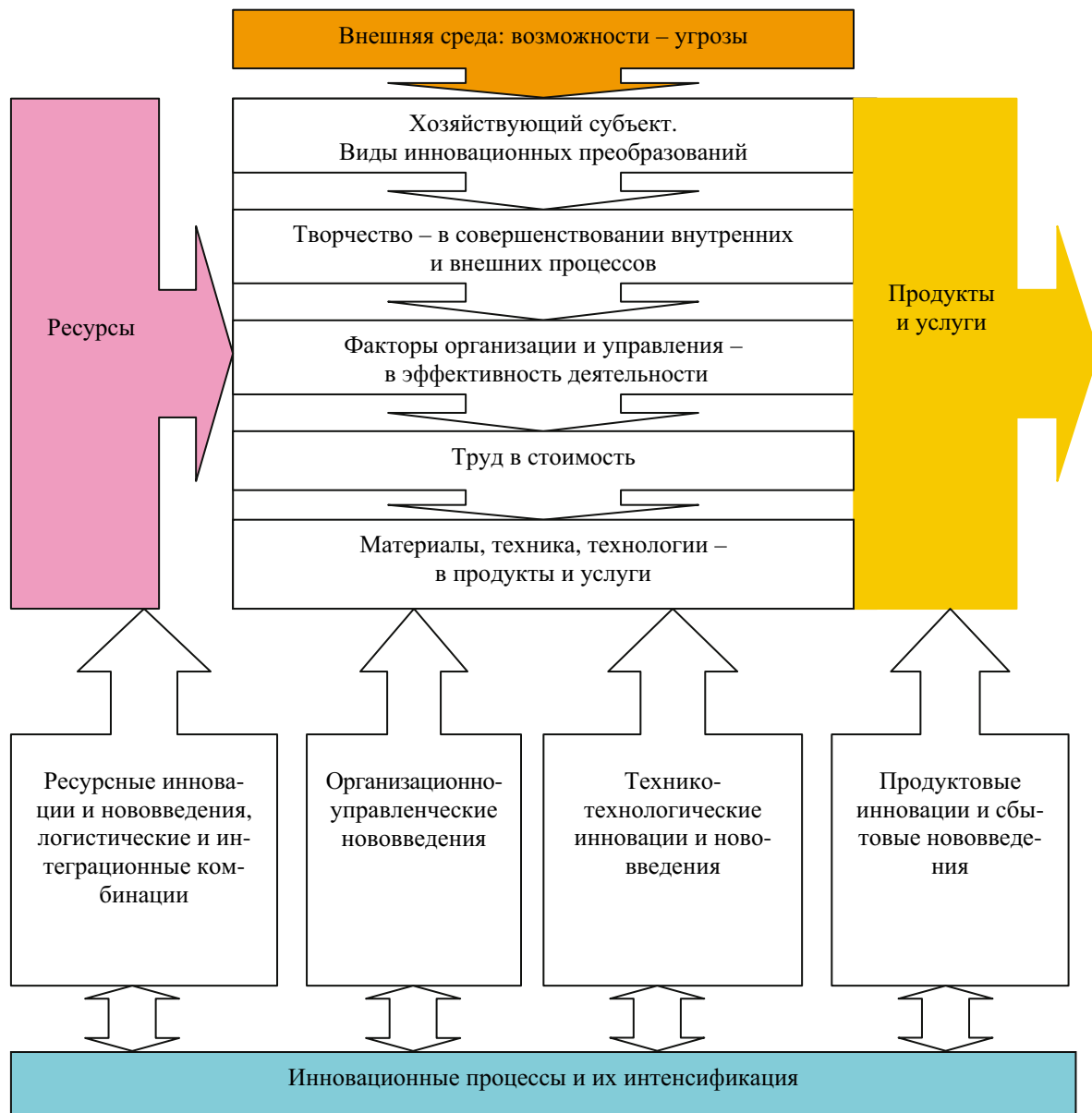

Рис. 3. Типология видов и процессов инновационных преобразований в контексте современной управленческой парадигмы

Означенные выше эталонные или базовые стратегии развития организации являются универсальными, так как в их составе: стратегии интенсивного, интеграционного и диверсификационного развития. При интенсивном развитии происходит ускоренное наращивание потенциала организации за счет лучшего использования внутренних и внешних возможно-

Усанов Г. И., Харченко С. В.

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

стей. Интеграционное развитие связано с организационно-управленческими инновациями и направлено на структурные преобразования. Диверсификационное развитие имеет целью создание новых продуктов и технологий в дополнение к существующим. Таким образом, происходит эволюционный процесс инновационного преобразования организаций, который отражен в работе И.Г. Усанова «Реинжиниринг бизнес-процессов» (см. рис. 4).

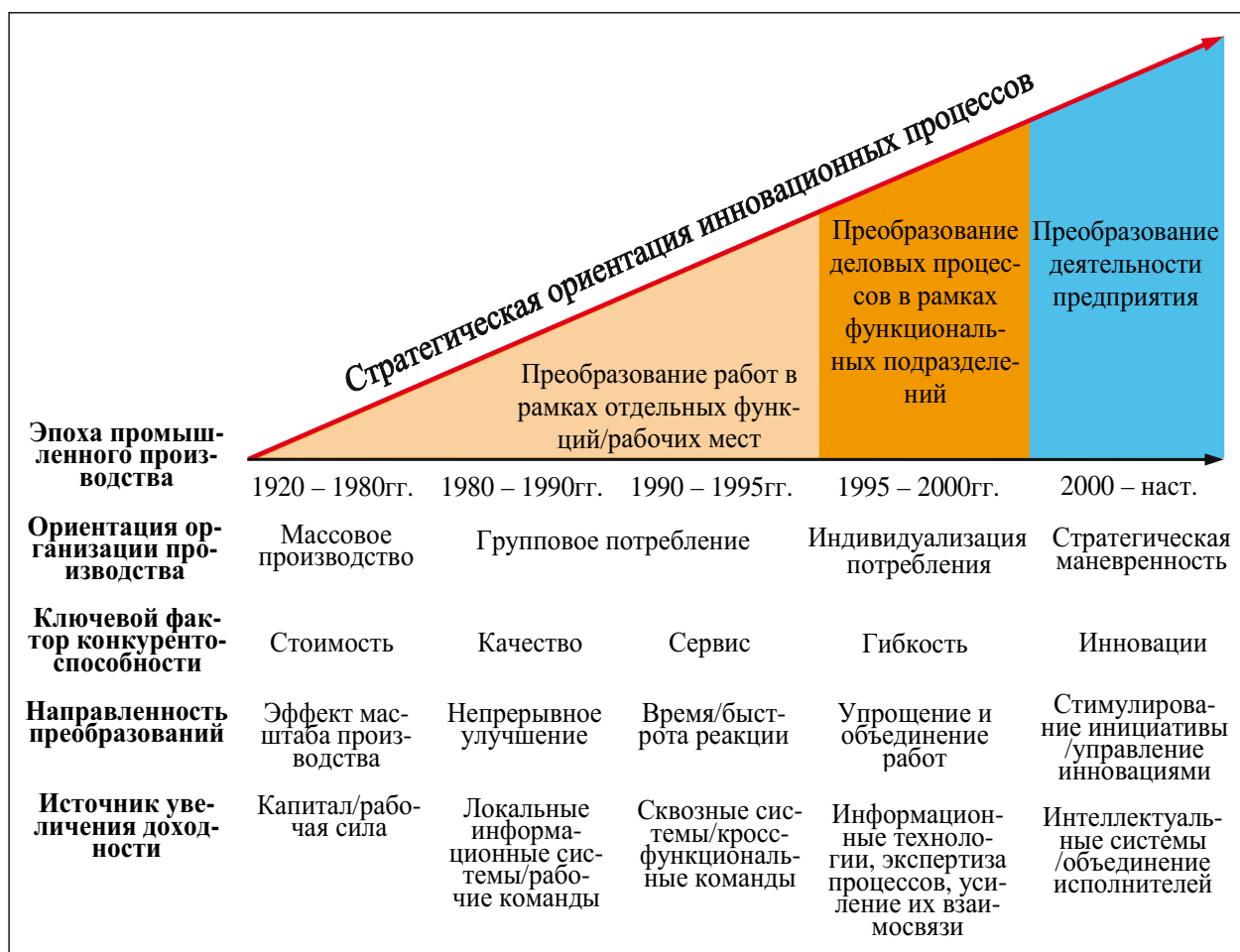

Рис. 4. Эволюция процессного подхода совершенствования деятельности организации: хронологические этапы, их характеристика и объекты применения

В соответствии с эволюцией перспектива инновационной стратегии зависит от формулирования ее цели, конкретизирующей конечный результат в качественных и в количественных показателях. Поэтому обязательным условием востребованности инновации являются: срок достижения цели, максимально допустимая величина затрат, а также ограничения на выделяемые ресурсы. Выбор и реализация инновационной стратегии зависит от состояния инновационного потенциала, а его развитие может осуществляться за счет компонентов и элементов внутренней среды организации. Оценка инновационного потенциала производится по схеме: ресурс – функция – проект, где под проектом понимается возможность выпуска определенной продукции.

Проектное управление инновациями означает переход от функционального к стратегическому мышлению руководителей и исполнителей.

Современные подходы к реализации проектов имеют параллельно-итерационный (перекрестный) характер, позволяющий осуществить сжатие процесса внедрения инноваций во времени.

В то же время, в рамках процессного подхода, под инновацией понимается комплексный процесс, включающий разработку, внедрение в производство и коммерциализацию новых потребительных ценностей товаров, техники, технологии, организационных форм и т. д.

В отличие от НТП инновационный процесс не заканчивается так называемым внедрением и первым появлением на рынке нового продукта, услуги или доведением до проектной мощности новой технологии. Этот процесс не прерывается и после внедрения, ибо по мере распространения (диффузии) новшество совершенствуется, делается более эффективным, приобретает ранее не известные потребительские свойства. Наряду с этим, в настоящее время процесс внедрения в инновационном процессе является наиболее значимым, так как занимает длительный период (см. рис. 5).

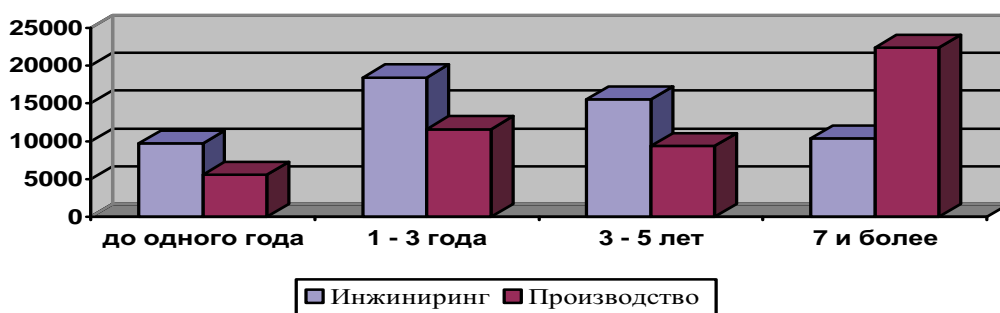
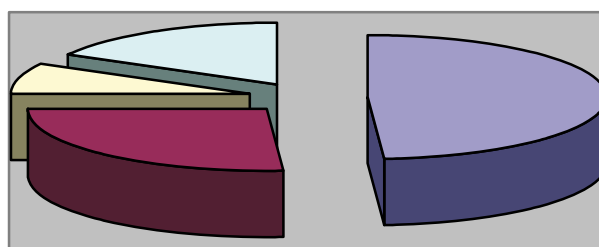

Рис. 5. Динамика внедрения передовых технологий (единиц) по длительности в 2008 г. (Госкомстат) [1]

Кроме того, по данным статистики [1], в Российской Федерации исследованиями и разработками в 2008 г. занимались 761 252 человека, из них нанотехнологиями – 14 873. При этом следует учитывать тот факт, что исследователей в этом процессе менее половины (см. рис. 6).

■ Исследователи ■ Вспомогательные рабочие □ Техники □ Прочие

Рис. 6. Распределение участников процесса исследований и разработок по данным Госкомстата России в 2008 г.

Наряду с этим удельный вес убыточных предприятий относительно их общего числа остается угрожающим, даже при положительной динамике, составляя в России и Дальнем Востоке, в частности, более трети в их общей массе (см. рис. 7).

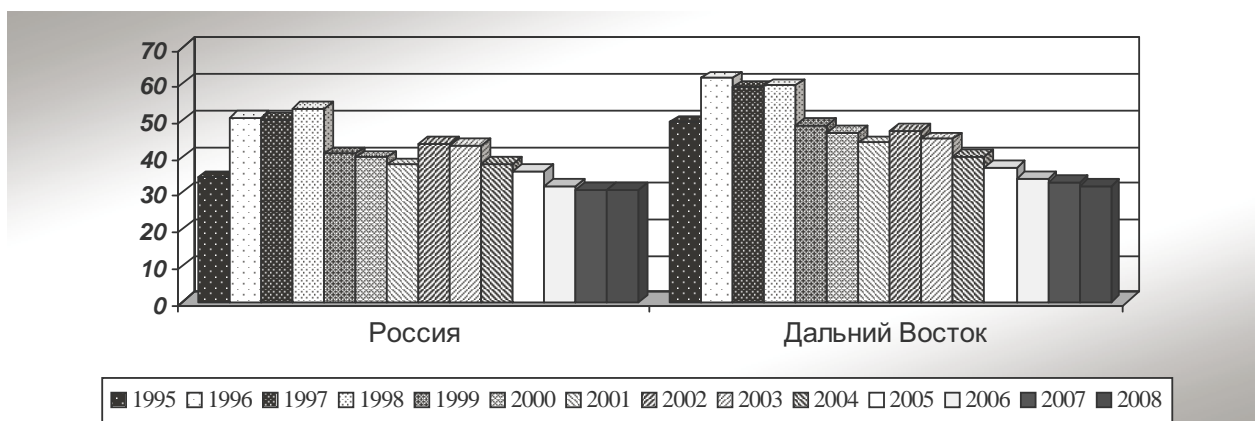

Рис. 7. Удельный вес убыточных предприятий относительно их общего числа в Российской Федерации и Дальнем Востоке России по годам

Типичными причинами, по данным Федеральной службы финансового оздоровления, являются:

- а) нецелевое использование амортизационных начислений и отсутствие фондов развития предприятий при высоком износе основных средств (см. рис. 8);
- б) низкий уровень технологий и длительный срок внедрения инноваций (см. рис. 5), что, как и пункт «а», подтверждают данные Российского ежегодного статистического сборника.

Износ основных средств в % к их общему количеству в России

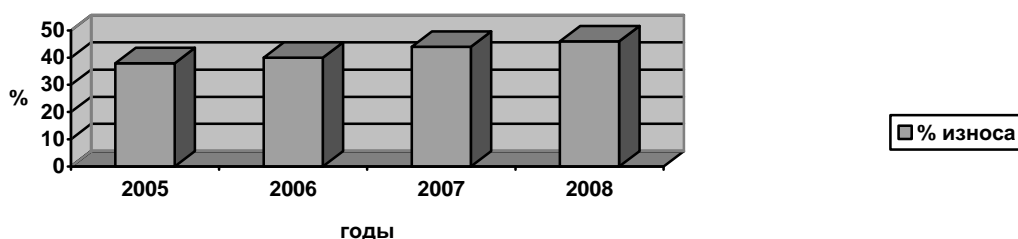

Рис. 8. Динамика износа основных средств в России по данным Госкомстата [1] на начало 2009 г.

В этой связи отсутствие системы мониторинга процессов внедрения инноваций создает условия для кризисных ситуаций, а длительный срок внедрения инновации ведет к перераспределению ее владельца. Подтверждением этого может служить то, что многие российские разработки внедрены иностранными компаниями, так с 2000 по 2008 гг. число соглашений на реализацию технологических инноваций в среднем на 15 % превышало их импорт (см. рис. 9).

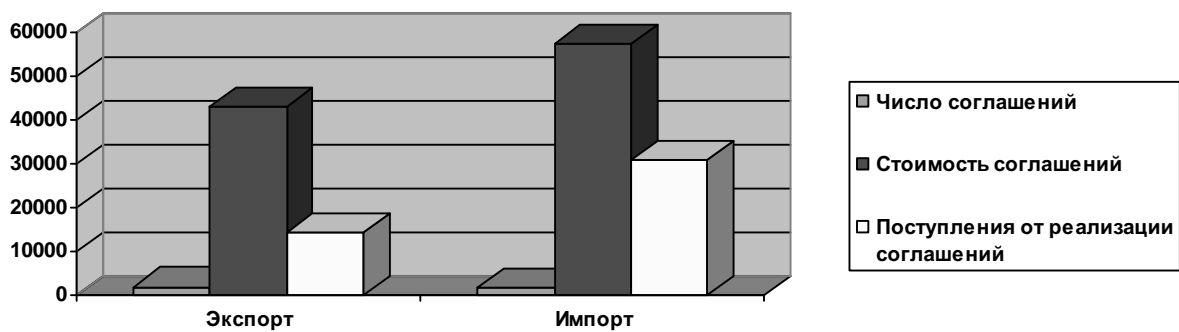

Рис. 9. Анализ экспорта и импорта технологических инноваций в России (2000-2008 гг.)

Причем рентабельность реализации соглашений по их экспорту на 50 % меньше, чем их импорта (см. рис. 10).

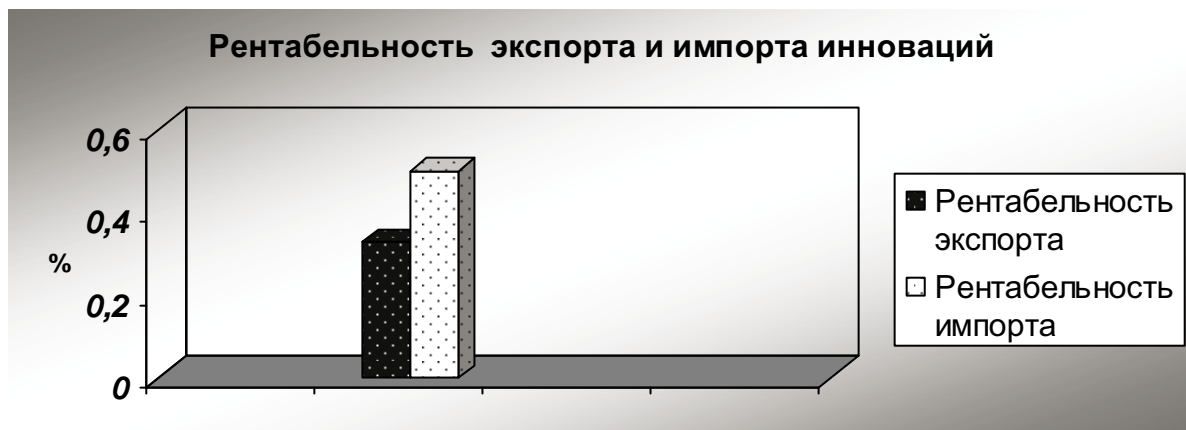

Рис. 10. Анализ рентабельности экспорта и импорта технологических инноваций в России (2000 – 2008 гг.)

Следовательно, увеличение объема импорта технологических инноваций позволит увеличить рентабельность промышленных предприятий и прибыль, остающуюся в их распоряжении. Что в свою очередь создаст возможность для формирования фондов развития финансирующих внедрение инноваций. В настоящее время по данным Госкомстата [1] удельный вес затрат на технологические инновации среди внедряющих их предприятий составляет около четверти (см. рис. 11).

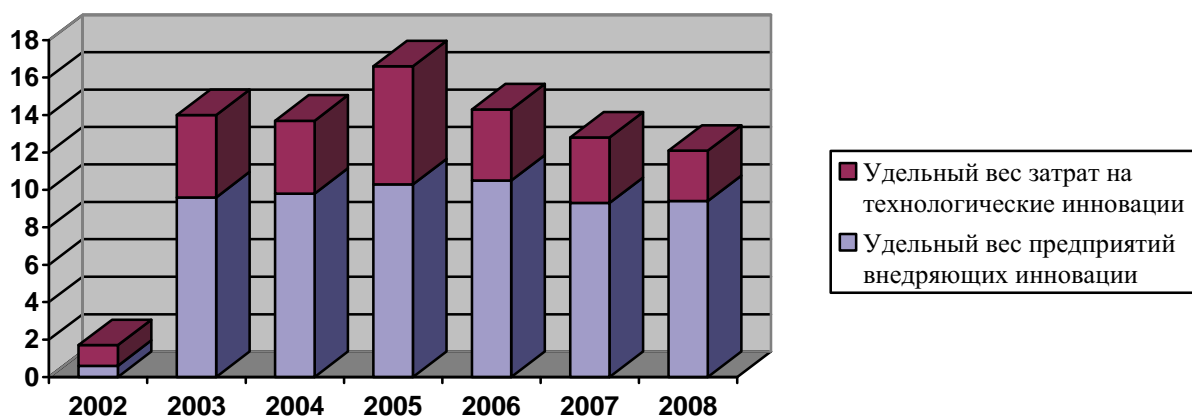

Рис. 11. Соотношение удельного веса затрат на технологические инновации и удельного веса предприятий внедряющих инновации к их общему объему

Увеличенные на срок внедрения такие затраты могут поглощать большую часть чистой прибыли, что в свою очередь может привести к лишь безубыточному существованию предприятий-новаторов. И от ожидаемого прогресса регрессивно отразится на их развитии. Это тем более значительно для предприятий ВПК, коим является ОАО «АСЗ», так как их плановая рентабельность составляет 25 %, а дисконтированный доход по известным причинам отсутствует. При недофинансировании по военным заказам и ничтожном количестве заказов на гражданское судостроение, когда рентабельности просто неоткуда взяться, а участвовать в тендерах приходится, интенсификация процессов внедрения инноваций имеет решающее значение. Ведь любой тендер может стать для предприятия инновационным, а трудоемкость инжиниринга в инновационном процессе является наибольшей (см. рис. 5). При этом окончательный расчет экономической эффективности от внедрения инновационного проекта зависит от завершения отдельных процессов: конструкторской разработки и части расчета по ней; технологического проектирования и расчетов по нему и т.д. Этот процесс можно ускорить за счет снижения времени на расчеты экономической эффективности от внедрения инноваций, что в свою очередь позволит своевременно подать заявку на участие в тендере и увеличить количество таких заявок. А в конечном счете и результатов, за счет которых можно загружать производственный процесс. Кроме того, взаимосвязь расчетов с графиком исполнения договоров (см. рис. 12) позволит контролировать процесс внедрения и обеспечивать его оптимизацию.

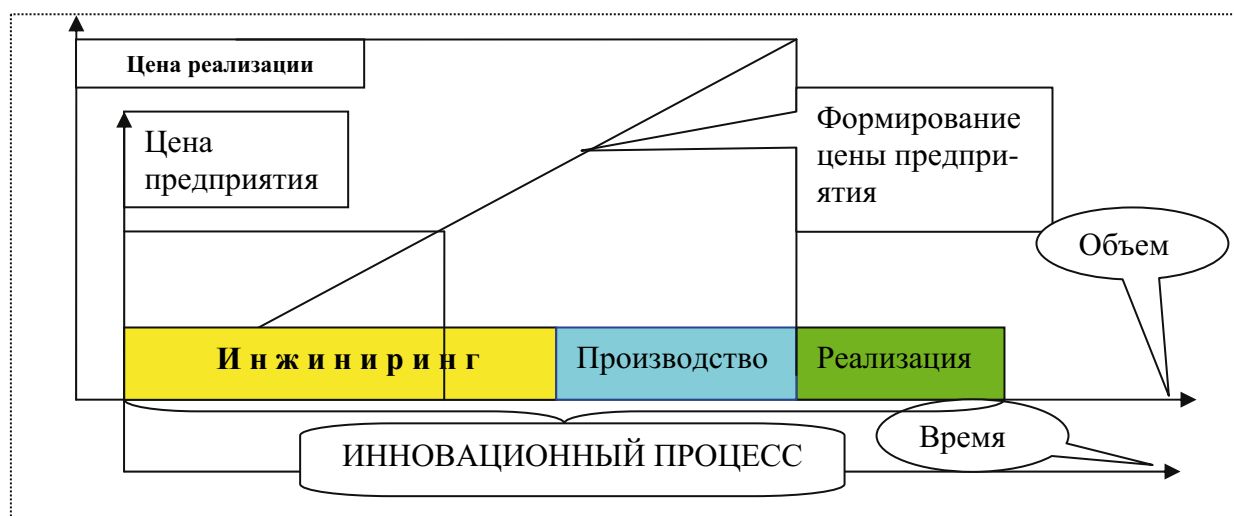

Рис. 12. График исполнения договоров хозяйствующих субъектов для процесса внедрения инновационных проектов

Наиболее удобным способом расчетов, по мнению экспертов, являются общепризнанные формы, такие как EXCEL, они не требуют длительной подготовки и в ряде вузов являются базовыми. Для их использования в расчетах разработана специальная программа, позволяющая мгновенно рассчитывать и корректировать экономическую эффективность от внедрения инновационных проектов на всем протяжении инновационного процесса (см. рис. 13).

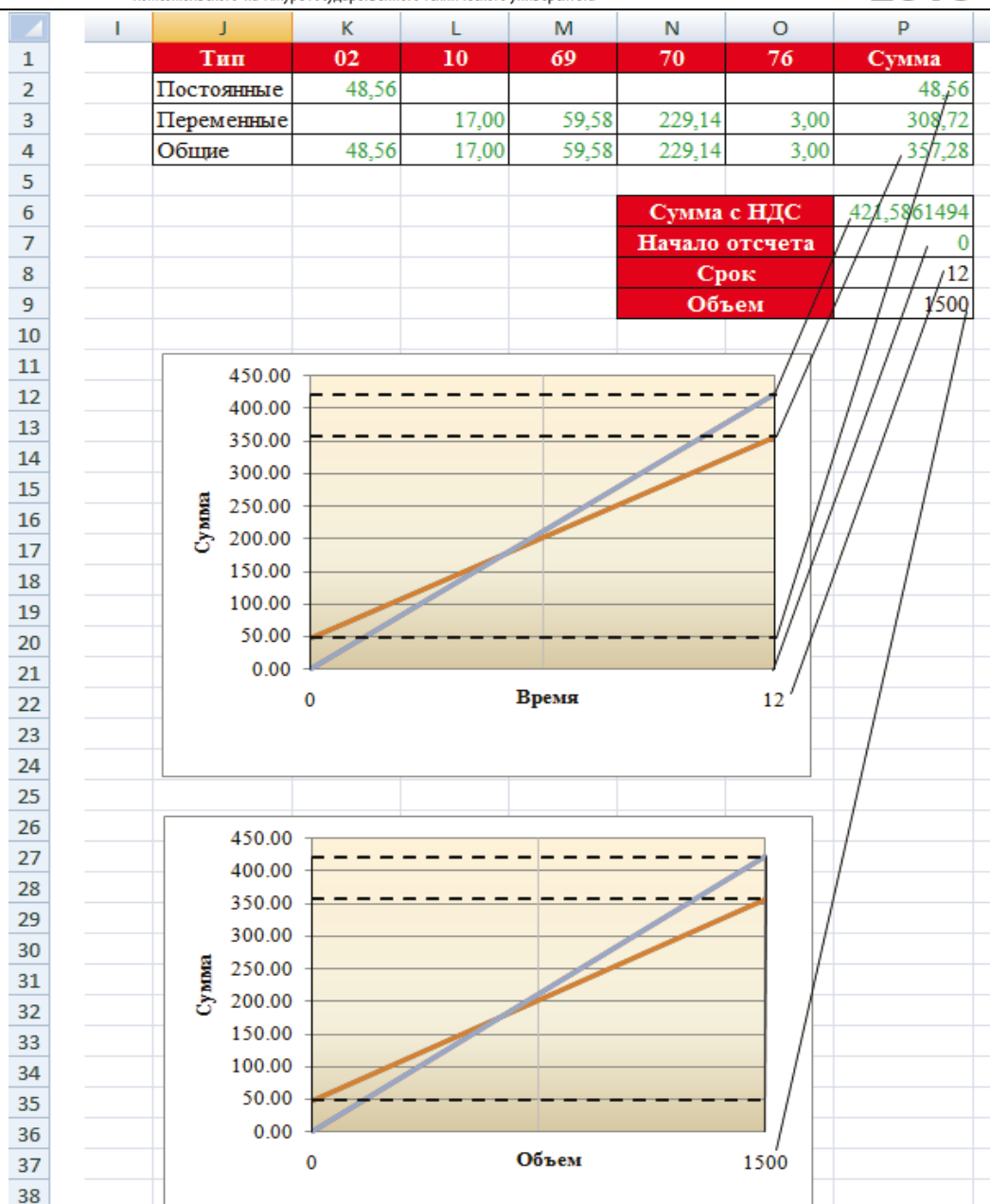

Рис. 13. Вид окна отражающего процесс расчета экономической эффективности инновационных проектов основанный на «кубе менеджера»[3]

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский статистический ежегодник 2008: Статистический сборник / Росстат. – М., 2009. – 826 с.
2. Гунин, В. И. Управление развитием организации. Модуль 7 / В. И. Гунин, Иво Дирикс (Yvo V.I. Dirickx). – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 328.
3. Харченко, С. В. Стратегическая необходимость и инструментарий интенсификации инновационных внедрений в России / С. В. Харченко // Инновации. – № 7(105). – июнь. – 2007. – С. 100.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Меньшиков А. А.
A.A.Menshikov

ДОКУЧАЕВ И. И. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЗНАКА. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО СЕМИОТИКЕ И ДИАЛОГИКЕ КУЛЬТУРЫ. – СПБ., 2010. (СЕРИЯ «СЛОВО О СУЩЕМ». Т. 92).

ILYA I. DOKUCHAEV. PHENOMENOLOGY OF SIGN. SELECTED WORKS IN SEMIOTICS AND DIALOGISM OF CULTURE. – ST.PETERSBURG, 2010 (“WORD ABOUT ENTITY”, V.92).

Меньшиков Антон Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и связей с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681003, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Интернациональный, 29-13; 8-4217-53-05-20. E-mail: menshikov_ant@mail.ru

Menshikov Anton - Ph.D., the senior lecturer of chair of philosophy, sociology and public relations of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681003, Komsomolsk-na-Amur, Prospect International, 29-13; 8-4217-53-05-20. E-mail: menshikov_ant@mail.ru

Рецензируемый сборник вышел вслед за монографией И.И. Докучаева и во многом поясняет, во-первых, научную традицию, которой следует автор. На становление авторского метода – и особенно это верно для ранних работ – в большой степени повлияла философия ценностей М.С. Кагана, который в списке цитат сборника по праву занимает лидирующее место. Во-вторых, сборник поясняет логику выхода исследования за границы частных проблем анализа культурных артефактов в пространство социокультурного бытия и возможностей его познания как предельно общего направления философии культуры. Внутренней логике становления метода подчиняется также структура сборника. Он включает в себя материалы трех монографий и десяти статей, опубликованных на протяжении последних двадцати лет. Материалы сборника расположены не исторически, а скорее в проблемной последовательности и объединены в шесть разделов: «Семиотика и гносеология», «Онтология и феноменология», «Диалогика культуры», «Аксиология культуры», «История и морфология жанров искусства».

Методологически совершенно оправдано объединение в разделы семиотики с гносеологией и феноменологии с онтологией. Посредством феноменологического исследования культурного знака И.И. Докучаев вышел на онтологические основания культуры, проявив себя одновременно и как философ, и как филолог, и как искусствовед.

И.И. Докучаев определяет знак в качестве «специфической модели описания результатов человеческой деятельности» (С. 14), где означающее материально и возможно, а означаемое формально и действительно. При этом автора не удовлетворяет состояние общей теории знаков, которая не способна выявить корреляцию знаковых систем с видами художественной деятельности, как, впрочем, и корреляцию знаков с системой культуры. В этой связи вполне ожидаемо, что исследователь, занимающий такую позицию, должен критично отнестись и к познавательным возможностям вербальной грамматики, и к лингвоцентризму в целом. И.И. Докучаев подтверждает ожидания, делая замечание, что «семиотические характеристики непрерывных пространственно-временных сред и дискретных лингвистических знаковых систем существенно различаются» (С. 133), и первые возможно описать лишь как процесс и ни в коем случае не как комплекс результатов.

Взамен критикуемых подходов к изучению культурного бытия в сборнике предлагается использовать феноменологический метод, поскольку культура в отличие от природы обладает «феноменальными» формами (С. 160). Научная ценность феноменологии заключается в ее способности преодолеть методологический кризис современного «герменевтического» состояния философии, связанный с отчуждением метода от онтологии.

В разделе «Диалогика культуры» на основе сформулированной методологии исследуется проблема интерсубъективности. С интерсубъективностью тесно связано общение, которое является единственным из видов человеческой деятельности, не завершающейся с достижением своего результата. Это означает, что общение есть «чистый» процесс, «не преследующий никакого результата, кроме самого себя» (С. 226). Отсюда и принципиальная незаконченность ситуации общения, когда оно продолжается в форме внутреннего диалога. По этой самой причине общение также и внеисторично – Платон или Гегель могут оказаться нам более современными, чем вышедший покурить на лестничную клетку сосед.

Такое понимание общения имеет серьезную гуманитарную (и гуманистическую) традицию. Н. Бердяев, К. Ясперс, М. Бубер понимали общение как подлинную и единственную форму человеческой жизни. Именно в общении личность реализуется наиболее полно. Но только в таком общении, которое по сути своей экзистенциально, иначе, если перефразировать Л. Фейербаха, самые большие болтуны на свете были бы наиболее полно реализовавшимися личностями. Экзистенциальная основа общения предполагает конституирование другого Я как равносущее себе. Узнавание другого Я обусловлено образцом узнающего Я и внешне – социокультурными образцами. Для обеспечения необходимой рефлексии над проблемой конституирования другого Я (а также самоконституирования – *А.М.*) нужно соединить гуссерлевскую аппрезентацию, бахтинскую эстетику и феноменологию естественного языка.

Таким образом, И.И. Докучаев с философской темой общения связывает «феномен дружности» (С. 274).

В разделе «Аксиология культуры» И.И. Докучаев формулирует гипотезу, получившую дальнейшее развитие в монографии и положенную в основу концепции социокультурного бытия: ценности есть «интеграл, который содержится в каждом аспекте культуры и определяет ее пространственно-временную специфику» (С. 279). Основываясь на интегральном характере ценностей, И.И. Докучаев делает вывод о чрезвычайной перспективности аксиологии и феноменологии культуры для метода анализа артефактов. Метод аксиологии наиболее адекватен субъективности человека и уникальности истории, а метод феноменологии наиболее применим для онтологического конструирования.

Например, для учебников и учебных пособий по истории Западной Европы общим местом является признание антропоцентричности и натуроцентричности культуры эпохи Возрождения. Но культура в себя включает и науку, и искусство. Можем ли мы говорить в общих терминах эпохи об этих видах человеческой деятельности, которые по своим основополагающим характеристикам диаметрально противоположны? Такую возможность нам дает аксиологический срез анализа ренессансной культуры. В горниле ее ценностей интегрируются интенции как науки, так и искусства.

В разделе «Аксиология культуры» также упоминается «креативная» культура как основа цивилизационного сдвига в сознании, ценностях, мировосприятии (С. 286). Впоследствии понятие креативной культуры станет ключевым для авторской типологии культур. Вари-

Меньшиков А. А.

ДОКУЧАЕВ И.И. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЗНАКА. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО СЕМИОТИКЕ И ДИАЛОГИКЕ КУЛЬТУРЫ. – СПБ., 2010. (СЕРИЯ «СЛОВО О СУЩЕМ». Т. 92)

антом кризиса креативной культуры, наступившего в XX веке, является, например, советская культура. В настоящее время на наших глазах формируется новый исторический тип культуры, в котором кризис креативной культуры, – а это, в первую очередь, кризис личности и ее форм и способов идентификаций, – должен быть решен, что является задачей сохранения человечества и человеческого в нас. Уже сейчас становится ясно, что постмодернистский синтез, возникший в результате гибели тоталитаризма, равно как и постмодернистское преодоление кризиса личности, не оправдал возлагавшихся на него больших надежд. Все явственней ощущается необходимость поиска новых форм соединения потребности в социальном объединении и индивидуальном самоутверждении.

Раздел «История и морфология жанров искусства» завершает сборник. В разделе дается искусствоведческий и культурологический анализ таких образцов, как памятник Петру Великому «современного авангардиста» Михаила Шемякина, рассказ А.П. Чехова «Человек в футляре», композиционные особенности романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», философская сказка Бориса Гребенщикова «Иван и Данилко».

Вопрос, который приходит сразу же после прочтения этого раздела, – а что объединяет выбранные образцы в этот самый раздел? Что изменится, если вместо памятника Петру Великому будет приведен анализ памятника Сергею Кирову, украшающему одноименную площадь Комсомольска-на-Амуре, а вместо чеховского «Человека в футляре» анализ комикса Стена Ли и Стива Дитко «Человек-паук»? Мне кажется, ничего не объединяет настолько, чтобы выделить эти образцы среди прочих, и ничего не изменится настолько, чтобы оставить эти образцы нетронутыми. Однако мое суждение справедливо до тех пор, пока я воспринимаю их вне контекста личности исследователя. Как только я соотношу образец культуры с личностью исследователя, мне становится понятен и приятен его выбор. Таким образом, для автора сборника указанный памятник Петру Великому, чеховский рассказ, роман М.Ю. Лермонтова и сказка Б. Гребенщикова более интересны и ценны. И этим подтверждается гипотеза о ценности как пронизывающем каждый аспект и каждый уровень культуры интеграле, возможно, единственном универсальном интеграле бытия человеческой культуры.

Егурнова А.А.
A.A. Egurnova

НАЛИВАЙКО Т. Е., ШИНКОРУК М. В. ДИАГНОСТИКА ПРЕДМЕТНЫХ, КОММУНИКАТИВНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ: МОНОГР. – ВЛАДИВОСТОК: ИЗД-ВО ДАЛЬНЕВОСТ. УН-ТА, 2009. – 175 С.

T.E. NALIVAYKO, M.V. SHYNKORUK. TESTING THEMATIC, COMMUNICATIVE AND SOCIAL COMPETENCIES OF UNIVERSITY STUDENTS. VLADIVOSTOK, THE FAR-EAST UNIVERSITY, 2009. 175 P.

Егурнова Александра Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: sashenkane@mail.ru

Ms.Alexandra A. Egurnova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, PhD Candidate at the Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), e-mail: sashenkane@mail.ru

Проблема диагностики компетентностей обучающихся и мониторинга их формирования весьма актуальна и междисциплинарна. На сегодняшний день феномен компетентности, главным образом, соотносится с профессиональным образованием. Тем не менее, авторы рецензируемой работы подробно и обстоятельно рассматривают компетентностный подход в сфере общего образования.

Данная монография представляет собой одну из первых попыток реализации системного подхода к оцениванию уровня сформированности предметных, коммуникативной и социальной компетентностей младших школьников не только в теоретическом плане, но и в плане его практического применения. Авторами осуществлен мониторинг формирования компетентностей по когнитивному критерию (на основе таких показателей, как полнота и глубина, конкретность и обобщенность, свернутость и развернутость, системность и систематичность, осознанность и прочность знаний учащихся) на примере естественнонаучного образования младших школьников.

Когнитивный критерий был выбран не без оснований. В современной науке все более усиливается тенденция к синтезу знаний; настойчиво поддерживается идея интегративного образования, которая позволяет за сравнительно короткое время узнать интересы младшего школьника и наметить пути развития его компетентности. Приоритетной становится задача развития личности младшего школьника. Включение не только естественнонаучных, но и исторических, экологических областей знаний в учебный предмет позволяет решать задачи социализации ребенка, воспитания экологической культуры, расширяет представления младшего школьника об общечеловеческих ценностях, представленных в науке и культуре; таким образом, формируется компетентный ученик.

В первой главе предлагается теоретическое обоснование системы критериев и показателей сформированности компетентностей у учащихся начальной общеобразовательной школы, а также сопроводительные методические материалы. Содержательно и аргументировано раскрыты такие критерии, как когнитивный, деятельностно-творческий и личностно-смысловой. Мониторинг формирования компетентностей младших школьников по деятельностно-творческому критерию позволяет отслеживать уровни качества знаний, то есть наличие данных знаний вообще, понимание знаний, применение знаний, анализ и синтез знаний. При оценке выраженности личностно-смыслового критерия главным становится вопрос о

ценностях и мировоззрении младшего школьника, особенностях темперамента и характера, системе мотивов, представлениях его о себе, особенностях межличностных отношений.

Кроме того, в этой же главе тщательно и глубоко рассмотрены возможности мониторинга формирования компетентностей младших школьников по каждому из критериев на примере конкретных уроков предметов естественнонаучного цикла. Сильной стороной является акцент, сделанный авторами, на ценности гуманистической и педагогической культур, в качестве которых выступают: не знания, а личностные смыслы учения в жизни ребенка; не отдельные умения и навыки, а индивидуальные особенности, самостоятельная учебная деятельность и жизненный опыт личности; не педагогические требования, а педагогическая поддержка и забота, сотрудничество и диалог ученика и учителя; не объем знаний, не количество усвоенной информации, а целостное развитие, саморазвитие и личностный рост ученика.

Вторая глава обосновывает и подробно описывает методику проведения диагностики по оценке сформированности компетентностей у учащихся начальной общеобразовательной школы. Авторы отмечают, что диагностика компетентностей школьников является неотъемлемой частью образовательного процесса, поэтому пути и способы, с помощью которых она осуществляется, тождественны методам и приемам реализации целостного педагогического процесса (беседа, решение задач, выполнение письменных и устных заданий и т.п.) и могут быть органично включены в урок, не нарушая его целостности. Кроме того, дается развернутый анализ социальной ситуации развития ребенка в младшем школьном возрасте. Большое внимание уделяется особенностям развития мотивации деятельности, преобразованию когнитивной сферы личности и формированию самооценки учащегося.

В третьей, четвертой и пятой главах обстоятельно представлен диагностический инструментарий для оценки сформированности предметных, коммуникативной и социальной компетентностей младших школьников соответственно. В его состав входят диагностические задания, направления наблюдений и тестовые методики (тесты, анкеты и др.). Каждое диагностическое задание представлено целевым ориентиром, указывающим на то, какой конкретно показатель сформированности компетентности оценивается; инструкцией, содержащей формулировку задания (вопроса) и стимульный материал; шкалой для оценивания степени выполнения задания. Направления наблюдения содержат целевую установку и шкалу для интерпретации результатов наблюдения. В описании тестовых методик, как правило, представлены назначение методики или цель исследования; описание методики; инструкция для младшего школьника; опросник или стимульный материал; способы обработки результатов; приемы интерпретации полученных данных.

Таким образом, монография «Диагностика предметных, коммуникативной и социальной компетентностей обучающихся», безусловно, расширяет представления о значимости целенаправленной педагогической поддержки, под влиянием которой формируются важные психические новообразования, происходит становление учебной деятельности, в частности, её мотивации и базовых учебных умений, которые во многом определяют эффективность всего дальнейшего обучения школьника. Предложенные авторами диагностический инструментарий и методика проведения диагностики по оценке сформированности компетентностей у учащихся начальной общеобразовательной школы, развивая лучшие традиции психолого-педагогического просвещения, являются несомненным достоинством данной работы и заслуживают высокой оценки. Монография Т.Е. Наливайко и М.В. Шинкорук содержит ценную информацию, которая будет полезной для преподавателей, учителей, школьных психологов, аспирантов, занимающихся проблемами компетентностного подхода, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами становления учебной деятельности у младшего школьника.

Лебедева Е.А.
E.A. Lebedeva

**ПОЭТИКА И ЭСТЕТИКА СЛОВА: СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПАМЯТИ
ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА ГРИГОРЬЕВА / ПОД РЕД. З. Ю. ПЕТРОВОЙ,
Н. А. ФАТЕЕВОЙ, Л. Л. ШЕСТАКОВОЙ. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 464 С.**

**POETICS AND AESTHETICS OF THE WORD: COLLECTED PAPERS IN MEMORY
OF VIKTOR P. GRIGORYEV, ED. BY Z.Y. PETROVA, N.A. FATEEVA,
L.L. SHESTAKOVA. – MOSCOW: LENAND, 2010. – 464 P.**

Лебедева Екатерина Александровна – соискатель Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Пионерская, д. 68, кв. 11; 8-909-866-49-21. E-mail: Blick-in-s@mail.ru

Ms. Ekaterina A. Lebedeva – PhD applicant, Komsomolsk-on-Amur Technical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 68 Pionerskaya St., flat 11, 8-909-866-49-21. e-mail: Blick-in-s@mail.ru

*Мы должны раздвоиться: быть и учёным, руководящим лучами,
и пламенем, населяющим волны луча, подвластного воле учёного*

В. Хлебников. Наша основа

«Будетлянин», «Самовитое слово», «язык с установкой на творчество», «эвристема как достояние культуры» – музыкой этих слов встречает нас Вселенная по имени Виктор Петрович Григорьев, один из немногих, видевших скрытое от глаз рядовых и искушённых читателей поэтического слова, филолог, исследования которого всегда вызывают неподдельный интерес и уважение.

По общему признанию коллег и учеников Виктора Петровича, Григорьев столь же многогранен и парадоксален, как Велимир Хлебников; учёный и сам нередко отождествлял себя с будетлянином. Им обоим присущ истинный дух творчества, смелость выводов, оригинальный язык и, конечно же, озорство и душа ребёнка. Примечательна в этом смысле статья В.В. Фещенко, где отмечается гармоничный синтез художественности и научности В. Хлебникова, стремление поэта к распространению поэтических интуиций в сферу научного разума. Так и Виктор Петрович Григорьев, со своими новаторскими и удивительно красивыми идеями в филологии, изменившими и продолжающими изменять понимание языковой системы: её пространство расширено до четырёх измерений, создан новый эвристический подход к языку русской поэзии XX века, – рождается так называемая «воображаемая филология», наука о словотворчестве.

В первом блоке настоящего издания представлены воспоминания и размышления о личности самого В.П. Григорьева, его неповторимой манере общения с учениками и коллегами, ведении им научной дискуссии (в личной беседе или заочно), а также вкладе блестящего учёного в филологическое знание, намеченных им путей развития лингвистической поэтики, поэтической лексикографии, исследований по языку художественной литературы. Материалы изложены эмоционально и трогательно, в них ощущается прочная нить, связывающая авторов с духовным наследием Виктора Петровича.

Второй раздел сборника, посвящённый изысканиям в сфере хлебниковедения, открывается статьёй Вяч. Вс. Иванова о «Досках судьбы». Знаменитый учёный называет В. Хлебникова изобретателем жанра семиотического текста сверхповести, состоящего из ряда словесных и числовых текстов, исследует его понимание констант структуры и эволюции природы и общества. Законы Времени по В. Хлебникову становятся предметом изучения и в

статье Т.В. Скулачевой, рассматривающей устройство и эволюцию его свободного стиха, а также у итальянского учёного G. Imposti, представившего на страницах данного сборника свои размышления об азиатских мотивах в творчестве поэта (и успехе пьесы, поставленной о нём во Флоренции) на английском языке. Н.Н. Перцова детально вглядывается в малоизученную страницу биографии В. Хлебникова – взаимоотношения с Н. Николаевой, работа А.А. Мамаева содержит масштабное исследование, посвящённое детским годам поэта и формированию его мировоззрения.

В третьем разделе книги представлены материалы о языке русской поэзии; среди них есть работы, затрагивающие особенности поэтики Н. Гумилёва, Н. Заболоцкого, С. Есенина, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, Л. Рубинштейна, Л. Аронсона и Г. Сапгира. К. Ичин обращает свое внимание на фактуру поэзии футуристов – сдвиг с идейно-смыслового уровня восприятия стихотворения на материальный. Автор статьи изучает особенности моментального письма А. Кручёных и эстетику его реализации в оформлении книг поэта, исполненных как самим автором, так и русскими художниками-авангардистами.

Современная поэзия является объектом рассмотрения в статье Н.А. Николиной, анализирующей категорию времени, и работе Л.В. Зубовой, остановившей заинтересованный взгляд на явления именного синкретизма, дающего широкое поле для экспериментов с художественным словом.

Языку русской прозы посвящён четвёртый раздел настоящего издания. Е.В. Джанжакова избирает темой своей публикации любимый рассказ А.П. Чехова «Студент», сравнивая его организацию с лирическим стихотворением, демонстрирующим эмоциональность и статичность текста. Крайне любопытна статья С.С. Бирюкова о минимальных единицах выразительности языка писателя – «наималах», термине В. Хлебникова, введённом в научный оборот В.П. Григорьевым.

О.В. Евтушенко обращается к когнитивному аспекту художественной речи в русской литературе XIX-XX веков, текстовые стратегии и хронотоп в современной прозе описывают и анализируют О.Г. Ревзина и Ю.В. Семёнова. В работе Е.М. Лазуткиной представлено исследование модусных оценок художественного текста как способа диалогического общения автора с читателем.

Проблемы поэтической лексикографии и поэтического перевода освещаются в пятом разделе сборника. В статье Е.М. Матвеева обозначены частные и общие проблемы описания рифмы в русской поэзии XVIII века; другими исследователями описываются особенности поэтических словарей А.В. Кольцова, М. Кузмина и В. Хлебникова.

А.А. Шунейко размышляет над введённым в научный оборот В.П. Григорьевым понятием экспрессымы, творчески индивидуальным сегментом эстетического смысла, на примере словоупотребления имени Будда. Р.Г. Кадимов выявляет проблемы и перспективы перевода поэтического текста, Б.В. Орехов и Е.А. Слободян обращаются к парадигматике стилистических неудач в русских переводах «Слова о полку Игореве».

Последний раздел сборника содержит мысли о возможном будущем филологии. М. Эпштейн, анализируя потенциалы русского языка, развивает идеи В.П. Григорьева многолетней работой над проективным словарём «Дар слова» и призывает к активной деятельности (а точнее – к «развязыванию языка») в области перформативной лингвистики, ставящей своей целью практическую систематизацию лексических единиц путём словотворчества с использованием уже существующих порождающих моделей. Именно так, как виделось Виктору Петровичу, преодолевая времена и пространства, спонтанно и вместе с тем глубоко продуманно, нести в мир индивидуально-авторское, но близкое каждому из носителей и поклонников русского языка.

Костюрина Н. Ю.

N. Y. Kostyurina

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЯЧИН. СОСТОЯНИЕ МЕТАКУЛЬТУРЫ. – ВЛАДИВОСТОК: ДАЛЬНАУКА, 2010. – 267 С.

SERGEY E. YACHIN. STATE METACULTURE. - VLADIVOSTOK: DAL'NAUKA, 2010. - 267 S.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681022, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Победы, 56-33; 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru

Kosturina Nadezda – Ph.D., the professor of chair of culturology of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681022, Komsomolsk-na-Amur, Prospect Pobedy, 56-33. 8-4217-25-32-01. E-mail: kosturina@mail.ru

Представляемая читателю монография доктора философских наук, заведующего кафедрой философии ДВГТУ, декана ФКА ГУМИ ДВГТУ, участника международного метакультурного сообщества, руководителя программы российского метакультурного сообщества – не просто одна из теорий культуры, существующих в отечественной гуманитаристике – это труд, обобщающий работы разных лет («Феноменология сознательной жизни», 1992, «Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена», 2001, «Слово и феномен», 2006 и др.), а главное – это мировоззренческая позиция, комплекс представлений автора о смысле жизни и основных принципах взаимодействия человека с миром.

Обобщающий характер монографии отражен в структуре текста, состоящего из четырех глав: «Феноменология культуры», «По образу и подобию языка: логос культуры», «Личность и культура», «Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред».

Формулируя свои исследовательские цели, автор исходит из представления о том, что в современном мире невозможно сосуществование различных государств, народов, стран, регионов, основанное только на взаимовыгодном обмене в сфере экономики, а для выживания человечеству необходимо задуматься над поиском нового «фундамента единства человеческого мира» (С. 8). В поисках подобного основания С.Е. Ячин и обращается к культуре, рассматривая ее как одну из форм/сфер общественной жизни, наряду с политикой и экономикой, включая в само понятие культуры искусство, образование, науку и СМИ. Изменение состояния современной культуры, происходящее таким образом, чтобы стать фундаментом единения стран и народов, названо автором «состоянием метакультуры»; принимая во внимание важность для книги в целом данного понятия, закономерным будет наше стремление осмыслить его содержание, что невозможно без краткого изложения авторской концепции культуры, которая в ряде положений становится продолжением теории Н. Лумана, представителя третьего поколения философов Франкфуртской школы, в концепцию которого С.Е. Ячин «вписывает» сферу культуры.

«Культура есть смысловая форма человеческого бытия» – отмечает С.Е. Ячин и предлагает понимать культуру как форму «каждого из нас вместе», культура открывает человеку возможность раскрытия потаенного в самом себе, в Бытии, в природе, в другом человеке (С. 18). Исследование «культурной формы человеческого бытия» осуществляется через ряд антиномий: культуры/натуры, культуры/цивилизации, традиции/новации (С. 47). Структура

Костюрина Н. Ю.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЯЧИН. СОСТОЯНИЕ МЕТАКУЛЬТУРЫ. – ВЛАДИВОСТОК: ДАЛЬНАУКА, 2010. – 267 С.

культурных форм в целом, по мысли автора, – есть результат способности человека «мыслить, чувствовать, верить и решать» (С. 69).

Формирует культуру, по мысли С.Е. Ячина, историческое событие, обуславливающее «дифференциацию единого исторического потока на отдельные русла» (С. 73) и рост культурного многообразия; художественные произведения также осмысливаются функционально как события.

Исследователь стремится описать культуру в рамках событийного мышления (подробно об этом речь идет в гл. 4), определяя культуру как «событийную форму экстатической (творческой) соотнесенности человеческой личности с Иным» (С. 20). Принципом взаимодействия человека с Иным в сфере культуры становится дар, в сфере экзистенциального – жертва, в сфере социального взаимодействия – обмен.

Категория дара (основа культурной формы жизни) – одна из важнейших категорий концепции. От антропологического представления о даре как принципе социальных отношений, связывающих между собой и современников, и целые поколения, С.Е. Ячин предлагает перейти к представлению о даре как действии, в основе которого лежит особая логика. Главное отличие дара от обмена заключается в том, что он не предполагает непосредственного возврата и предполагает для своего осуществления наличие не двух, а как минимум трех партнеров. Дар Учителя и дар Художника эталонно демонстрируют основные свойства дара – необратимость и тотальность предоставления (С. 60 – 61). Культура, таким образом, предстает как совокупность даров творческих личностей – святителей, ученых, писателей, инженеров и пр.

Культура, по мысли автора, живет дарами, бескорыстными вкладами, а специфика современной культуры (одной из ключевых задач исследования является философское исследование современной культуры) в том, что, с одной стороны, рынок подменяет логику дарения логикой обмена, вторгается в акт дарения, в существо творческого процесса, а с другой стороны, дар не может быть по достоинству оценен. Культура жизнеспособна, если она живет вкладами, и гибнет, если дар подменяется обменом (обмен – основная характеристика современной цивилизации).

Различая культуру и цивилизацию как стадии единого процесса, С.Е. Ячин считает важными характеристиками творчества подлинность (в культуре) и неподлинность (в цивилизации): «Господство отчужденной культурной формы деформирует творческое призвание человека в демонстрацию этого призвания», когда вопрос квалификации, мастерства или таланта не ставится вообще. Право личности на самовыражение – важнейшее политическое завоевание современности – находит, по мысли автора, закономерное воплощение в неподлинности творчества в современной массовой культуре, понимаемой не столько как культура потребления массовых зрелищ, сколько как культура производства массовых зрелищ. Избыточностью зрелищности, отмечает ученый, обусловлено ослабление потребности и способности творить у современного человека: «таланты и фантазия создателей компьютерных игр напрочь стирают воображение и начала творческих способностей пользователей» (С. 187).

Массовая культура представляется автору результатом «извращенной жажды человека творить» (С. 10), стремлением самоутвердиться перед лицом других людей; в ней находит свое воплощение реальность культуры, отчужденной от человеческой души.

Метакультура, по мысли автора, способна предоставить возможность для развития творческой сущности каждого человека и, таким образом, главная цель книги – показать, при каких условиях может быть достигнута эта реализация.

Состояние метакультуры – есть стадия возвращения культуры к человеку или хотя бы осознания необходимости такого возвращения. «Мета» понимается С.Е. Ячиным и как «сверх» и как «после». В первом значении «сверх» метакультура – это состояние культуры за пределами ее конкретной исторической формы (конкретного исторического типа культуры, половозростных, профессиональных, этнических, религиозных субкультур), во втором – «дополнение и замещение порядка культуры порядком этики личности». Этика личности и есть этика творчества. Личность противоположна индивидуальности, как дарящая – присваивающей, и может быть помыслена только в соотнесенности с Иным.

Метакультура мыслится автором как знаниевая культура, т.е. исходящая из позиции знания (а не убеждения или ценности). Метакультура основывается на способности человека не только быть носителем культуры или ее творцом, но быть одновременно ее исследователем (и здесь идет речь о необходимости позиции внеаходимости относительно выработанных культурных норм), таким образом, условием выживания человечества представляется способность каждого конкретного человека аналитически относиться к явлениям искусственной среды любого происхождения и использовать их для увеличения своего творческого потенциала; метакультура должна стать культурой разума, т. к. только посредством рефлексивного отношения к творимому и присваиваемому возможно возвращение к подлинности существования.

Состояние метакультуры предполагает, по мнению автора, и смену базовой парадигмы межкультурного общения.

Новый путь взаимодействия культур – через личность – автор называет метакультурным, имея в виду, что механическое заимствование и подражание как элементы культурной динамики должны уступить место так называемому «катарсическому» присвоению инокультурных форм, т.е. они должны быть восприняты, прочувствованы и воплощены в творческом акте личности.

Межличностное общение рассматривается как модель метакультуры, поэтому отдельно необходимо упомянуть о разработке концепции личности и роли языка в культуре (Гл. 2, 3), где выстраивается архитектура культуры и по аналогии с естественным языком выделяются и характеризуются такие формы культуры, как поэтика культуры, грамматика культуры, риторика культуры и семантика культуры.

Последним, пятьдесят первым параграфом книги становится «Сводка формул метакультуры», представляющая собой двенадцать важнейших тезисов, вмещающих основные параметры и характеристики метакультуры.

Многие положения концепции С.Е. Ячина достаточно провокационны и приглашают читателя к «переходу культурной границы» собственного восприятия и оценки, когда только и возможно событие встречи, диалог, понимание и развитие.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ
CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Егурнова А.А.
A.A. Egunnova

**XXXX НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
(КнАГТУ, СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»)**

**40TH SCIENTIFIC AND TECHNICAL CONFERENCE OF UNDERGRADUATE
AND POSTGRADUATE STUDENTS (KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL
UNIVERSITY, PANEL “EDUCATION STUDIES AND PSYCHOLOGY”)**

Егурнова Александра Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: sashenkane@mail.ru

Ms.Alexandra A. Egunnova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, PhD Candidate of the Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, e-mail: sashenkane@mail.ru.

В период с 5 по 17 апреля 2010 года в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете состоялась юбилейная XXXX Межвузовская научно-техническая конференция студентов и аспирантов, на которой были представлены доклады, посвященные актуальным проблемам в области технических и гуманитарных наук.

На заседании секции «Педагогика и психология», состоявшейся 15 апреля, было заслушано 13 сообщений, большинство из которых носят прикладной характер и являются результатом научных исследований, проведенных участниками конференции.

Неподдельный интерес и оживленное обсуждение аудитории вызвали доклады студенток Е.А. Козловой «Изучение склонности к виктимному поведению у студентов КнАГТУ», Т.А. Лариной и Е.С. Ертышонковой «Гендерные стереотипы в восприятии современных юношей и девушек».

Исследование склонности к виктимному поведению Е.А. Козлова (гр. 7СР) проводила на 100 студентах 3-го курса (57 девушек и 43 юноши) семи академических групп КнАГТУ технических специальностей. В результате оказалось, что приблизительно у 40 % девушек и юношей доминирует жертвенное поведение, социально одобряемое. Люди данного типа считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт (защита слабого, отстаивание чести и достоинства и т.п.). Модель агрессивного виктимного поведения свойственна лишь 28 % представителей мужского пола, т.е. для них характерно намеренное создание конфликтной ситуации. Тем не менее, по словам исследователя, большинство студентов (68,5 % девушек и 46,5 % юношей) стремятся избегать ситуации конфликта и способны контролировать своё поведение, не попадая в неблагоприятные обстоятельства.

Сообщение Т.А. Лариной и Е.С. Ертышонковой (гр. 8ПГ), посвященное проблеме гендерных стереотипов в восприятии студентов КнАГТУ, вызвало положительную реакцию аудитории. Выяснилось, что в студенческой среде данные стереотипы не устойчивы, подвержены изменениям. Авторы доклада привели несколько примеров из проведенного анкетирования. Так, на вопрос «Как вы относитесь к мифу о блондинках?» 80 % девушек и 55 % парней ответили, что это предрассудки; 30 % парней и 5 % девушек согласны с этим мифом. На вопрос «Существует ли женская логика?» 65 % парней и 95 % девушек ответили «да» и только 35 % парней и 5 % девушек ответили «нет». Большинство же студентов не согласны со стереотипными женскими и мужскими ролями, навязываемыми обществом. Они демонстрируют более гибкие взгляды на ролевые взаимоотношения мужчин и женщин.

Кроме студентов, с докладами выступили три аспиранта кафедры педагогики и психологии профессионального образования ГОУВПО «КнАГТУ»: А.В. Комиссарова «К вопро-

су о формировании информационной компетентности студентов-биотехнологов», Е.Е. Саламин «Воля и волевые качества в философской и психолого-педагогической литературе» и А.А. Егурнова «К вопросу о формировании культуры письменного речевого общения на английском языке».

А.В. Комиссарова в своем докладе определила понятие «информационная компетентность» применительно к проблеме обучения студентов вузов как интегральное качество личности, объединившее теоретические знания об источниках информации и умения работать с информацией, представленной в различном виде, а также возможность самостоятельно применять новые информационные технологии в процессе познания. Она подчеркнула, что на сегодняшний день выпускники специальности «Биотехнология» не обладают достаточным уровнем знаний и умений в области информационной деятельности. Многие из них беспомощны при выборе нужных документов по заданной теме, не владеют методикой информационного поиска, не умеют грамотно оформить результаты поиска и т.д. В итоге, автор предложила выстроить процесс формирования информационной компетентности будущих специалистов в сфере химической технологии и биотехнологии на научной основе, принимая во внимание требования работодателей и потребности современного информационного общества, а также учитывая личностную ориентированность процесса обучения и специфические черты профессиональной деятельности рассматриваемого специалиста.

Е.Е. Саламин в своем докладе провел сравнительный анализ теорий воли в отечественной и зарубежной психологии, отметив, что волевой акт – это звено в системе отношений человека с внешним миром, посредством которого соединяются намерение и действие, социальное и биологическое. В этом процессе мотив играет важную роль, именно посредством мотива осуществляется любое действие. Кроме того, автор утверждал, что с точки зрения деятельности будущего специалиста технического вуза, сам факт использования волевого действия влечет за собой обдумывание его с позиций нравственности. Поэтому студенты, выполняющие учебно-тренировочную деятельность, не должны забывать о постоянной тренировке воли – необходимого условия повышения эффективности их деятельности.

А.А. Егурнова, рассматривая проблему формирования культуры письменного речевого общения на английском языке, выделила четыре основных принципа построения англоязычных письменных сообщений, соблюдение которых позитивно влияет на процесс эффективного формирования культуры письменного речевого общения у студентов-лингвистов. Во-первых, это принцип систематичности и последовательности, предполагающий установление порядка и методики работы над составлением письменного сообщения. Во-вторых, культурологический принцип, который представляет собой знание национальных традиций, особенностей культуры и менталитета англоязычных носителей этноса; их взгляды и отношение к важным мировым проблемам (загрязнение окружающей среды, глобализация и пр.) и дискуссионным вопросам (гендерная дискриминация, образовательная политика и пр.). В-третьих, принцип связи теории с практикой. Он подразумевает неразрывную связь двух видов речевой деятельности – письма и чтения. По утверждению автора, студенты, изучая аутентичные англоязычные эссе и письма, анализируя их структуру и лексическое наполнение, формируют и совершенствуют полученные знания, а затем применяют их в собственной практике составления письменных сообщений. И наконец, принцип интерактивности, объединяющий интерактивность в подходах к обучению англоязычной письменной речи, интерактивность обучаемых в процессе написания сообщения, а также интерактивность обучаемых и преподавателя в процессе корректировки сообщения.

В целом, выступления были яркими и познавательными. Все докладчики уверенно отвечали на задаваемые вопросы и аргументировано защищали свою позицию.

По завершении заседания, председатель секции высказал надежду, что нынешняя конференция даст новый импульс творческим исканиям, и пожелал успехов в дальнейшей научно-исследовательской работе.

Шушарина Г. А.

8-АЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ:
ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К КУЛЬТУРНОМУ МНОГООБРАЗИЮ»

Шушарина Г.А.
G.A. Shusharina

**8-я МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ:
ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К КУЛЬТУРНОМУ МНОГООБРАЗИЮ»**

**8TH FEELTA INTERNATIONAL CONFERENCE ON LANGUAGE TEACHING “FROM
BROADCASTING TO NARROWCASTING : GLOBAL ENGLISHES, LOCAL CON-
TEXTS”**

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 9, кв. 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Head of the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-na-Amure). Komsomolsk-na-Amure, pr. Lenina 9 - 57. E-mail: sshusharin@kmscom.ru

28-30 июня 2010 г. в Дальневосточном государственном гуманитарном университете (г. Хабаровск) состоялась 8-я международная конференция «Обучение английскому языку: от глобализации к культурному многообразию», которая была организована Дальневосточной общественной организацией преподавателей английского языка (FEELTA), Институтом лингвистики и межкультурной коммуникации ДВГУ и Тихоокеанским государственным университетом.

В конференции приняло участие более 150 специалистов по преподаванию английского языка из ведущих вузов России. Международный статус конференции был подтвержден участием в ней специалистов из США, Японии, Таиланда, Индонезии, Южной Кореи.

Большой интерес вызвали пленарные заседания, на которых с докладами выступили профессор МГУ М. Бергельсон (Linguistics and Intercultural Communication: is it a Substantial or Formal Association?), профессор ДВГУ М. Г. Лебедько (Stereotypes as Uncomfortable Topics in Education: Applying De-stereotyping Strategies), профессор ДВГУ, председатель Дальневосточной общественной организацией преподавателей английского языка Г. Ловцевич (Cross-cultural Dictionary of EFL Terms: From Inception to Printed Page), преподаватель университета St. Thomas (г. Осака, Япония) Стивен М. Райен (From Broadcasting to Narrowcasting: Localizing Methodology), профессор университета Dubai Men's College (Дубай, Объединенные Арабские Эмираты) Кристин Кумб (10 Characteristics of Highly Effective Teachers), преподаватель Miriam College High School (Филиппины) Эдизон А. Фермин (Lessons from the Matryoshka Doll: Making Glocal English Language Teaching Work), преподаватель Northern Virginia Community College (США) Джанет Джианнотти (Choosing and Using Novels in EFL Classes).

Особое внимание участников привлек доклад профессора МГУ М. Бергельсон, подчеркивающий, что преподавание английского языка можно значительно улучшить, зная новейшие научные направления в лингвистике и применяя знания на занятиях в аудитории. Лингвистическая компетенция позволяет задействовать весь репертуар умственных, социальных и эмоциональных механизмов человеческого мышления. Если мы принимаем тезис о том, что коммуникация осуществляется благодаря поставленной цели перед участниками общения, то изучение способов достижения данной цели, изучение того, что имплицитно содержится в высказывании, является основой успешной межкультурной коммуникации.

В сообщении профессора ДВГУ М.Г. Лебедько утверждалось, что стереотипы повсеместно проникли в образовательную среду, тем не менее, преподаватели неохотно обсуждают стереотипы на своих занятиях, считая эту тему не заслуживающей внимания. Мария Ле-

бедько разработала стратегии и тактики, позволяющие эффективно обучить студентов таким сложным явлениям, как стереотипы.

Неподдельный интерес вызвал доклад председателя Дальневосточной общественной организацией преподавателей английского языка Г. Ловцевич. Автор уже несколько лет работает над созданием словаря терминов, используемых в преподавании английского языка. Галина Ловцевич рассказала о том, как возникла идея создания указанного словаря и об этапах его составления.

Помимо пленарных заседаний на конференции были организованы секционные выступления докладчиков по следующим направлениям: English in the Pacific Rim Countries, Teaching Methods, Cultural Issues, English for Specific Purposes, Teacher Development and Education, Interpreting and Translating, Linguistics, Global Issues in Language Education. В целом, выступления были яркими, научно-обоснованными, подкрепленными качественным иллюстративным материалом. Активное участие в секционных заседаниях приняли аспиранты.

Интересной находкой организаторов международной конференции можно назвать презентацию плакатов (Poster Presentations), которые отражали накопленный опыт в преподавании отдельных аспектов обучения английскому языку (Reading for Summarizing a Scientific Text), а также в организации страноведческих праздников (American Culture and Traditions in Russian Universities: Halloween).

Результаты конференции имеют теоретическое и практическое значение.

Докучаев И. И.

НЕКРОЛОГ УМЕР ЛИДЕР ВОЗРОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

УМЕР ЛИДЕР ВОЗРОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

ALEXEY G. CHERNYAKOV (1955-2010) – THE CHAMPION OF PHILOSOPHICAL REVIVAL IN MODERN RUSSIA

Mr. Pya I. Dokuchayev – Doctor of Philosophical Studies, PhD in Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University.

В Санкт-Петербурге на 56-м году жизни скончался выдающийся российский ученый и философ Алексей Григорьевич Черняков.

А.Г. Черняков закончил СПбГУ и защитил кандидатскую диссертацию по математике, учился философии в Кембридже и Утрехте, получил в Амстердаме степень доктора философии, а затем защитил в РГГУ докторскую диссертацию по истории философии. Долгие годы он преподавал в Высшей религиозно-философской школе (г. Санкт-Петербурга), а в последнее время был профессором Санкт-Петербургского университета. А.Г. Черняков в совершенстве владел рядом новых и древних языков, он автор многочисленных статей, книг и переводов классиков философской мысли.

Краткий перечень этих фактов выразительно свидетельствует о разнообразии интересов и сложности творческого пути Алексея Григорьевича, но это разнообразие никогда не разрушало цельности его научной работы. К любой интересовавшей его проблеме он относился с научной и философской позиции. Научность понималась им как стремление к строгости метода, к верифицируемости полученных результатов, всестороннему охвату и учету научной традиции в обсуждении того или иного вопроса. Философский подход понимался как исследование основоположений изучаемой предметной области, будь то метафизика, этика или поэтика, математика или языкознание. Основоположением же любого знания был для А.Г. Чернякова ответ на вопрос о бытии и сущности познаваемого предмета.

Определять место выдающегося философа в истории науки и культуре – дело неблагодарное. Однако в одном из некрологов, появившихся сразу после смерти Алексея Григорьевича Чернякова, я нашел очень удачное определение. А.Г. Черняков был назван лидером возрождения философского образования в России. Но мне показалось, что оно слишком сужает роль философа. А.Г. Черняков был не только блестящим преподавателем, но и выдающимся ученым. Синтез науки и образования, осуществленный им в его работе, лучше всего назвать высокой философской культурой. Фигура А.Г. Чернякова в истории русской философской культуры уникальна. Сегодня в России, конечно, появились настоящие профессионалы философской работы, но еще двадцать лет назад все наше отечественное философствование сводилось к убогим пересказам учебников и фрагментов зарубежного философского наследия, представленных в виде переводов отдельных текстов на русский язык. Сама философская общественность не могла преодолеть этот порок, она воспроизводила только себе подобных. Необходимо было радикальное изменение существа философской школы для того, чтобы философская культура в России приобрела хотя бы профессиональный характер, не говоря уже о значимой для мирового философского сообщества оригинальности. В России работали выдающиеся ученые: математики, физики, филологи. Советских философов подобного уровня можно пересчитать по пальцам одной руки. Изменение ситуации началось именно тогда, когда в философию стали приходить люди, понимавшие, что значит настоящая научная традиция. Опыт такой традиции можно было получить только за пределами философских факультетов.

А.Г. Черняков пришел в философию из математики, и он работал с философскими проблемами так же, как с математическими. Метод был тот же, да и предметы предстали не настолько различными, как может это показаться со стороны современного «постнеклассическинаучного» взгляда на философию. Строгий анализ философских текстов с применением новейших филологических методов, блестящее знание иностранных языков породило

удивительный философский феномен А.Г. Чернякова. Феномен подлинной истории философии. Может ли сегодня быть понятным тот или иной философский текст далекого или недавнего прошлого аутентично? Наверное, нет. Его понимание все равно окажется в сфере сегодняшнего научного и ценностного мировоззрения. Но приближение к этой аутентичности все-таки возможно, правда не тогда, когда мы грубо или виртуозно медитируем вокруг текста и создаем на его темы собственные философские вариации, но тогда, когда мы предпринимаем все мыслимые усилия для того, чтобы не выйти за пределы имеющегося лингвистического или логического факта. И усилия, предпринятые А.Г. Черняковым, были поистине титаническими. Такие усилия невозможны без поразительного таланта и еще более чудесной работоспособности. На семинарах А.Г. Чернякова казалось, что голос Парменида или Аристотеля, Суареса или Фомы Аквинского, Рене Декарта или Вильгельма Лейбница, Иммануила Канта или Готлоба Фихте, Эдмунда Гуссерля или Мартина Хайдеггера звучит в изначальной и внятной форме. Ничего, кроме этого голоса, нельзя было слышать на этих семинарах; и это было почти невозможно, ибо интерпретация не в состоянии не подменить собой интерпретируемое явление: она всегда тщеславна; она всегда имеет дело с осколками, в которых только и доходит до нас целостное философское мироощущение, присущее другой эпохе и великому мыслителю; наконец, она всегда зависит от огромного количества аналогичных интерпретаций.

Алексей Григорьевич Черняков, создавший это коммуникативное пространство взаимодействия текстов прошлого и живой мысли, отличался изумительной интерпретаторской скромностью. Но сегодня быть скромным в философии – это право только великих философов; и Алексей Григорьевич Черняков принадлежал к их числу. Он был большим учителем философии, подлинным лидером возрождения философской культуры в России.

Илья Игоревич Докучаев,
доктор философских наук, профессор